

Учредитель:

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ВЕСТНИК
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Председатель
Редакционного совета:
Гагик Арутюнян

Издательская группа:
Грант Назарян
Анаит Манасян
Ирина Даниелян
Наира Алексанян
Стелла Григорян

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Тел. (+374 11)58-81-89

5
2016

СОДЕРЖАНИЕ

* ПКС-1189. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ВТОРОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 90 ЗАКОНА РА “О БАНКРОТСТВЕ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ООО “ТПАГРАТУН “МУСАЛЕР”	3
* ПКС-1192. ПО СОЕДИНЕННОМУ ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 154 И ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 158 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН АРА САРГСЯНА, ДВИНА ИСАНЯНСА, РУДОЛЬФА ОВАКИМЯНА, МАГДЫ ЕГИАЗАРЯН, АРАМА САРГСЯНА, ХАЧАТУРА МАРОЗЯНА	15
* ПКС-1196. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 404, ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 407 И ПУНКТА 2 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 414.1 УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН ВАЛЕНТИНЫ МКРТИЧЯН И СОФЬИ ТОРОСЯН	38
* ПКС-1197. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ВТОРОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 171, ПЕРВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 173 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА	50
* ПКС-1220. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 223 И ЧАСТЕЙ 4 И 5 СТАТЬИ 231 ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН ОВАННЕСА СААКЯНА И КАРАПЕТА АДЖИЯНА	66
* ПКС-1222. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 181 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА САМВЕЛА АЛАВЕРДЯНА	77
* ПКС-1224. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ ПРИНЯТОГО НАЦИОНАЛЬНЫМ СОБРАНИЕМ РА 21.06.2014 Г. ЗАКОНА РА “О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОН РА “О НАКОПИТЕЛЬНЫХ ПЕНСИЯХ” /ЗР-67-Н/ И СВЯЗАННЫХ С НИМ ЗАКОНОВ ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н И ЗР-77-Н, А ТАКЖЕ СТАТЕЙ 6 И 10 НАХОДЯЩЕГОСЯ В СИСТЕМНОЙ СВЯЗИ С НИМИ ЗАКОНА РА “О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ” (ЗР-246-Н).....	96
* ПКС-1231. ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 196 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДА РА	161



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ВТОРОГО АБЗАЦА ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 90 ЗАКОНА РА
“О БАНКРОТСТВЕ” КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
ООО “ТПАГРАТУН “МУСАЛЕР”**

г. Ереван

27 января 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна (докладчик), А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя - представителя ООО “Тпагратун “Мусалер” С. Цаканяна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА - начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело

“Об определении вопроса соответствия второго абзаца части 2 статьи 90 Закона РА “О банкротстве” Конституции Республики Армения на основании обращения ООО “Тпагратун “Мусалер”.

Поводом к рассмотрению дела явилось обращение ООО “Тпагратун “Мусалер”, зарегистрированное в Конституционном Суде РА 17 июля 2014 г.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Закон РА “О банкротстве” и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О банкротстве” принят Национальным Собранием РА 25 декабря 2006 года, подписан Президентом РА 22 января 2007 года и вступил в силу с 10 февраля 2007 года.

Второй абзац части 2 статьи 90 Закона РА “О банкротстве” устанавливает: “В этом случае с момента окончания дела отменяются приостановления, предусмотренные частями четвертой и пятой статьи 13 и частью третьей статьи 19 настоящего Закона. Санированное лицо одновременно освобождается от всех тех обязательств, вытекающие из которых требования не были предъявлены в рамках законченного дела о банкротстве, и эти кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления требований к санированному лицу, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей и четвертой настоящей статьи”.

2. Процессуальная предыстория являющегося предметом рассмотрения дела сводится к следующему. Заявитель 01.02.2013 г. предъявил иск в суд первой инстанции общей юрисдикции Армавирского марза против ЗАО “Армавирский молочный завод” с требованием о взыскании 1.073.940 драмов РА (гражд. дело номер ՍԴԴ/0068/02/13).

20.06.2013 г. судом вынесено решение, которым суд, подтверждая долг Общества-ответчика в размере 1.073.940 драмов РА, отклонил исковое заявление, принимая за основание положения части 2 статьи 90 Закона РА “О банкротстве”, а именно: являющееся должником ЗАО “Армавирский молочный завод” было признано банкротом, санировано, а заявитель в установленном законом порядке и сроки не представил заявление для включения себя в список кредиторов Общества, признанного банкротом.

3. Заявитель находит, что оспариваемое положение противоречит статьям 8, 31 и 18 Конституции РА, так как в оспариваемом положении отсутствуют предусмотренные Законом объективные основания, необходимые для лишения права собственности, и подобное регулирование, по сути, приводит к вынесению судебного акта без обеспечения для кредитора надлежащей судебной процедуры, без предоставления последнему возможности защиты своих прав и свобод. По мнению заявителя, учитывая оспариваемое правовое регулирование, суд, рассматривающий дело о банкротстве, выносит судебный акт по делу о банкротстве, которым освобождает обанкротившееся и санированное лицо от ответственности по прежним обязательствам, что, по сути, включает положения относительно лишения не ставшего участником дела лица права собственности на свое имущество (включая деньги и имущественные обязательства). А в дальнейшем приводит к тому, что лицо, которое объективно не было осведомлено о судебном процессе относительно нахождения своего должника в процессе банкротства, что касалось и его самого, фактически лишается возможности защиты своего охраняемого законом права собственности, а какой-либо другой правовой инструмент, который дал бы возможность кредитору защитить свои права каким-либо способом, предусмотренным статьей 14 Гражданского кодекса РА, отсутствует. Заявитель находит также, что неосведомленность о сделанном Обществом-должником объявлении о банкротстве и непредставление заявления в соответствии с Законом РА “О банкротстве” нельзя считать основанием для лишения права собственности на имущество, так как ясно, что “в РА нет какой-либо императивной нормы”, обязывающей субъектов гражданского оборота ежедневно следить за прессой или в настоящее время за сайтом www.azdagar.am, более того, читать каждое его объявление и строку, что не реально. По мнению заявителя, оспариваемая правовая норма приводит к противоречию также с общепринятыми правилами гражданско-правового оборота – принципами гражданского законодательства РА (статья 3 Гражданского кодекса РА), так как складывается ситуация, когда в общем порядке лицу предоставляется установленный законом срок для осуществления защиты своих прав (институт исковой давности), в рамках которого лицо для защиты своих прав может свободно выбрать какое-либо установленное или незапрещенное законом поведение, и параллельно этому другой нормой необъективно

и косвенно эта возможность ограничивается. Заявитель также находит, что регулирование этой нормы Закона РА “О банкротстве” определенным образом противоречит также положению второго абзаца статьи 42 Конституции РА, так как обуславливает наступление для лица определенных неблагоприятных последствий без предусмотрения случая или случаев нарушения обязанностей, прямо установленных законом, иначе говоря этой нормой на лицо возлагается прямо непредусмотренная законом обязанность следить за всеми публикациями в прессе и сайтом www.azdagar.am.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что оспариваемое положение не является нарушением принципа неприкосновенности собственности и его предусмотрение обусловлено необходимостью реализации в рамках производства по делам о банкротстве принципов правовой определенности и предсказуемости. В результате анализа части 1 статьи 23 Закона РА “О принудительном исполнении судебных актов”, части 1 статьи 1227 Гражданского кодекса РА, а также гражданско-правового института исковой давности ответчик приходит к заключению, что ряд установленных законодательством РА иных правовых регулирований в случае непредъявления в определенный срок кредитором требования должнику также лишает возможности его удовлетворения, вследствие чего право собственности кредитора фактически ограничивается. Однако законодательное установление указанных сроков не может квалифицироваться как нарушение принципа неприкосновенности собственности, а наоборот, их предусмотрение исходит из конституционно-правового принципа правовой определенности, и предусмотрение подобных регулирований преследует цель обеспечить своевременное и надлежащее осуществление субъектами гражданско-правовых отношений своих прав и обязательств, стабильность гражданско-правовых отношений. Ответчик находит, что при отсутствии подобного регулирования появится возможность предъявления к уже санированной организации ранее непредъявленных требований, а за финансовым оздоровлением должника вновь может последовать возобновление производства по банкротству, что может сделать неэффективным и бессмысленным комплекс мероприятий, осуществляемых в отношении него в рамках программы финансового оздоровления, привести к загруженности

судебной системы и причинить вред бизнес среде. По мнению ответчика, если кредитор не обращается и не требует от находящегося в процессе банкротства должника исполнения имеющихся перед ним обязательств, то он, по сути, своими действиями осуществляет прощение долга, и в этом случае с точки зрения закона также не придается значение тому, по какой причине кредитор не предъявил подобных требований — из-за неосведомленности или в действительности отказа от долга.

5. Конституционный Суд констатирует, что согласно материалам дела, к неблагоприятным правовым последствиям для заявителя привело применение в отношении него положения “... и эти кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления требований к санированному лицу, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей и четвертой настоящей статьи” оспариваемого абзаца Закона.

Для выяснения вопроса конституционности вышеуказанного положения Конституционный Суд считает необходимым прежде всего рассмотреть оспариваемое регламентирование в свете права собственности лица, гарантированного Конституцией РА и Протоколом N 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Согласно статье 8 Конституции РА “в Республике Армения признается и защищается право на собственность”.

Согласно прецедентному праву Европейского суда по правам человека, по смыслу статьи 1 Протокола N 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод имуществом считается не только существующее материальное средство, но и легитимное ожидание на приобретение материального средства (в частности, Постановление по делу *Трго против Хорватии (Trgo v. Croatia)* от 11 июня 2009 г.).

Конституционный Суд констатирует, что из обращения и приложенных к обращению материалов становится ясно, что по делу о банкротстве заявитель заключил с должником договор об оказании платных услуг, согласно которому оказал должнику полиграфические услуги, а должник обязался платить за эти услуги, однако полностью не выполнил свои обязательства. Следовательно, заявитель имел правомерное ожидание на получение соответствующего материального средства за оказанные им услуги.

Оспариваемое регламентирование, с некоторыми исключениями (части 3 и 4 статьи 90 Закона), освобождает должника от обязанности исполнения обязательств после процесса финансового оздоровления.

Согласно статье 345 Гражданского кодекса РА, озаглавленной “Понятие обязательства и основания его возникновения”, “1. В силу обязательства одно лицо (должник) обязано совершить в пользу другого лица (кредитора) определенное действие, как-то: уплатить деньги, передать имущество, выполнить работу, оказать услуги и т.п. или воздержаться от выполнения определенного действия, а кредитор имеет право требовать от должника исполнения его обязанности.

2. Обязательства возникают из договора, вследствие причинения вреда и из иных оснований, указанных в настоящем Кодексе”.

Часть 4 статьи 90 Закона РА “О банкротстве” устанавливает, что должник не может быть признан освобожденным от:

- “а) уплаты алиментов;
- б) платежей по обязательствам, сокрытым от налоговых органов в течение одного года, предшествовавшего моменту признания его банкротом;
- в) обязательств, возникших вследствие вреда, причиненного жизни и здоровью;
- г) обязательств по возмещению вреда, причиненного преступлением”.

В результате системного анализа вышеуказанных статей, а также Гражданского кодекса РА Конституционный Суд констатирует, что законодатель освобождает санированного субъекта от обязательств, в основном вытекающих из договоров, а в рамках гражданско-правовых отношений большая часть договорных обязательств согласно объекту обязательства (уплатить деньги, передать имущество или выполнить работу, оказать услуги или воздержаться от выполнения определенных действий) имеет как имущественный, так и неимущественный характер.

Конституционный Суд РА неоднократно обращался к вопросам правомерности ограничения права собственности лица. В частности, в Постановлении ПКС-903 и в дальнейшем в Постановлении ПКС-1073 Суд выразил ту позицию, что статья 31 Конституции РА предусматривает четыре разграничиваемых друг от друга обстоятельства ограничения осуществления права собственности:

а) ограничение осуществления права собственности с запретом нанесения вреда окружающей среде, нарушения прав и законных интересов иных лиц, общества и государства (второе предложение части 1 статьи 31);

б) лишение собственности (часть 2 статьи 31);

в) принудительное отчуждение собственности для нужд общества и государства (часть 3 статьи 31);

г) ограничение права собственности на землю для иностранных граждан и лиц без гражданства.

К конституционно-правовому содержанию понятия “лишение собственности” Конституционный Суд обратился в Постановлении ПКС-630, в котором охарактеризовал лишение собственности как принудительное действие, следующие из ответственности. Учитывая также эту характеристику, Конституционный Суд нашел, что институту лишения собственности присущи следующие основные обязательные элементы:

- при лишении собственности происходит безвозмездное прекращение права собственности на данное имущество против воли и согласия собственника;
- лишение собственности применяется в качестве меры ответственности;
- при лишении собственности происходит одновременное и полное прекращение имеющихся у собственника правомочий владения, пользования и распоряжения данным имуществом, без гарантирования непрерывности.

Рассматривая наступившие для заявителя неблагоприятные последствия в рамках вышеуказанных правовых позиций, Конституционный Суд констатирует, что оспариваемая по настоящему делу норма никак не соотносится с привлечением лица к ответственности, следовательно, также с лишением собственности.

Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-1073 выразил правовую позицию, согласно которой осуществление права собственности учредитель Конституции обуславливает первоочередной необходимостью охраны определенных публичных ценностей. Ими являются: окружающая среда, права и законные интересы **иных лиц**, общества и государства. Подобный подход призван обеспечить разумный баланс между правами собственника и иных лиц и их пуб-

личными интересами, признавая осуществление права собственности лица гарантированным, но не абсолютным.

Конституционный Суд в своем Постановлении от 25.02.2008 года ПКС-735 выразил также следующую позицию: “Цель института банкротства — дать добросовестному должнику возможность восстановить свою естественную деятельность, преодолеть финансовые трудности, а также обеспечить реконструкцию и финансовую реорганизацию неплатежеспособных организаций, восстановить их жизнеспособность и **в то же время обеспечить защиту интересов кредиторов**”.

Конституционный Суд констатирует, что оспариваемое регламентирование могло быть направлено на защиту прав и законных интересов должника только **в процессе банкротства**, который включает также финансовое оздоровление, имея цель оградить являющегося должником субъекта от предъявляемых кредиторами требований, чтобы он финансово восстановился, стал платежеспособным, полноценно участвовал в гражданском обороте, что не может быть оправдано теми же целями после завершения дела о банкротстве, его финансового оздоровления, когда санированная организация становится полноценным участником гражданского оборота и гражданско-правовых отношений. Об этом свидетельствует также установление употребляемого в Законе понятия “план финансовой санации”, согласно которому планом финансовой санации должника считается не запрещенный законом комплекс мер, применяемых к должнику с целью восстановления его платежеспособности, при осуществлении которых должник не будет ликвидирован или не будет вынесено решение об окончании дела о банкротстве физического лица с его освобождением от исполнения обязательств (статья 59).

6. Из анализа положения части 2 статьи 90 Закона РА “О банкротстве”, устанавливающего, что “санированное лицо одновременно освобождается от всех тех обязательств, вытекающие из которых требования не были предъявлены в рамках законченного дела о банкротстве, и эти кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления требований к санированному лицу, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей и четвертой настоящей статьи”, следует, что:

1) санированное лицо не только освобождается от всех обязательств, обусловленных не предъявленными в рамках законченного дела о банкротстве требованиями, но и в силу права данные кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления этому лицу в любом, в том числе в судебном порядке требования в части указанных обязательств, если это не следует из возможности реализации права на обжалование, предусмотренного в части 5 статьи 90 Закона;

2) имеются также исключения:

а/ если дело о банкротстве закончилось в течение шести месяцев после вступления в законную силу решения о признании банкротом, то должник не освобождается от всех тех обязательств, вытекающие из которых требования не были предъявлены в рамках законченного дела о банкротстве;

б/ должник в силу закона не может быть освобожден от таких обязательств, каковыми являются: уплата алиментов, платежи по обязательствам, сокрытым от налоговых органов в течение одного года, предшествовавшего моменту признания банкротом, обязательства, возникшие вследствие вреда, причиненного жизни и здоровью, обязательства по возмещению вреда, причиненного преступлением.

В рамках вышеуказанного логико-правового подхода с точки зрения гарантирования принципа верховенства права нет ответа на два вопроса:

1. Как поступать в том случае, когда по объективным обстоятельствам лицо не предъявило требований в рамках дела о банкротстве?

2. Нет ли проявления дискриминации, когда кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления требований санированному лицу, но в аспекте исполнения налоговых обязательств предусматривается исключение?

Ответы на эти вопросы можно получить в результате сопоставительного анализа ряда иных статей Закона, являющегося предметом рассмотрения. В частности, это касается статей 19, 33, 34, 42, 46, 69, 74 и 89 Закона РА “О банкротстве”. Из анализа предусмотренных в них правовых регулирований следует, что:

1) надлежащим извещением для кредиторов считается объявление, опубликованное на официальном сайте интернет-уведомлений РА, находящемся по адресу <http://www.azdarar.am> (ст. 34);

2) если кредитор, независимо от причины, не принял участие в первом собрании кредиторов, то в дальнейшем он лишается права голоса при голосовании (ст. 33);

3) изучение предусмотренного статьями 29, 33, 42, 46, 52, 69 и 87 Закона порядка составления, утверждения и ведения реестра требований кредиторов свидетельствует, что на должника не возлагаются никакие четкие обязательства в аспекте представления своих обязательств в отношении кредиторов. Все те кредиторы, которые по какой-либо причине не были проинформированы об объявлении, опубликованном на официальном сайте интернет-уведомлений РА, находящемся по адресу <http://www.azdarar.am>, или не считаются кредиторами, зарегистрировавшими самое крупное требование в общем объеме требований, лишаются правовых возможностей дальнейшей защиты своих прав.

Конституционный Суд находит, что подобное правовое регулирование не только содержит реальный риск поспраия прав кредиторов, но существуют также большие коррупционные риски. В первую очередь при подаче заявки на банкротство сам должник обязан четко представить реальную картину своих обязательств. Это исключит также сокрытие или необоснованное уменьшение должниками имущества, о чем отмечается также в пункте 9 резюме и пункте 36 основной части Доклада, представленного Всемирным банком в 2014 г. относительно решения проблемы банкротства в Республике Армения.

В соответствии с указанной реальной картиной должен быть составлен реестр требований кредиторов, включив в него в силу права все юридически признанные должником обязательства, неабсолютизируя дискреционный подход. Законодательное регулирование главным образом должно опираться на тот подход, что управляющий по банкротству в первую очередь должен действовать на основании представленной должником информации, что создаст соответствующее обязательство также для должника. Кроме этого, все те кредиторы, которые по объективным причинам не ознакомились с объявлением, опубликованным на официальном сайте интернет-уведомлений РА, находящемся по адресу <http://www.azdarar.am>, в дальнейшем должны иметь возможность защиты своих прав в судебном порядке. В противном случае не только поспираются закрепленные статьями 18 и 19 Конституции РА их права, но и в аспекте

исключений, предусмотренных частью 4 статьи 90 Закона, нарушаются конституционные принципы пропорциональности и соразмерности.

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что надлежащая осведомленность заинтересованных субъектов о процессе банкротства является важным условием - *conditio sine qua non* (условие, без которого невозможно) защиты прав последних, без которого невозможно гарантировать эффективную защиту их прав. Следовательно правовые регламентирования института извещения должны носить не формальный характер, а должны быть направлены на выявление всех кредиторов находящегося в процессе банкротства субъекта (должника) и защиту гарантированных Конституцией и законами прав кредиторов. Для осуществления указанной цели законодатель должен предусмотреть процедуру эффективного извещения и регистрации обязательств должника, которая на практике исключит ситуацию объективной неосведомленности заинтересованных лиц о процессе банкротства. Вопрос в том, что кредитор должен получить надлежащее извещение об открытии производства по банкротству и необходимости предъявления требований. А должник должен в установленном законом порядке представить точную и полную информацию о своих обязательствах.

Конституционный Суд не считает правомерным также выборочное освобождение от обязательств должника, признанного санированным в рамках процесса банкротства, так как оспариваемое правовое регулирование предусматривает дифференцированный подход к являющемуся кредитором по налоговым обязательствам государству и физическим и юридическим лицам, являющимся кредиторами по иным видам обязательств.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 19, 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Положение второго абзаца части 2 статьи 90 Закона РА “О банкротстве” “... и эти кредиторы лишаются в дальнейшем права предъявления требований к санированному лицу, за исключением случаев, предусмотренных частями третьей и четвертой настоящей

статьи”, системно взаимосвязанное с частью 4 той же статьи, в той части, по которой в признанных судом уважительными случаях не предусматривает исключение также для кредиторов, не предъявивших требования в рамках законченного дела о банкротстве, устанавливая в отношении них несоразмерное ограничение защиты права, признать противоречащим требованиям статьи 18 Конституции Республики Армения и недействительным.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

27 января 2015 года
ПКС-1189



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПО СОЕДИНЕННОМУ ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 154 И ЧАСТИ 5
СТАТЬИ 158 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН
АРА САРГСЯНА, ДВИНА ИСАНЯНСА,
РУДОЛЬФА ОВАКИМЯНА, МАГДЫ ЕГИАЗАРЯН,
АРАМА САРГСЯНА, ХАЧАТУРА МАРОЗЯНА**

г. Ереван

3 марта 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителей Д. Исаниянса, Р. Овакимяна, М. Егиазарян и представителя А. Саргсяна - А. Зейналяна,

заявителей А. Саргсяна, Х. Марозяна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА — начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре соединенное дело “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 154 и части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращений граждан Ара Саргсяна, Двина Исаянса, Рудольфа Овакимяна, Магды Егиазарян, Арама Саргсяна, Хачатура Марозяна”.

Поводом к рассмотрению дела явились обращения Ара Саргсяна, Двина Исаянса, Рудольфа Овакимяна, Магды Егиазарян, Арама Саргсяна, Хачатура Марозяна, зарегистрированные в Конституционном Суде РА соответственно 09.07.2014 г., 26.09.2014 г. и 27.12.2014 г.

Процедурным решением Конституционного Суда РА от 09.12.2014 г. ПРКС-70 дела “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 154 и части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращений граждан Двина Исаянса, Рудольфа Овакимяна, Магды Егиазарян, Арама Саргсяна” и “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Ара Саргсяна” были соединены.

Процедурным решением Конституционного Суда РА от 20.01.2015 г. ПРКС-1 дела “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Хачатура Марозяна” и “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 154 и части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращений граждан Ара Саргсяна, Двина Исаянса, Рудольфа Овакимяна, Магды Егиазарян, Арама Саргсяна” были соединены.

Изучив письменные сообщения докладчиков по соединенному делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Кодекс административного судопроизводства РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения УСТАНОВИЛ:

1. Кодекс административного судопроизводства РА принят Национальным Собранием РА 5 декабря 2013 года, подписан Президентом Республики Армения 28 декабря 2013 года и вступил в силу с 7 января 2014 года.

Часть 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА устанавливает: “Физические и юридические лица могут приносить кассационную жалобу только через адвоката”.

Часть 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА устанавливает: “К кассационной жалобе прилагаются также документ, подтверждающий уплату государственной пошлины в установленном законом порядке и размере и доказательства направления копии жалобы в суд, рассматривающий дело, и участникам судебного процесса, электронный вариант (электронный носитель) кассационной жалобы”.

С момента принятия Кодекса административного судопроизводства РА в часть 4 статьи 154 и часть 5 статьи 158 Кодекса изменения и дополнения не вносились.

2. Процессуальная предыстория соединенного дела сводится к следующему:

2.1. Обращение Двина Исаянса

20.11.2013 года Полиция представила в Административный суд РА против заявителя иск “С требованием о привлечении к административной ответственности”.

От имени заявителя 09.01.2014 г. в Административный суд представлен встречный иск против Полиции с формулировкой “О требовании об отклонении иска Центрального отдела Управления города Еревана Полиции РА от 20.11.2013 г. с требованием о привлечении Двина Исаянса к административной ответственности, о признании факта нарушения прав на свободное выражение мнения, свободу слова, свободу объединений (свободу мирных собраний), свободу передвижения, личную свободу и неприкосновенность и о признании действий полицейских неправомерными”.

Административный суд отказал в принятии к производству встречного иска решением от 20.01.2014 г. “О возвращении встречного искового заявления”, которое было обжаловано в Административный

апелляционный суд РА. Последний своим решением от 24.02.2014 г. “Об отклонении ходатайства о восстановлении пропущенного процессуального срока и отказе в принятии апелляционной жалобы” отказал принять к рассмотрению апелляционную жалобу.

Заявитель лично представил кассационную жалобу, в связи с которой Кассационный Суд РА своим решением от 26.03.2014 г. “О возвращении кассационной жалобы” возвратил кассационную жалобу с той мотивировкой, что к жалобе не были приложены электронный вариант жалобы и лицензия адвоката. Заявителю был предоставлен месячный срок для повторного представления жалобы.

В связи с повторно представленной кассационной жалобой Кассационный Суд РА своим решением от 29.05.2014 г. “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения” отказал в рассмотрении кассационной жалобы со следующей мотивировкой: “В данном случае Кассационный Суд констатирует, что решением гражданской и административной палаты Кассационного Суда РА от 26.03.2014 г. кассационная жалоба Двина Исаянса возвращена, одновременно установлен срок для устранения ошибок кассационной жалобы и ее повторной подачи. Между тем Двин Исаянс устранил констатированные вышеотмеченным решением ошибки частично, в частности, не представил кассационную жалобу через адвоката, а также не приложил к кассационной жалобе оформленную в установленном порядке доверенность своего представителя (лицензию на занятие адвокатской деятельностью), одновременно подавшее жалобу лицо в повторно поданной кассационной жалобе опять неполно указало, какие нормы материального или процессуального права Апелляционный суд нарушил или неверно применил, и в жалобе не обосновало их влияние на исход дела и повторно представило кассационную жалобу на том же основании, относительно которого Кассационный Суд уже вынес решение”.

2.2. Обращение Магды Егиазарян

Магда Егиазарян представила в Административный суд РА ходатайство об устранении допущенного в исковом заявлении нарушения — признании уважительным пропущенного срока представления иска и его восстановлении.

Административный суд отклонил ходатайство и отказал в принятии искового заявления.

Заявитель представил апелляционную жалобу, которая также была отклонена.

Заявитель представил кассационную жалобу.

Кассационный Суд РА своим решением по административному делу от 05.03.2014 г. номер ЧТ/1178/05/13 “О возвращении кассационной жалобы” возвратил жалобу заявителя с той мотивировкой, что к заявлению не прилагаются лицензия адвоката и электронный вариант жалобы. Заявителю был предоставлен месячный срок для устранения ошибок и повторного представления заявления.

В связи с повторно представленной кассационной жалобой Кассационный Суд РА своим решением от 14.05.2014 г. “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения” отказал в рассмотрении кассационной жалобы со следующей мотивировкой: “... В данном случае Кассационный Суд констатирует, что решением Гражданской и административной палаты Кассационного Суда РА от 05.03.2014 г. кассационная жалоба, принесенная представителем Магды Егиазарян против решения Апелляционного суда от 26.11.2013 г. “Об отклонении апелляционной жалобы”, возвращена, одновременно установлен срок для устранения ошибок кассационной жалобы и ее повторной подачи. Между тем представитель Магды Егиазарян, не устранив констатированные решением ошибки, в частности не принес кассационную жалобу через адвоката, повторно представил кассационную жалобу на том же основании, относительно которого Кассационный Суд уже вынес решение”.

2.3. Обращение Арама Саргсяна

Представитель заявителя 09.01.2014 г. со своего личного адреса с электронной подписью (электронный документ, электронный вариант) отправил по электронной почте в Кассационный Суд, Административный апелляционный суд и ответчику кассационную жалобу против решения Административного апелляционного суда РА от 10 декабря 2013 г. по административному делу номер ЧТЗ/0222/05/13. В тот же день она была доставлена на электронные адреса адресатов. 10.01.2014 г. от руководителя Аппарата Кассационного Суда было получено письмо номер ТТ6-б-33, которым он признал факт получения кассационной жалобы по электронной почте 09.01.2014 г. В письме отмечалось: “... Согласно части 4 статьи 2 Кодекса админист-

ративного судопроизводства РА судопроизводство по административным делам осуществляется по действующему на момент рассмотрения дела закону, а Кодексом административного судопроизводства РА форма электронного судопроизводства не установлена, и согласно логике регламентирования статей 118.4 и 118.5 того же Кодекса в Кассационный Суд должен быть представлен оригинал кассационной жалобы. ... На основании вышеизложенного сообщая, что Вы можете представить Вашу кассационную жалобу с соблюдением указанных требований правовых норм, следовательно, вышеуказанный электронный документ-файл не может считаться зарегистрированной в Кассационном Суде РА кассационной жалобой”.

От имени заявителя вышеуказанная кассационная жалоба была представлена в виде документа, в результате чего Кассационный Суд РА решением “О возвращении кассационной жалобы” возвратил кассационную жалобу, отметив, в числе прочего, что заявитель не приложил к жалобе электронный вариант жалобы и оформленную в установленном порядке доверенность адвоката (лицензию на занятие адвокатской деятельностью). Заявителю был предоставлен месячный срок для устранения ошибок и повторной подачи жалобы.

В связи с повторно представленной кассационной жалобой Кассационный Суд РА принял решение “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения” со следующей мотивировкой: “... Таким образом, в случае повторного представления жалобы с нарушением требований закона установление нового срока для устранения ошибок будет противоречить принципу правовой определенности.

Учитывая, что в случае неисpravления ошибок в повторно представленной на том же основании жалобе не устраняются препятствия рассмотрения жалобы, а, с другой стороны, по данному делу Кассационный Суд уже вынес решение, Кассационный Суд считает, что в подобных случаях повторно представленную жалобу необходимо оставить без рассмотрения на основании того, что Кассационный Суд по тому же делу уже вынес решение.

В данном случае Кассационный Суд констатирует, что решением Гражданской и административной палаты Кассационного Суда РА от 05.03.2014 г. кассационная жалоба, поданная Артаком Зейналяном как представителем Арама Саргсяна, возвращена, одновременно установлен срок для устранения ошибок кассационной жалобы и ее

повторной подачи. Между тем представитель Арама Саргсяна, не устранив констатированную решением ошибку, не принес кассационную жалобу через адвоката, а также не приложил к кассационной жалобе оформленную в установленном порядке доверенность своего представителя (лицензию на занятие адвокатской деятельностью) и повторно представил кассационную жалобу на том же основании, относительно которого Кассационный Суд уже вынес решение”.

2.4. Обращение Рудольфа Овакимяна

Служба “Дорожная полиция” Полиции РА при Правительстве РА 17.12.2013 г. обратилась в Административный суд РА с двумя разными исковыми заявлениями “О вынесении платежного поручения” против заявителя с требованием о вынесении платежного поручения в размере 50.000.00 драмов РА, в связи с которыми Административный суд РА соответственно 19.02.2014 г. и 25.02.2014 г. вынес платежные поручения.

В связи с указанными платежными поручениями от имени заявителя 21.03.2014 г. представлены два разных встречных исковых заявления, которыми требовалось признать неправомерными действия Дорожной полиции при Правительстве РА, направленные на взыскание назначенного и увеличившегося в пятикратном размере штрафа, и отклонить исковое заявление.

В связи с указанными встречными исковыми заявлениями Административный суд РА соответственно 28.03.2014 г. и 02.04.2014 г. вынес решения “О переходе от производства по платежному поручению к исковому производству, возвращении встречного искового заявления” и “О переходе от производства по платежному поручению к исковому производству и возвращении встречного иска”, которые обжалованы в Административный апелляционный суд РА. По одной из этих жалоб Административный апелляционный суд РА 22.04.2014 г. вынес решение “О возвращении апелляционной жалобы”, а по другой – 09.06.2014 г. вынес решение “Об отклонении апелляционной жалобы”.

Решение Административного апелляционного суда от 22.04.2014 г. “О возвращении апелляционной жалобы” было обжаловано в Кассационный Суд РА, который своим решением от 04.06.2014 г. “О возвращении кассационной жалобы” возвратил кассационную жалобу

с мотивировкой, что "... согласно части 4 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА кассационную жалобу подписывают приносящее жалобу лицо, Генеральный прокурор или его заместитель. К жалобе прилагается доверенность представителя, оформленная в установленном тем же Кодексом порядке.

Согласно части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА физические и юридические лица могут подать кассационную жалобу только через адвоката.

Согласно части 1 статьи 157 Кодекса административного судопроизводства РА кассационная жалоба направляется в Кассационный Суд, а копия жалобы – в Апелляционный суд и участникам судебного процесса.

В данном случае к жалобе подавшего жалобу лица не прилагалось доказательство о направлении копии кассационной жалобы в Службу ...". Заявителю был предоставлен месячный срок для повторного представления жалобы.

Решение Административного апелляционного суда РА от 09.06.2014 г. "Об отклонении апелляционной жалобы" также было обжаловано в Кассационный Суд РА, который своим решением от 23.07.2014 г. "О возвращении кассационной жалобы" возвратил кассационную жалобу со следующей мотивировкой: "Согласно части 4 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА кассационную жалобу подписывают приносящее жалобу лицо, Генеральный прокурор или его заместитель. К жалобе прилагается доверенность представителя, оформленная в установленном тем же Кодексом порядке.

Кассационный Суд констатирует, что хотя жалоба подана представителем Рудольфа Овакимяна - Артаком Зейналяном (основание – доверенность, выданная 18.03.2014 г., р.н. 21), однако в деле нет доказательства относительно того, что Артак Зейналян является адвокатом, следовательно, подавшее жалобу лицо, нарушив требование части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА, не принесло кассационную жалобу через адвоката, то есть к жалобе не прилагалась оформленная в установленном порядке доверенность (лицензия на занятие адвокатской деятельностью)". Заявителю был предоставлен срок для повторного представления заявления.

В связи с повторно представленной кассационной жалобой Кассационный Суд РА своим решением от 03.09.2014 г. “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения” оставил кассационную жалобу без рассмотрения со следующей мотивировкой: “В данном случае Кассационный Суд констатирует, что решением Гражданской и административной палаты Кассационного Суда РА от 23.07.2014 г. принесенная представителем Рудольфа Овакимяна кассационная жалоба возвращена и одновременно установлен срок для устранения ошибок кассационной жалобы и ее повторной подачи. Между тем представитель Рудольфа Овакимяна не устранил констатированные решением ошибки, в частности, Рудольф Овакимян вновь подал кассационную жалобу не через адвоката, хотя кассационная жалоба была принесена представителем Рудольфа Овакимяна – Артаком Зейналяном (основание – выданная 18.03.2014 г. доверенность, р.н. 20), однако в деле нет какого-либо доказательства того, что Артак Зейналян является адвокатом. То есть Рудольф Овакимян повторно подал кассационную жалобу на том основании, относительно которого Кассационный Суд уже вынес решение.

В подобных условиях Кассационный Суд считает, что кассационную жалобу надо оставить без рассмотрения ...”.

2.5. Обращение Ара Саргсяна

Мэр Еревана представил в Административный суд РА исковое заявление с требованием о вынесении платежного поручения с целью взыскания с Ара Саргсяна 400.000 (четыреста тысяч) драмов РА, в связи с чем Административный суд РА 01.02.2012 г. вынес платежное поручение.

В связи с указанным платежным поручением заявитель представил в Административный суд РА встречный иск с требованием о признании недействительным решения Мэра Еревана от 26.10.2011 г. номер Ч-35/4.

В связи с указанным встречным иском заявлением Административный суд РА 21.02.2013 г. вынес решение “О переходе от платежного поручения к исковому производству, возвращении встречного искового заявления”.

В связи с повторно представленным встречным иском заявлением Административный суд РА своим решением, вынесенным 03.07.2013 г., отклонил иск, а встречный иск удовлетворил.

В результате рассмотрения представленной Мэрией Еревана апелляционной жалобы против указанного решения Административный апелляционный суд РА своим решением от 24.01.2014 г. отменил и изменил решение Административного суда РА: производство по делу касательно встречного иска отменено, а иск Мэрии Еревана удовлетворен.

В результате рассмотрения принесенной заявителем против указанного решения кассационной жалобы Кассационный Суд РА своим решением от 12.03.2014 г. “О возвращении кассационной жалобы” возвратил кассационную жалобу, в числе прочего, со следующей мотивировкой: “В данном случае подавшее жалобу лицо, ... не подало кассационную жалобу через адвоката ...”. Заявителю был предоставлен пятнадцатидневный срок со дня получения решения для устранения указанных в решении ошибок и повторной подачи кассационной жалобы.

В связи с повторно представленной кассационной жалобой Кассационный Суд РА своим решением от 14.05.2014 г. “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения” оставил кассационную жалобу без рассмотрения с той мотивировкой, что “... Ара Саргсян ... не подал кассационную жалобу через адвоката ...”.

2.6. Обращение Хачатура Марозяна

Эребунийская налоговая инспекция Комитета государственных доходов при Правительстве РА представила исковое заявление в Административный суд РА с требованием о вынесении платежного поручения с целью взыскания с Хачатура Марозяна 2.000.000 (два миллиона) драмов РА.

Хачатур Марозян представил встречный иск в Административный суд РА с требованием о признании акта от 14.05.2012 г. номер П104074 и принятого на его основании решения Эребунийской налоговой инспекции Комитета государственных доходов при Правительстве РА от 12.06.2012 г. номер 194186 ничтожными или недействительными.

Административный суд РА своим решением от 01.05.2012 г. перешел от производства по платежному поручению к исковому производству и возвратил встречное исковое заявление, а своим решением от 28.02.2014 г. удовлетворил представленный иск.

В результате рассмотрения представленной заявителем апелляционной жалобы Административный апелляционный суд РА своим решением от 27.05.2014 г. отклонил ходатайство о восстановлении пропущенного процессуального срока и отказал в принятии апелляционной жалобы.

В результате рассмотрения представленной заявителем кассационной жалобы Кассационный Суд РА 09.07.2014 г. принял решение “О возвращении кассационной жалобы”, которым возвратил кассационную жалобу, в числе прочего, со следующей мотивировкой: “... подавшее жалобу лицо ... не подало кассационную жалобу через адвоката ...”. Заявителю был предоставлен пятнадцатидневный срок с момента получения решения для устранения указанных в решении ошибок и повторной подачи кассационной жалобы.

3. Аргументы заявителей по настоящему соединенному делу касательно части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА сводятся к тому, что часть 4 статьи 154 Кодекса противоречит статьям 3, 14.1, 18, 19 и 20 Конституции РА и статье 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, так как исключает возможность подачи физическим или юридическим лицом кассационной жалобы лично от своего имени или через выбранное им лицо.

Констатируя, что ранее лицо могло без каких-либо препятствий в кассационном порядке обжаловать судебные акты Административного апелляционного суда РА, заявители выражают уверенность в том, что ныне отменен порядок непосредственного обращения в Кассационный Суд РА, ограничивая возможность эффективной защиты прав.

В обоснование своего требования заявители отмечают, что в условиях законодательного запрета представления подлежащих обжалованию в Кассационном Суде РА актов исключительно через адвоката необходимо законом урегулировать какой-либо механизм предоставления адвокатами на бесплатных основаниях гарантированной юридической помощи независимо от материального положения стороны.

Заявители поднимают также вопрос, что для пользования предоставленными адвокатом услугами необходимы финансовые средства, что часто делает недоступным пользование этими услугами.

Аргументы заявителей касательно части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА сводятся к тому, что часть 5 статьи 158 Кодекса противоречит статьям 1, 3, 18 и 19 Конституции РА.

В обоснование своего требования заявители отмечают, что часть 5 статьи 158 Кодекса не удовлетворяет предъявляемым правовому закону требованиям точности, ясности и предсказуемости. Она сформулирована неопределенно, так как неясно, какой электронный вариант должен прилагаться к кассационной жалобе и на каком электронном носителе. Заявители считают также, что указанное положение делает нереализуемым оспаривание судебных актов в Кассационном Суде для лиц, которым недоступны компьютер, принтер, электронные носители.

Относительно положения части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА, касающегося обязанности приложения к кассационной жалобе доказательств направления копии жалобы в рассматривающий дело суд и участникам судебного процесса, заявители считают, что в указанном положении термину “направлять” в правоприменительной практике дано такое толкование, которое исключает направление кассационной жалобы с электронной подписью по электронной почте в рассматривающий дело суд и участникам судебного процесса. В обоснование указанной точки зрения заявители ссылаются на закрепленные в Постановлении ПКС-722 правовые позиции относительно статьи 4 Закона РА “Об электронном документе и электронной цифровой подписи” и правовые позиции Кассационного Суда РА по гражданскому делу номер 647/2293/02/10 относительно части 3 статьи 1087.1 Гражданского кодекса РА.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителей, находит, что оспариваемые нормы Кодекса административного судопроизводства РА соответствуют Конституции РА.

Касательно части 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА ответчик, ссылаясь на прецедентное право Европейского суда по правам человека, аргументирует, что требование представления интересов заявителя в Кассационном Суде квалифицированным адвокатом не может само по себе считаться противоречащим статье 6 Конвенции, и установление такой процедуры оправдано необходимостью представления более грамотных жалоб.

Обращаясь к вопросу с точки зрения сходств и различий между адвокатом и аккредитованным адвокатом и ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-765, статью 41 Закона РА “Об адвокатуре” и, в частности, на то положение этой статьи, согласно которому право на получение бесплатной юридической помощи включает составление жалоб, ответчик отмечает, что Законом РА “Об адвокатуре” существенно расширились рамки бесплатной юридической помощи и круг лиц, имеющих право пользования бесплатной юридической помощью. Согласно ответчику, любое неплатежеспособное физическое лицо, не включенное в категории, указанные в статье 41 Закона РА “Об адвокатуре”, также может пользоваться бесплатной юридической помощью.

Обращаясь к вопросу с точки зрения соразмерности средства и преследуемой цели, ответчик констатирует, что выбор такого средства обусловлен более строгими основаниями принятия к производству кассационной жалобы, что требует правовых знаний в необходимом объеме.

Обобщая, ответчик считает, что, **во-первых**, возможность участника судопроизводства пользоваться защитой прав в Кассационном Суде, а также равноправие сторон судопроизводства не ставятся в зависимость от финансовых возможностей лица, **во-вторых**, в отличие от института аккредитованных адвокатов, правовое регулирование подачи кассационной жалобы исключительно через адвоката не приводит к какой-либо дискриминации между адвокатами, **в-третьих**, являющееся предметом спора правовое условие соразмерно преследуемой цели.

Касательно части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА ответчик аргументирует, что предъявляемые к кассационной жалобе требования не являются самоцелью, а по своей логике направлены на эффективное осуществление функций Кассационного Суда и продиктованы развитием науки и техники.

Ссылаясь на Закон РА “Об электронном документе и электронной цифровой подписи”, ответчик находит, что электронным носителем в данном случае является любой вид носителя, пригодный для хранения и передачи электронного варианта кассационной жалобы, и его виды не были конкретизированы законодательством, преследуя цель предоставить широкую возможность выбора и свести к минимуму расходы в связи с приобретением электронного носителя.

Ответчик не считает обоснованным обуславливание ограничения права на доступность суда отсутствием необходимых финансовых средств для приобретения электронного носителя, так как, согласно ответчику, подача кассационной жалобы сама по себе требует от подающего жалобу лица определенных затрат, связанных, в числе прочего, с государственной пошлиной и отправлением копий жалобы в рассматривающий дело суд и участникам судебного процесса. А для лиц, находящихся в финансово уязвимом положении, законодатель предусмотрел право на получение бесплатной юридической помощи, что в силу статьи 41 Закона РА “Об адвокатуре”, в числе прочего, включает составление жалоб.

5. В рамках поднятого по настоящему делу конституционно-правового спора Конституционный Суд РА считает необходимым установить и оценить:

- значение правовых требований, закрепленных частью 4 статьи 154 и частью 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА, учитывая гарантированность предусмотренных статьями 18, 19 Конституции РА и статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права лица на эффективные средства судебной защиты и являющееся элементом справедливого судебного разбирательства права на доступность суда и обеспечение необходимых механизмов их полноценной реализации;
- системную логику и правомерное значение законодательного регулирования подачи кассационной жалобы в Кассационный Суд РА исключительно через адвоката, учитывая также закрепленные в Постановлениях Конституционного Суда РА ПКС-765 и ПКС-833 правовые позиции относительно сущности и содержания института судебной защиты прав через адвоката, вопросов эффективности и конституционности его законодательного регулирования.

6. В вышеупомянутых Постановлениях, рассматривая являющиеся предметом разбирательства по данным делам вопросы также в контексте необходимости полноценного и целостного законодательного регулирования прав на доступность суда и эффективное средство су-

дебной защиты, Конституционный Суд РА выразил, в частности, следующие правовые позиции:

а) “ограничение права доступности Кассационного Суда обязательным требованием обращения в Кассационный Суд через аккредитованного в Кассационном Суде адвоката несоразмерно своей цели, так как подобное ограничение не позволяет эффективно и беспрепятственно реализовать право лица на справедливое судебное разбирательство” (ПКС-765);

б) “что касается обеспечения для участников судопроизводства уважения принципа равенства перед законом, то, учитывая обстоятельство, что законодательство РА в связи с составлением кассационной жалобы не гарантирует предоставления бесплатной юридической помощи, .., Конституционный Суд считает, что наличием института аккредитованных адвокатов нарушается также равенство между участниками судопроизводства, что обусловлено их имущественным положением” (ПКС-765);

в) “... учитывая предпринимательский, монопольный характер деятельности указанного института, основанную на этом сравнительно высокую плату, требуемую аккредитованными адвокатами только за составление кассационной жалобы, обязательное требование ищущего средств защиты для обращения в Конституционный Суд, а также в Европейский суд по правам человека, можно констатировать, что институт аккредитованных в Кассационном Суде адвокатов своим существованием ограничивает право на доступность не только Кассационного Суда, но и Конституционного Суда и Европейского суда по правам человека и право на эффективное средство судебной защиты, по сути, создает благоприятные условия для возможных случаев проявления дискриминационного отношения, обусловленных имущественным положением лица” (ПКС-765);

г) “... в связи с функциональными особенностями Кассационного Суда требование обращения в Кассационный Суд через адвоката может считаться правомерным, если исходит из интересов физических и юридических лиц, осуществляя представительство через квалифицированных и опытных специалистов. Конституционный Суд в то же время считает необходимым подчеркнуть, что институт обращения в Кассационный Суд через адвоката как альтернативный вариант может считаться правомерным только в том случае, когда законодательство

будет гарантировать **каждому** возможность пользования услугами адвоката, **независимо от финансовых возможностей данного лица**” (ПКС-765);

д) “... в оспариваемой норме обязательное требование о представительстве через адвоката в условиях непредусмотрения возможности предоставления адвокатами юридической помощи на бесплатных основаниях в связи с подачей жалобы относительно пересмотра судебных актов, несоразмерно ограничивает возможность восстановления ... нарушенных конституционных и гарантированных Конвенцией прав лица, ставя под угрозу эффективную реализацию как права лица на конституционное правосудие, так и конституционного права на защиту в судебном порядке своих нарушенных прав в международных инстанциях” (ПКС-833).

Переутверждая закрепленные в Постановлениях ПКС-765, ПКС-833 вышеуказанные правовые позиции и констатируя, что **они были игнорированы в ходе дальнейших законодательных изменений**, Конституционный Суд считает, что указанные правовые позиции относятся также к настоящему делу.

7. Важной гарантией осуществления Кассационным Судом полномочий по пересмотру судебных актов нижестоящих судов, в числе прочего, является также институт обжалования судебных актов с таким материальным и процедурным законодательным регулированием, которое обеспечит эффективную и полноценную реализацию права лица на судебную защиту прав и свобод. В указанном контексте Конституционный Суд придает важность наличию соответствующих институциональных и законодательных гарантий, обеспечивающих системную целостность и эффективность применения института обжалования судебных актов, что необходимо в аспекте оценки полноценности реализации права на судебную защиту как в ином, так и в кассационном производстве.

Конституционный Суд считает, что никакая процессуальная особенность или процедура не может препятствовать или пресечь возможность эффективной реализации права на обращение в суд, лишить смысла гарантированное статьей 18 Конституции РА право или стать препятствием его осуществлению. **При установлении условий принятия кассационной жалобы должны преобладать гарантии обеспечения права**

доступности Кассационного Суда и эффективного обжалования. Институциональный статус Кассационного Суда как высшего органа в системе судов общей юрисдикции не может препятствовать полноценному осуществлению предоставленной ему законом компетенции и эффективной реализации этого права обжалования, если создаются необходимые для этого также правовые и институциональные гарантии.

В условиях полноценно состоявшейся и действенной адвокатской системы предусмотрение требования подачи в Кассационный Суд РА кассационной жалобы через адвоката призвано способствовать реализации конституционного права человека на эффективную судебную защиту. При таком подходе установление таких требований принятия кассационной жалобы, которые могут быть более строгими, само по себе не проблематично. Однако и в этой инстанции **принятие к производству суда жалоб, исходящих как из административных, так и из гражданских правоотношений, не может осуществляться, игнорируя или несоразмерно ограничивая конституционно защищаемые права лица.** То есть ужесточение предварительных условий не должно быть несоразмерным, создавая для лиц препятствия защиты прав. В этом контексте Конституционный Суд считает необходимым отметить, что Суд в своем Постановлении ПКС-1167 закрепил: "...любое, особенно новое правовое условие должно иметь правомерную цель создания более эффективных гарантий, которая не может быть реализована игнорированием какой-либо конституционно-правовой нормы и принципа". В контексте указанного Конституционный Суд считает необходимым отметить также то обстоятельство, что, например, согласно части 1 статьи 46 Закона РА "О Конституционном Суде" стороны в Конституционном Суде могут выступать лично и (или) через представителей.

8. К вопросу конституционности оспариваемого положения Конституционный Суд считает необходимым обратиться также в контексте развития административно-процессуального законодательства. До принятия действующего Кодекса административного судопроизводства РА в прежнем Кодексе административного судопроизводства РА не было обязательного требования подачи кассационной жалобы в Кассационный Суд РА только через адвоката, то есть был предусмотрен порядок непосредственного представления кассационной

жалобы. Между тем оспариваемое положение не только устанавливает опосредованный порядок подачи кассационной жалобы, но и исключает возможность непосредственной подачи кассационной жалобы. Фактически в настоящее время действует только опосредованный порядок обращения в Кассационный Суд, и то лишь через адвоката. То есть отменен тот единственный необходимый путь, который обеспечивал возможность непосредственного обращения в Кассационный Суд. В результате такого правового регулирования доступность Кассационного Суда существенно ограничилась.

Принятие Кассационным Судом кассационной жалобы к производству обусловлено степенью и обстоятельством подачи кассационной жалобы с соблюдением юридически грамотных, обоснованных и установленных законодательством требований. В то же время надо иметь в виду, что при подаче кассационной жалобы через адвоката вероятность возвращения кассационной жалобы Кассационным Судом, оставления ее без рассмотрения, отказа в принятии к производству сохраняется. То есть как и раньше, когда существовал порядок непосредственной подачи кассационной жалобы, так и сейчас, когда кассационная жалоба может быть подана только через адвоката, Кассационный Суд не принимал (не принимает) к производству такие кассационные жалобы, которые не соответствуют установленным Кодексом административного судопроизводства РА и устанавливаемым неоспариваемыми по настоящему делу правовыми нормами иным требованиям, возвращая кассационную жалобу, оставляя ее без рассмотрения или отказывая в принятии к производству. Об этом свидетельствует также изучение фактических статистических данных, отраженных в ответном письме Руководителя Судебного департамента РА от 16.02.2015 г. номер 17-б-693 на адресованное Судебному департаменту РА письмо, согласно которому, в частности, в 2013 г. из 820 кассационных жалоб, поступивших в Гражданскую и административную палату Кассационного Суда РА, к производству принято только 43, что составляет 5.24 процента от поступивших кассационных жалоб, а в 2014 г. из 1006 кассационных жалоб, поступивших в Гражданскую и административную палату Кассационного Суда РА, к производству принято 50, что составляет 4.97 процентов от поступивших кассационных жалоб. Эти данные свидетельствуют о том, что даже при подаче кассационной жалобы только через адвоката не

возникло существенных или ощутимых изменений в связи с принятием кассационных жалоб к производству.

9. Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что при регламентировании института подачи кассационной жалобы, в данном случае только через адвоката, законодателем полностью не учтены закрепленные в вышеупомянутых Постановлениях Конституционного Суда РА четкие и последовательные правовые позиции. Законодатель не проявил необходимую последовательность в аспекте развития законодательных регламентирований по вопросу предмета рассмотрения гармонично и созвучно правовым позициям Конституционного Суда. В частности, на законодательном уровне равноценно не решены вопросы в связи с имущественной дискриминацией, причем проблема существует как в рамках административного судопроизводства, так и в рамках единой законодательной политики предварительных условий представления кассационной жалобы, что, по сути, создает благоприятные условия для возможных проявлений дискриминационного отношения, обусловленного имущественным положением лица. Это обстоятельство аргументируется исходя из того, что часть 2 статьи 9 Закона Республики Армения “О правовых актах” однозначно устанавливает, что “законы должны соответствовать Конституции и не должны противоречить постановлениям Конституционного Суда Республики Армения”, а последние приобретают смысл и содержание, становятся **источником права** в своей целостности, имея в основе правовые позиции Конституционного Суда. **Выраженные в настоящем Постановлении Конституционного Суда правовые позиции являются важным источником законодательных разработок.**

Рассматривая являющуюся предметом рассмотрения проблему в свете вышеупомянутых правовых позиций, Конституционный Суд приходит к выводу, что закрепление оспариваемым положением требования подачи кассационной жалобы только через адвоката, наряду с преследованием правомерной цели способствования эффективному и полноценному осуществлению права лица на судебную защиту прав и свобод, фактически привело к неправомерному ограничению именно этого права, ограничению возможности реализации права лица на обжалование судебного акта и несоразмерному ограничению права на доступность суда.

Кстати, к подобному заключению пришла также Палата адвокатов РА (согласно толкованиям, изложенным в адресованном Конституционному Суду РА письме Председателя Палаты адвокатов РА от 27.02.2015 г. номер ʘ/202).

10. Касательно закрепленного в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА требования приложения к кассационной жалобе электронного варианта жалобы как необходимого предварительного условия представления кассационной жалобы Конституционный Суд констатирует, что настоящее регламентирование непосредственно связано с гарантированными статьей 18 Конституции РА правами, а также гарантированным статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и являющимся элементом права лица на судебную защиту правом на доступность суда (access to court). Европейский суд по правам человека в ряде своих решений констатировал, что это право не является абсолютным, и государства могут обусловить возможность его реализации определенными требованиями и критериями (*Luordo v. Italy*, Постановление от 17 октября 2003 г., *Staroszczyk v. Poland*, Постановление от 9 июля 2007 г., *Stanev v. Bulgaria*, Постановление от 17 января 2012 г.). Оспариваемое положение закреплено в статье 158 Кодекса административного судопроизводства РА, которой устанавливаются требования, предъявляемые кассационной жалобе – как ее содержанию, так и прилагаемым к жалобе документам. Таким образом, изучение статьи 158 свидетельствует, что она закрепляет определенные правовые требования для пользования правом доступности суда, поэтому приложение к жалобе электронного варианта жалобы также является предварительным условием реализации этого права. Конституционный Суд констатирует, что исходя из требования обеспечения правовой определенности, наличие определенного императивного предварительного условия, необходимого для реализации права на доступность суда, само по себе не может рассматриваться как противоречащее Конституции РА. Иной вопрос, что подобное предварительное условие должно быть реализуемым, разумным и своей сложностью не должно приводить к нарушению сущности права. Конституционный Суд РА считает, что требование приложения к кассационной жалобе электронного варианта жалобы само по себе не блокирует возможность реализации права лица на доступность суда,

учитывая то обстоятельство, что подобным требованием на лицо не возлагается обязанность проявления поведения, не реализуемого с учетом существующих в объективной реальности возможностей и противоречащего аксиологии Конституции, следовательно, оно не приводит также к нарушению сущности права.

Конституционный Суд в то же время констатирует, что ни Кодексом административного судопроизводства РА, ни каким-либо другим правовым актом не предусмотрены требования, предъявляемые электронному варианту жалобы (критерии оформления электронного документа, реквизиты, формат и т. д.). Отсутствие подобных требований должно толковаться как право подающего жалобу на выбор любого формата представления документа в электронном виде и его возможность выбора любого критерия. Причем не предусмотрено какое-либо требование также относительно электронной цифровой подписи, следовательно лицо не несет обязанность иметь подобную подпись и использовать ее при реализации требования части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА.

Конституционный Суд констатирует, что закрепленные в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА требования, предъявляемые “электронному носителю”, никаким другим правовым актом также не предусмотрены. Понятие “электронный носитель” раскрыто в Законе РА “Об электронном документе и электронной цифровой подписи”. В частности, статья 2 указанного Закона устанавливает: “Электронный носитель – магнитный диск, магнитная лента, лазерный диск, полупроводниковые и другие материальные носители, используемые для регистрации и хранения информации электронными или иными техническими средствами”. Учитывая то обстоятельство, что часть 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА закрепляет термин “электронный носитель” и сама по себе не предусматривает иное предъявляемое носителю требование (вид носителя), поэтому при представлении лицом электронного варианта жалобы на любом электронном носителе указанное требование считается выполненным.

Ответчик в своем объяснении таким же образом истолковал требование части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА, в частности отметил: “Хотя законодатель в процессуальных кодексах в аспекте изложения не проявил единый подход и

не конкретизировал формат электронного документа и вид электронного носителя, однако это обстоятельство в условиях действующей правоприменительной практики не может способствовать нарушению прав. ... Законодатель, не конкретизируя вид носителя, по сути, рассмотрел в качестве приемлемого варианта любой вид носителя, пригодного для хранения и передачи электронного варианта кассационной жалобы”.

Касательно части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА Конституционный Суд также констатирует, что хотя в настоящей статье понятие “электронный вариант” в скобках раскрыто как “электронный носитель”, однако эти термины не идентичны: первый относится к содержащему текст кассационной жалобы компьютерному файлу, который доступен какой-либо компьютерной программе, а второй – к пригодному для хранения и передачи текста техническому устройству. Конституционный Суд считает важным это разграничение, так как электронный вариант жалобы можно представить не только на электронном носителе, но и по электронной почте, а ответчик в своем представленном по настоящему делу объяснении отмечает: “Электронный вариант документа, если он не представляется по электронной почте, может стать доступным посредством какого-либо носителя, способного носить электронный вариант документа”. Следовательно, закрепленное в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА требование не относится исключительно к представлению электронного варианта жалобы на электронном носителе, прилагаемом к документному варианту жалобы, а дает возможность лицу представить электронный вариант жалобы также по электронной почте.

Конституционный Суд также считает, что соответствующие единые критерии обеспечения однообразной реализации закрепленного в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА требования представления электронного варианта кассационной жалобы должны получить правовое закрепление. Изучение международного опыта относительно этого вопроса также свидетельствует, что в тех случаях, когда на лицо возлагается обязанность наряду с документами представить также электронный вариант документа или прямо обратиться в соответствующий орган электронным способом, детально устанавливаются предъявляемые электронным вариантам документов

требования и они бывают доступны на официальном электронном сайте соответствующего органа (Канада, Великобритания и др.).

Таким образом, Конституционный Суд констатирует, что отсутствие единых критериев представления закрепленного в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА прилагаемого к кассационной жалобе электронного варианта жалобы предполагает право заявителя представить электронный вариант жалобы в любом формате и в любом оформлении документа, как на электронном носителе любого вида, так и по электронной почте. Единые критерии представления закрепленного в части 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА прилагаемого к кассационной жалобе электронного варианта жалобы должны быть юридически закреплены, а до этого правоприменительная практика должна развиваться в рамках правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении относительно являющегося предметом спора вопроса.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьями 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Признать часть 4 статьи 154 Кодекса административного судопроизводства РА противоречащей статье 14.1, части 1 статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительной, имея в виду, что применение данного положения в условиях существующих правовых регулирований создает для лиц социально несоразмерную нагрузку, связанную с их финансовыми возможностями, не обеспечивая также полноценную реализацию прав лица на справедливое судебное разбирательство, эффективное средство судебной защиты и доступность суда.

2. Признать часть 5 статьи 158 Кодекса административного судопроизводства РА соответствующей Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении.

3. Согласно части 2 статьи 102 Конституции Республики настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН
3 марта 2015 года
ПКС-1192



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ЧАСТИ 4 СТАТЬИ 404, ЧАСТИ 5 СТАТЬИ 407
И ПУНКТА 2 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 414.1 УГОЛОВНО-
ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН
ВАЛЕНТИНЫ МКРТИЧЯН И СОФЬИ ТОРОСЯН**

г. Ереван

17 марта 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителя В. Мкртичян - Р. Айвазяна, заявителя С. Торосян,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА — начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 404, части 5 статьи 407 и пункта 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращений граждан Валентины Мкртчян и Софьи Торосян”.

Поводом к рассмотрению дела явились обращения В. Мкртчян и С. Торосян, зарегистрированные в Конституционном Суде РА соответственно 02.12.2014 г. и 19.01.2015 г.

Процедурным решением Конституционного Суда РА от 24.02.2015 г. ПРКС-9 дела “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 404 и части 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданки Софьи Торосян” и “Об определении вопроса соответствия части 4 статьи 404, части 5 статьи 407 и пункта 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданки Валентины Мкртчян” были соединены.

Изучив письменное сообщение докладчика по соединенному делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Уголовно-процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 1 июля 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 1 сентября 1998 года и вступил в силу с 12 января 1999 года. В дальнейшем в него было внесено множество изменений.

Часть 4 статьи 404 Кодекса, озаглавленной “Лица, имеющие право принести кассационную жалобу”, устанавливает: “Лица, предусмотренные пунктом 1 части 1 настоящей статьи, могут принести кассационную жалобу только через адвоката”. А пункт 1 части 1 той же статьи устанавливает: “Право на обжалование в Кассационный Суд судебных актов Апелляционного суда, разрешающих дело по существу и не разрешающих дело по существу, а также решений

Апелляционного суда, вынесенных в результате пересмотра судебных актов, не разрешающих дело по существу, имеют: 1) участники судопроизводства, за исключением органов уголовного преследования, а в предусмотренных законом случаях – также заявители”.

Часть 5 статьи 407 Кодекса, озаглавленной “Кассационная жалоба”, устанавливает: “Кассационную жалобу подписывает представитель подающего жалобу лица, Генеральный прокурор или его заместитель. К жалобе прилагается доверенность представителя, оформленная в установленном настоящим Кодексом порядке. К кассационной жалобе прилагается также электронный вариант кассационной жалобы (электронный носитель)”.

Пункт 2 части 2 статьи 414.1 Кодекса, озаглавленной “Возвращение кассационной жалобы или оставление ее без рассмотрения”, устанавливает следующее правовое регулирование: “2. Кассационная жалоба оставляется без рассмотрения, если: ... 2) кассационная жалоба подана лицом, не имеющим право на подачу жалобы”.

2. Процессуальные предыстории соединенных дел сводятся к следующему.

Одна из заявителей Валентина Мкртчян 08.04.2014 г. подала жалобу в суд общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун города Еревана об отмене постановления инспектора отделения дознания Арабкирского отдела Полиции РА от 26.03.2013 г. об отказе в возбуждении уголовного дела по материалам. Суд общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун города Еревана своим решением от 06.05.2014 г. отклонил жалобу Валентины Мкртчян от 08.04.2014 г. Заявитель 19.05.2014 г. подала апелляционную жалобу против решения суда общей юрисдикции от 06.05.2014 г. Уголовный апелляционный суд РА своим решением от 06.08.2014 г. отклонил апелляционную жалобу, а решение суда общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун города Еревана от 06.05.2014 г. оставил в силе. Заявитель подала кассационную жалобу против решения Уголовного апелляционного суда РА от 06.08.2014 г. Кассационный Суд РА своим решением от 03.10.2014 г. оставил кассационную жалобу Валентины Мкртчян без рассмотрения.

Другой заявитель Софья Торосян обратилась в суд общей юрис-

дикции Ширакского марза с требованием об отмене постановления следователя. Суд общей юрисдикции Ширакского марза своим решением от 21.07.2014 г. удовлетворил требование заявителя. Против указанного решения прокурор принес апелляционный протест. Уголовный апелляционный суд РА своим решением от 20.08.2014 г. удовлетворил апелляционный протест прокурора Прокуратуры Ширакского марза. Заявитель Софья Торосян подала против решения Уголовного апелляционного суда РА от 20.08.2014 г. кассационную жалобу. Кассационный Суд РА своим решением от 22.10.2014 г. оставил кассационную жалобу без рассмотрения.

3. По мнению заявителя Валентины Мкртчян, часть 4 статьи 404, часть 5 статьи 407 и пункт 2 части 2 статьи 414.1 Кодекса противоречат статьям 18, 19, 20 и 42 Конституции РА.

Противоречие между вышеотмеченными положениями Кодекса и статьей 18 Конституции РА заявитель обосновывает тем, что при наличии части 5 статьи 407 и пункта 2 части 2 статьи 414.1 Кодекса необходимы дополнительные инвестиции для подготовки электронного носителя, а в подобных условиях законодатель не установил возможность содействия лицам, находящимся в тяжелом социальном положении.

Противоречие между вышеотмеченными положениями Кодекса и частью 1 статьи 19 Конституции РА заявитель обосновывает тем, что, по ее мнению, фактически положения части 1 статьи 19 Конституции РА в Республике Армения не действуют, так как изменились положения статьи 404, статьи 407 и статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, вследствие чего возникло реальное препятствие доступности суда.

Противоречие между вышеотмеченными положениями Кодекса и частью 1 статьи 20 Конституции РА заявитель обосновывает тем, что Кассационный Суд РА нарушил закрепленное Конституцией его право на получение юридической помощи, так как эта помощь не должна быть обязывающей. Заявитель отмечает также то обстоятельство, что она не в состоянии платить только за подпись адвоката, при том что кассационную жалобу написала она сама. По мнению заявителя, в условиях законодательного требования представления актов, подлежащих обжалованию в Кассационном Суде РА, исключительно адвокатом, необходимо урегулировать законом какой-либо механизм предос-

тавления адвокатами гарантированной юридической помощи на бесплатных основаниях, независимо от материального положения стороны. В условиях нынешнего законодательного регулирования несоразмерно ограничивается право доступности Кассационного Суда.

Противоречие между вышеотмеченными положениями Кодекса и частью 3 статьи 42 Конституции РА заявитель обосновывает тем, что положения статьи 404, статьи 407 и статьи 414.1 Кодекса являются “законами, ухудшающими правовое положение лица, и эти правовые акты не имеют обратной силы”.

По мнению заявителя Софьи Торосян, часть 4 статьи 404, часть 5 статьи 407 Кодекса противоречат статьям 18, 19 и 20 Конституции РА на том основании, что они, согласно заявителю, ограничивают возможность реализации предусмотренного статьей 18 Конституции РА права лица на эффективное средство правовой защиты и противоречат закрепленному в статье 19 Конституции РА праву на справедливое рассмотрение дела для защиты прав лица независимым и беспристрастным судом в условиях равенства, с соблюдением всех требований справедливости.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителей, считает, что оспариваемые нормы Уголовно-процессуального кодекса РА соответствуют Конституции РА.

Касательно части 4 статьи 404 Уголовно-процессуального кодекса РА ответчик, ссылаясь на прецедентное право Европейского суда по правам человека, аргументирует, что требование представления интересов заявителя в Кассационном Суде квалифицированным адвокатом не может само по себе считаться противоречащим статье 6 Конвенции, и установление такой процедуры оправдано необходимостью представления более грамотных жалоб.

Обращаясь к вопросу с точки зрения сходств и различий между адвокатом и аккредитованным адвокатом и ссылаясь на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-765, статью 41 Закона РА “Об адвокатуре” и, в частности, на положение этой статьи, согласно которому право на получение бесплатной юридической помощи включает составление жалоб, ответчик отмечает, что Законом РА “Об адвокатуре” существенно расширены рамки бесплатной юридической помощи и круг лиц, имеющих право на пользование бесплатной юридической

помощью. Согласно ответчику, любое неплатежеспособное физическое лицо, не включенное в категории, указанные в статье 41 Закона РА “Об адвокатуре”, также может воспользоваться бесплатной юридической помощью.

Обращаясь к вопросу с точки зрения соразмерности средства и преследуемой цели, ответчик констатирует, что выбор такого средства обусловлен установлением более строгих оснований принятия к производству кассационной жалобы, что требует правовых знаний в необходимом объеме.

Обобщая, ответчик считает, что, **во-первых**, возможность участника судопроизводства пользоваться защитой прав в Кассационном Суде, а также равноправие сторон судопроизводства не ставятся в зависимость от финансовой возможности лица, так как, в отличие от института аккредитованного адвоката, в данном случае законодательством установлены достаточные гарантии, чтобы возможность пользоваться услугой адвоката гарантировалась каждому лицу, независимо от его финансовых возможностей, **во-вторых**, являющееся предметом спора правовое условие соразмерно преследуемой цели.

В связи с частью 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА ответчик аргументирует, что предъявляемые кассационной жалобе требования не являются самоцелью, а по своей логике направлены на эффективное осуществление функций Кассационного Суда и продиктованы развитием науки и техники.

Ссылаясь на Закон РА “Об электронном документе и электронной цифровой подписи”, ответчик считает, что электронным носителем в данном случае является любой вид носителя, пригодного для хранения и передачи электронной версии кассационной жалобы, и его виды законодательством не конкретизированы, преследуя цель дать широкую возможность выбора и довести до минимума расходы на приобретение электронного носителя.

Ответчик не считает обоснованным обуславливание ограничения права на доступность суда отсутствием финансовых средств, необходимых для приобретения электронного носителя, так как согласно ответчику, представление кассационной жалобы само по себе требует от подающего жалобу лица определенных расходов, связанных, в числе прочего, с государственной пошлиной и отправлением копий жалобы в рассматривающий дело суд и участникам судопроизводства.

А для лиц, находящихся в финансово уязвимом положении, законодатель предусмотрел право на получение бесплатной юридической помощи, которое в силу статьи 41 Закона РА “Об адвокатуре”, в числе прочего, включает составление жалоб.

Касательно пункта 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА ответчик аргументирует, что в нем закреплено одно из оснований оставления жалобы без рассмотрения. В отличие от оснований возвращения жалобы, при этом основании жалоба не возвращается и не предоставляется срок для устранения имеющихся в жалобе недостатков и повторного представления жалобы. Несоблюдение требования представления кассационной жалобы адвокатом в данном случае считается нарушением порядка обжалования и тормозит процедуру обжалования.

5. Учитывая некоторое сходство между конституционно-правовыми спорами, поднятыми по делу ПКС-1192 и по настоящему делу, Конституционный Суд в рамках настоящего дела считает необходимым выяснить и оценить:

- значение правовых требований, закрепленных в части 4 статьи 404, части 5 статьи 407 и пункте 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА, учитывая гарантированность предусмотренных статьями 18 и 19 Конституции РА, а также статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод прав лица на эффективное средство судебной защиты своих прав и на являющуюся элементом справедливого судебного разбирательства доступность суда и обеспечение необходимых механизмов их полноценной реализации;
- системную логику и правомерное значение законодательного регулирования подачи в Кассационный Суд РА кассационной жалобы исключительно адвокатом, учитывая также закрепленные в Постановлениях ПКС-765, ПКС-833 и ПКС-1192 правовые позиции Конституционного Суда РА относительно сущности и содержания института судебной защиты прав посредством адвоката и вопросов конституционности его законодательного регулирования;
- особенности уголовного процесса в связи с проблемой, являющейся предметом спора.

6. В результате изучения Уголовно-процессуального кодекса РА Конституционный Суд констатирует, что заинтересованными лицами уголовного процесса, в числе прочих, являются потерпевший, гражданский истец, их законные представители и представители, подозреваемый, обвиняемый, их законные представители, защитник, гражданский ответчик, его представитель, а также заявитель. Причем подозреваемый в предусмотренных законом случаях в силу закона считается оправданным, а обвиняемый в предусмотренных законом случаях в силу закона считается подсудимым, осужденным или оправданным, из чего следует, что в круг лиц, имеющих право подачи кассационной жалобы, включены также **подсудимый, осужденный и оправданный.**

Согласно части 1 статьи 68 Кодекса, защитником является адвокат, представляющий при производстве по уголовному делу законные интересы подозреваемого или обвиняемого и оказывающий им юридическую помощь всеми не запрещенными законом средствами.

В результате изучения вышепредставленных положений Кодекса, а также пункта 3 части 2 статьи 5 Закона РА “Об адвокатуре” Конституционный Суд РА констатирует также, что в уголовном судопроизводстве обязательное условие представления законных интересов лиц и оказание им юридической помощи только адвокатом касается исключительно подозреваемого и обвиняемого. Причем последние согласно соответственно пункту 4 части 2 статьи 63 и пункту 3 части 2 статьи 65 Кодекса имеют **право защищаться** как посредством защитника, так и **самостоятельно, за исключением случаев обязательного участия защитника, когда на бесплатных основаниях предоставляется юридическая помощь.**

Согласно части 1 статьи 78 Кодекса представителями потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика являются лица, уполномоченные указанными участниками процесса представлять их законные интересы при производстве по уголовному делу.

Конституционный Суд РА считает необходимым отметить, что Кодекс, употребляя термин “**защитник**” исключительно в связи с подозреваемым, обвиняемым, включая подсудимого, осужденного и оправданного, употребляя термин “**представитель**” в связи с остальными участниками судопроизводства и заявителями, предусматривая

в части 4 статьи 404 право подачи кассационной жалобы только адвокатом, в первом и втором предложениях части 5 статьи 407 в положениях относительно подписания кассационной жалобы и прилагаемых к кассационной жалобе документов употребляет термин “представитель”. Во избежание возможных разнохарактерных восприятий Конституционный Суд считает, что в первом и втором предложениях части 5 статьи 407 Кодекса положения, касающиеся представителя, относятся и к адвокату.

7. Обращаясь к вопросу выяснения и оценки указанных в пункте 5 настоящего Постановления обстоятельств, Конституционный Суд РА по настоящему делу вновь подтверждает правовые позиции, закрепленные в своих Постановлениях ПКС-765, ПКС-833 и ПКС-1192, констатируя, что, в частности, правовые позиции, закрепленные в Постановлениях ПКС-765 и ПКС-833, полноценно не реализованы в ходе последующих законодательных изменений, считает, что закрепленные в указанных Постановлениях правовые позиции применимы также к положениям части 4 статьи 404 и части 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА. Это касается в особенности того принципиального подхода, когда поставленная правомерная цель должна быть реализована в рамках гарантирования принципа верховенства права. В этом случае последний предполагает, что законодательное регламентирование не может создавать для лиц несоразмерную социальную нагрузку в зависимости от их финансовых возможностей, и в результате этого не обеспечивая полноценную реализацию прав лица на справедливое судебное разбирательство, эффективное средство судебной защиты и доступность суда.

Конституционный Суд РА констатирует, что статья 20 Конституции РА однозначно признает право каждого на получение юридической помощи, которая в предусмотренных законом случаях оказывается за счет государственных средств.

Рекомендация Комитета министров Совета Европы номер R(2000)21 странам-членам также предлагает исключить возможное блокирование права “лиц, находящихся в плохом экономическом положении”, на доступность суда.

8. Обращаясь к вопросу конституционности положения пункта 2 части 2 статьи 414.1 Кодекса Конституционный Суд РА констатирует, что нет никакой причинно-следственной связи между являющимся предметом спора положением и положениями части 4 статьи 404 и части 5 статьи 407 Кодекса. То есть аргументы заявителя В. Мкртчян относительно положений части 4 статьи 404 и части 5 статьи 407 Кодекса не могут считаться касающимися также положения пункта 2 части 2 статьи 414.1 Кодекса.

В частности, статья 414.1 Кодекса и положение ее пункта 2 части 2 регулируют те правовые последствия, которые наступают вследствие несоблюдения определенных правовых требований пользования правом доступности суда, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом РА. А поднятый в рамках настоящего дела конституционно-правовой спор в связи с частью 4 статьи 404 и частью 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА касается конституционности содержания определенных правовых требований пользования правом доступности суда, предусмотренным Уголовно-процессуальным кодексом РА. Помимо этого, в содержание оспариваемого пункта 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА включено не только отрицательное последствие непредставления обращения только адвокатом, но включены также последствия представления в любом ином случае обращения иными субъектами, помимо субъектов, предусмотренных в статье 404 Уголовно-процессуального кодекса РА. **Подобное правовое регулирование не только является необходимостью, но и не представляет собой прямое последствие закрепления института представления кассационной жалобы только адвокатом.** То есть, если бы частью 4 статьи 404 Уголовно-процессуального кодекса РА не было предусмотрено требование представления кассационной жалобы только адвокатом, то оспариваемый пункт 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА никоим образом не мог бы ограничить право доступности суда и создать для заявителя определенные отрицательные последствия. Следовательно, оспариваемый пункт 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА не может рассматриваться как норма, ограничивающая конституционное право на судебную защиту, в частности право доступности суда.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Часть 4 статьи 404 Уголовно-процессуального кодекса РА в части тех участников судопроизводства, которые не имеют защитника и для которых в установленном законом порядке не гарантирована возможность получения бесплатной юридической помощи, признать противоречащей статье 14.1, части 1 статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительной, имея в виду, что применение данного положения в условиях существующих правовых регулирований создает несоразмерную социальную нагрузку для лиц в зависимости от их финансовых возможностей, не обеспечивая также полноценную реализацию прав лица на справедливое судебное разбирательство, эффективное средство судебной защиты и доступность суда.

2. Положения, закрепленные в первом и втором предложениях части 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА, в части участников судопроизводства, не имеющих на момент подписания кассационной жалобы защитника и не получивших возможность оказания им в установленном законом порядке бесплатной юридической помощи, признать противоречащими части 1 статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительными, имея в виду, что применение данных положений в условиях существующих правовых регулирований исключает возможность представления указанными лицами кассационной жалобы в контексте представления своих законных интересов.

3. Закрепленное в третьем предложении части 5 статьи 407 Уголовно-процессуального кодекса РА положение “к кассационной жалобе прилагается также электронный вариант кассационной жалобы (электронный носитель)” соответствует Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда РА ПКС-1192 в связи с тем же вопросом.

4. Пункт 2 части 2 статьи 414.1 Уголовно-процессуального кодекса РА соответствует Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в настоящем Постановлении.

5. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**17 марта 2015 года
ПКС-1196**



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ВТОРОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 171,
ПЕРВОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧАСТИ 1 СТАТЬИ 173
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ЗАЩИТНИКА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА РА**

г. Ереван

7 апреля 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, А. Гюлумян, Ф. Тохяна (докладчик), А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителя — начальника Управления правового анализа Аппарата Защитника прав человека РА Л. Саргсян,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА — начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 8 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия второго предложения части 1 статьи 171, первого предложения части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращения Защитника прав человека РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 15.10.2014 г. обращение Защитника прав человека РА.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 17 июня 1998 года, подписан Президентом Республики Армения 7 августа 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Второе предложение части 1 статьи 171, озаглавленной “Рассмотрение заявления”, главы 29 Кодекса устанавливает: “Гражданин может быть вызван на судебное заседание, если это позволяет состояние его здоровья”. А первое предложение части 1 той же статьи устанавливает: “Дело о признании гражданина недееспособным суд рассматривает с обязательным участием представителя органа опеки и попечительства”.

Вышеуказанное положение изменению или дополнению не подвергалось.

Первое предложение части 1 статьи 173 Кодекса, озаглавленной “Признание гражданина дееспособным и отмена ограничения его дееспособности”, устанавливает: “В случаях, предусмотренных Гражданским кодексом Республики Армения, суд по заявлению опекуна, члена семьи или администрации психиатрического лечебного учреждения на основании соответствующего заключения судебно-психиатрической экспертизы выносит решение о признании выздоровевшего лица дееспособным”.

Вышеуказанное положение изменению или дополнению не подвергалось.

2. Заявитель считает, что оспариваемые нормы Кодекса противоречат части 1 статьи 18, части 1 статьи 19, части 1 статьи 20 и статье 43 Конституции РА по следующим обоснованиям:

- в силу части 1 статьи 171 Кодекса для суда устанавливается усмотрение в вопросе привлечения лица, в отношении которого рассматривается дело о признании недееспособным, в качестве участника судебного разбирательства. Участие обусловлено состоянием здоровья соответствующего лица, а также усмотрением суда. То есть даже в том случае, когда состояние здоровья лица позволяет ему участвовать в судебном разбирательстве, вопрос вызова его на судебное заседание оставлен на усмотрение суда. Согласно заявителю, законодателем устанавливается не требование обязательного участия, а в соответствующем случае — возможность участия, осуществление которой обусловлено усмотрением суда;
- в Кодексе не раскрыто также содержание положения “состояние здоровья позволяет”, которое обусловленной своим содержанием неопределенностью в правоприменительной практике может привести к такому толкованию и применению, которое нарушает или может нарушить права лица (в отношении которого рассматривается дело о признании недееспособным) на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство;
- принятые Резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 г. Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи устанавливают право лица, дееспособность которого является предметом судебного разбирательства, быть представленным адвокатом. Предусматривается также его право, а также право его представителя (если таковой имеется) или любого другого заинтересованного лица на обжалование решений о дееспособности в вышестоящий суд;
- Рекомендацией Комитета министров Совета Европы Rec(2004)10 “Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическими расстройствами” устанавливается, что лица с психическими нарушениями должны иметь возможность осущест-

влять все свои гражданские и политические права. Любые ограничения на осуществление таких прав должны соответствовать положениям Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и не должны быть основаны на самом факте того, что лицо имеет психическое расстройство (статья 4);

- Рекомендацией Комитета министров Совета Европы R(99)4 “О принципах правовой защиты совершеннолетних недееспособных лиц” устанавливается, что никакая мера защиты, которая ограничивает гражданскую дееспособность совершеннолетнего недееспособного лица, не должна назначаться, если само лицо, ее назначающее, не видело данного совершеннолетнего индивида или лично не убедилось в том, каким является состояние данного совершеннолетнего индивида, а также если не было представлено актуальное заключение по меньшей мере одного эксперта. Принципом 13 Рекомендации устанавливается право лица быть лично заслушанным. Итак, лицо должно иметь право быть лично заслушанным в любом процессе, затрагивающим его дееспособность.

Заявитель ссылается также на Рекомендацию ПАСЕ номер 818 (1977), а также на Рекомендацию Комитета министров CE R(83)2, которые, по мнению заявителя, также предусматривают аналогичные процедуры и гарантии.

Заявитель обращается также к ряду решений ЕСПЧ. В частности, Суд в постановлениях, вынесенных по делам Штукатуров против России, Ковалев против России, Винтерверп против Нидерландов, Мантованелли против Франции, согласно заявителю, отметил, что лицу с психическим расстройством должна быть предоставлена возможность быть услышанным лично или при необходимости - посредством обеспечения какого-либо представительства. Согласно заявителю, хотя по делу Винтерверп против Нидерландов предметом рассмотрения был вопрос свободы заявителя, тем не менее Суд отметил, что результат судебного разбирательства по данному делу как минимум был столь же важен для заявителя, так как рассматривался вопрос ограничения его личной автономии во всех сферах жизни. Согласно заявителю, Суд отметил, что в подобных делах лицо выступает в двойной роли – как заинтересованная сторона и основной предмет рассмотрения Суда, следовательно, участие этого лица в

судебном разбирательстве необходимо не только для представления своих интересов, но и для того, чтобы Суд составил свое личное мнение о психическом состоянии указанного лица. Согласно заявителю, Суд пришел к заключению, что решение Суда о рассмотрении дела только на основании документов, не видя или не выслушав заявителя, было неразумным, чем был нарушен установленный частью 1 статьи 6 Конвенции принцип состязательности судопроизводства.

Заявитель ссылается также на соответствующие законодательные положения РФ и правовые позиции Конституционного Суда РФ относительно них.

Обращаясь к части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса РА заявитель отмечает, что в силу указанного положения в качестве субъекта, имеющего право представления заявления о восстановлении дееспособности, не предусмотрено лицо, признанное недееспособным решением суда. Возможность восстановления дееспособности последнего обусловлена исключительно волеизъявлением его опекуна, члена его семьи или администрации психиатрического лечебного учреждения, а признанное недееспособным лицо просто лишается права на непосредственное обращение в суд с требованием о восстановлении своей дееспособности в случае выздоровления.

Заявитель ссылается также на ряд других постановлений ЕСПЧ. В частности, Суд постановлением, вынесенным по делу Наталья Михайленко против Украины, согласно заявителю, констатировал, что гарантируемое статьей 6 Конвенции право на справедливое судебное разбирательство не абсолютно и может быть соразмерно ограничено, если для подобного ограничения имеется правомерная цель, как, например, защита интересов недееспособного лица или иных лиц, надлежащее осуществление правосудия. Согласно заявителю, Суд подтвердил также, что право признанного недееспособным лица на обращение в суд с просьбой о пересмотре дееспособности является одним из его наиважнейших прав, так как процедура недееспособности может иметь решающее значение для осуществления всех тех других прав лица, которые были ограничены в результате признания его недееспособности. Согласно заявителю, Суд отметил, что подход внутригосударственного законодательства, согласно которому признанное недееспособным лицо не может непосредственно обратиться в суд по вопросу восстановления своей дееспособности, несозвучен сущест-

вующей в Европе общей тенденции. В частности, проведенный по делу Станев против Болгарии сравнительный анализ показывает, что из изученных двадцати европейских стран в законодательствах семнадцати стран лицам, признанным недееспособными, предоставляется право лично и непосредственно обращаться в суд с требованием о восстановлении дееспособности. Согласно заявителю, Суд отметил также, что общий запрет обращения в суд лиц данной категории никакого исключения не устанавливает, одновременно внутривосударственное законодательство в качестве гарантии не предусматривает порядок периодического пересмотра судом восстановления правовой дееспособности. Согласно заявителю, судом по данному делу признано нарушение статьи 6 Конвенции, так как отсутствие права обращения в суд повлияло на многие аспекты жизни заявителя и не может быть оправдано ограничениями доступности суда для недееспособных лиц.

3. Сторона-ответчик принципиально не опровергает аргументы заявителя и считает, что в связи с являющимися предметом спора правовыми регулированиями имеется проблема реформирования законодательства. Ответчик также считает, что участие каждого лица в судебном разбирательстве по своему делу является гарантией права на справедливое судебное разбирательство и судебную защиту, тем более когда имеем дело с признанием лица недееспособным, то есть с ограничением его гражданских прав и обязанностей.

Обращаясь к указанному в обращении вопросу о том, что Кодекс не устанавливает право лица на обращение в суд по вопросу восстановления своей дееспособности, ответчик отмечает, что отсутствие такого права может отрицательно сказаться на правовом статусе лица. Поэтому ответчик считает, что с точки зрения защиты прав недееспособного лица должно быть установлено такое специальное правовое регулирование, которое предоставит последнему возможность лично обращаться в суд с заявлением о восстановлении своей дееспособности.

Одновременно ответчик приложил к своему объяснению проект Закона РА номер №-732-05.03.2015-№-010/0 “О внесении изменения и дополнения в Гражданский процессуальный кодекс РА”, констатируя, что данный проект введен в оборот рядом депутатов Национального Собрания РА с целью решения существующей проблемы.

4. Конституционный Суд констатирует, что оспариваемые по настоящему делу нормы непосредственно касаются гарантированных статьями 18 и 19 Конституции РА, статьей 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод права на доступность суда, принципов справедливого судебного разбирательства, являющихся элементом права лица на судебную защиту, а также допустимых ограничений указанных прав.

В связи с этим Конституционный Суд констатирует, что имеется ряд международных документов, касающихся правовой защиты лиц с психическими расстройствами. В частности, принятые Резолюцией 46/119 Генеральной Ассамблеи ООН от 17.12.1991 года “Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи” прямо указывают на недопустимость какой-либо дискриминации, то есть проявления любого отличия, исключения или предпочтения из-за психической болезни, вследствие чего станет невозможным или затруднится равное пользование международно-признанными гражданскими, политическими, экономическими, социальными и культурными правами (пункты 4 и 5 принципа 1). Указанные принципы предусматривают также право лица, дееспособность которого является предметом судебного разбирательства, быть представленным адвокатом, а также право наравне с любым участвующим в деле заинтересованным лицом обжаловать решение о дееспособности в вышестоящих судебных инстанциях (пункт 6 принципа 1).

В Рекомендациях Парламентской Ассамблеи Совета Европы (далее – также ПАСЕ) от 08.10.1977 года 818(1977) “О положении психически больных”, Комитета министров Совета Европы (далее – также КМСЕ) от 22.02.1983 года R(83)2 “По правовой защите недобровольно госпитализированных лиц с психическими расстройствами”, а также в Рекомендациях от 23.02.1999 года R(99)4 “О принципах, касающихся правовой защиты недееспособных взрослых”, “Относительно защиты прав человека и достоинства лиц с психическим расстройством” от 22.09.2004 г. года Rec(2004)10 также подчеркивается, что лица с психическим расстройством должны иметь возможность реализации всех гражданских и политических прав, а ограничения этих прав допустимы исключительно в строгом соответствии с Конвенцией, и не могут основываться только на факте наличия у лица психического расстройства. Причем вышеуказанными Реко-

мендациями государствам-членам Совета Европы предлагается установить, что судебное решение не может быть принято только на основании медицинского заключения.

Вышеуказанными Рекомендациями устанавливается также, что должно быть обеспечено право лиц, страдающих психическими заболеваниями, быть выслушанными и гарантировано участие адвоката в ходе всего судебного разбирательства. Вышеуказанными Рекомендациями предусмотрено также, что при вынесении решения в отношении лиц с психическими расстройствами должно быть гарантировано как право быть лично выслушанными, так и право обжалования вынесенного решения.

В Рекомендации R (99)4 сформулированы также принципы правовой защиты недееспособных совершеннолетних лиц, и указанной Рекомендацией государствам-членам Совета Европы предлагается при закреплении соответствующих законодательных регулирований руководствоваться указанными принципами. Одним из этих принципов, в частности, является гибкость правовых регулирований, которая, в числе прочего, позволяет применять такие инструменты правовых регулирований, которые полноценно учтут, в числе прочего, степень недееспособности в данной конкретной правовой ситуации. Указанная Рекомендация к процессуальным принципам причисляет также принцип соблюдения права лица быть лично выслушанным в ходе любого судебного разбирательства, которое может касаться дееспособности лица, а также закрепляет возможность периодического пересмотра или обжалования для решения вопросов в связи с признанием лица недееспособным.

5. К поднятой по настоящему делу проблеме, как отметил также заявитель, в ряде случаев обращался также Европейский суд по правам человека. В частности, по делу Штукатуров против России Европейский суд по правам человека нашел, что гарантированное статьей 6 Конвенции право Павла Штукатурова, признанного недееспособным судебной инстанцией Российской Федерации, нарушено, обосновывая, что:

- необеспечение права лиц с психическими расстройствами быть выслушанными лично или через представителя не соответствует требованиям статьи 6 Конвенции (абзац 70 Постановления);

- соответствующее лицо являлось и объектом судебного разбирательства, и заинтересованной стороной, следовательно, его участие в судебном разбирательстве было обязательно не только для представления своего дела, но и для того, чтобы суд сформировал свое личное мнение о психическом состоянии лица (абзац 72 Постановления), (абзацы 35-37 Постановления *mutadis mutandis* Ковалев против России);
- вынесение внутригосударственным судом решения о дееспособности лица исключительно на основании письменных документов, не видя и не заслушав его, является нарушением принципа состязательности справедливого судебного разбирательства (абзац 73 Постановления);
- апелляционная жалоба заявителя отклонена на том основании, что последний не наделен правомочием выступать в суде. В результате судебное разбирательство завершилось лишь приговором суда первой инстанции (абзац 75 Постановления).

По делу Наталья Михайленко против Украины Суд отметил, что право на доступность суда не является абсолютным и может быть ограничено, констатируя вместе с тем, что подобное ограничение не должно быть таким, чтобы искажалась сущность права — подобное ограничение должно преследовать правомерную цель, а также должен быть разумный баланс между применяемым средством и преследуемой целью. По данному делу Суд нашел, что лишение признанного недееспособным лица процессуальных прав может быть оправдано необходимостью надлежащего осуществления защиты этого лица, защиты интересов иных лиц и правосудия. С другой стороны, Суд нашел также, что важность реализации процессуальных прав может быть разной в зависимости от цели того действия, которое лицо хочет представить в суде. В частности, право лица на требование пересмотра судом решения о признании его недееспособным является одним из важнейших прав лица, так как подобный процесс может непосредственно влиять на осуществление всех прав и свобод, которые были ограничены в результате признания лица недееспособным. Отсутствие такой возможности не может быть оправдано правомерной целью, которая может быть положена в основу ограничения права признанного недееспособным лица на доступность суда. В результате Суд констатировал нарушение статьи 6 Конвенции.

6. Из вышеуказанных международных документов относительно правовой защиты лиц с психическими расстройствами и правовых позиций Европейского суда по правам человека следует, что правовая защита лиц с психическими расстройствами должна включать, в частности, следующие права: право быть выслушанным в суде, право полноценного участия в судебном разбирательстве и право обжалования судебного акта. В рамках рассмотрения настоящего дела Конституционный Суд РА считает важным выяснить, насколько четко Гражданским процессуальным кодексом РА для лиц с психическими расстройствами гарантированы вышеуказанные права. Выявление данного обстоятельства существенно также и тем, что:

- ограничение дееспособности лица неизбежно приводит к возможному ограничению прав и свобод данного лица в различных сферах жизни;
- в результате установленных Гражданским процессуальным кодексом РА правовых регулирований лицо, вопрос дееспособности которого рассматривается в суде, в ходе судебного разбирательства должно выступать не только как объект судебного разбирательства, но и как заинтересованное лицо.

7. Нормами главы 5 Гражданского процессуального кодекса РА закреплен исчерпывающий перечень участвующих в деле лиц, какими являются стороны, третьи лица, а также заявители по делам, предусмотренным разделом третьим настоящего Кодекса (статья 27 Кодекса).

Статья 28 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает права и обязанности участвующих в деле лиц, которые, в числе прочего, обеспечивают право участвующих в деле лиц быть выслушанными в суде, право на участие в судебном разбирательстве и право обжалования судебного акта.

Нормами главы 7 Гражданского процессуального кодекса РА закреплен исчерпывающий перечень иных участников судопроизводства, каковыми являются свидетель, эксперт, переводчик (соответственно статьи 44, 45 и 46 Кодекса).

Часть 1 статьи 205 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает круг лиц, имеющих право подачи апелляционной жалобы. Ими являются участвующие в деле лица, прокурор в случаях,

предусмотренных законом, лица, не ставшие участниками дела, о правах и обязанностях которых вынесен разрешающий дело по существу судебный акт.

Часть 1 статьи 223 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает круг лиц, имеющих право подачи кассационной жалобы на судебные акты нижестоящего суда, разрешающих дело по существу. Ими являются участвующие в деле лица, Генеральный прокурор и его заместители по вопросам защиты государственных интересов.

Часть 2 статьи 223 Гражданского процессуального кодекса РА устанавливает круг лиц, имеющих право подачи кассационной жалобы на промежуточные судебные акты Апелляционного суда и определения Апелляционного суда, вынесенные в связи с промежуточными судебными актами, обжалованными в Апелляционном суде. Ими являются лица, участвующие в деле.

По результатам сопоставительного анализа норм Гражданского процессуального кодекса РА Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что Кодекс не наделяет четким процессуальным статусом лицо, вопрос дееспособности которого рассматривается в суде. Хотя об осуществлении процессуальных прав указанных лиц упоминается лишь в оспариваемом втором предложении части 1 статьи 171 Кодекса. Однако осуществление указанных прав ограничивается только возможностью присутствия последнего на судебном заседании, что само по себе спорно с точки зрения формулировки. Одновременно Кодекс не закрепляет также права и обязанности суда в отношении вызванного на судебное заседание лица, вопрос дееспособности которого рассматривается. Получается, что не будучи лишенным правосубъектности, лицо, вопрос дееспособности которого рассматривается в суде, может быть участником судебного заседания лишь в качестве «объекта судебного разбирательства».

Конституционный Суд констатирует, что вышеупомянутыми регулируемыми Гражданского процессуального кодекса РА лицам, дееспособность которых рассматривается в суде, четко не обеспечиваются соблюдение равноправия, прав на доступность суда, судебную защиту, справедливое судебное разбирательство, обжалование судебных актов. Не гарантировано также закрепленное упомянутыми международными документами и правовыми позициями Европейского

суда по правам человека относительно правовой защиты лиц с психическими расстройствами право быть выслушанными в суде. В силу указанных фундаментальных прав любое лицо, вопрос дееспособности которого рассматривается в суде, должно быть наделено соответствующим процессуальным статусом, нести процессуальные обязанности, а также пользоваться процессуальными правами, следующими из статуса участника судебного разбирательства, включая право обжалования судебных актов.

Учитывая вышеизложенное, Конституционный Суд РА констатирует, что в связи с рассматриваемыми проблемами в Гражданском процессуальном кодексе РА имеется пробел в правовом регулировании, что требует системного решения и может быть преодолено только Национальным Собранием РА путем внесения равноценных законодательных изменений.

Эта проблема не может получить какого-либо основательного и полного разрешения в рамках оспариваемого положения статьи 171 Гражданского процессуального кодекса РА. Вопрос не касается лишь усмотрения судьи. С точки зрения конституционно-правового содержания оспариваемое положение, по сути, имеет только ограничивающий характер. То есть в рамках общей логики законодательного правового регулирования данное положение, по сути, должно толковаться и применяться так, что гражданин не может быть вызван на судебное заседание исключительно в том случае, когда это не позволяет состояние его здоровья. Однако в этом вопросе правовые регламентирования также не являются целостными и четкими. Более того, даже вызов на судебное заседание при наличии определенных правовых условий в рамках вышеотмеченного конституционно-правового содержания положения, являющегося предметом спора, с точки зрения защиты прав не может играть существенной роли, если данное лицо в установленном законом порядке не имеет четкого процессуального статуса. Это и есть та проблема, которая должна быть комплексно разрешена Национальным Собранием РА.

Рассматривая проблему также в свете Постановления Конституционного Суда РА ПКС-1135, руководствуясь соображениями исключения нарушения конституционного принципа равноправия и учитывая правовые позиции Конституционного Суда РА и Европейского суда по правам человека относительно принципа запрета дискриминации,

прав на судебную защиту и доступность суда, международные документы относительно правовой защиты лиц с психическими расстройствами, Конституционный Суд считает, что права лица на судебную защиту, доступность суда, включая обжалование судебных актов, должны в равной степени касаться также и тех лиц, вопрос дееспособности которых рассматривается в суде.

8. Обращаясь к вопросу конституционности положения, закрепленного в первом предложении части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса РА, Конституционный Суд считает, что в положении, закрепленном в первом предложении части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса РА, **имеется проблема конституционности**, так как среди субъектов обращения в суд отсутствует субъект, который должен быть признан дееспособным. В результате лицо, признанное дееспособным первым предложением части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса РА, лишается возможности осуществления прав быть выслушанным относительно признания своей дееспособности, участия в судебном разбирательстве и обжалования судебного акта.

Обращаясь к международному опыту в связи с оспариваемым положением, Конституционный Суд, в частности, констатирует также, что согласно соответствующим законодательствам семнадцати государств-членов Совета Европы – Хорватии, Дании, Эстонии, Финляндии, Франции, Германии, Греции, Венгрии, Люксембурга, Монако, Польши, Португалии, Румынии, Российской Федерации, Словакии, Швеции, Швейцарии лицам, признанным недееспособными, разрешается лично или через представителя обращаться в суд с требованием о восстановлении своей дееспособности.

Одновременно Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что Европейский суд по правам человека обратился к вопросу субъектов обращения относительно пересмотра правового статуса признанного недееспособным лица, в частности, в Постановлении, вынесенном по делу Михайленко против Украины, от 30 августа 2013 года, в котором Суд нашел, что непредусмотрение возможности выздоровевшего обратиться в суд с требованием о восстановлении своей дееспособности **несозвучно соответствующим законодательным подходам государств-членов Совета Европы**. В данном Постановлении

Европейский суд по правам человека также отметил, что подобный запрет не предусматривает какой-либо альтернативы, как, например, порядок периодического пересмотра судом дел лиц, признанных недееспособными. В результате Европейский суд по правам человека констатировал нарушение права, гарантированного статьей 6 Конвенции.

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает, что регулирование части 1 статьи 173 Кодекса, не предусматривая возможность данного лица быть выслушанным и участвовать в судебном разбирательстве для признания дееспособности, фактически лишает это лицо возможности осуществления прав, гарантированных статьями 18 и 19 Конституции РА.

9. Конституционный Суд считает необходимым обратиться также к применяемым в Гражданском процессуальном кодексе РА понятиям “дееспособность”, “недееспособность” и “ограниченная дееспособность”.

В связи с этим Конституционный Суд РА констатирует, что содержание указанных понятий раскрыто в соответствующих статьях Гражданского кодекса РА. Так, статья 24 Гражданского кодекса РА, в частности, устанавливает: “Способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность) возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста”.

Статья 31 того же Кодекса раскрывает признаки недееспособности, закрепляя, что “гражданин, который вследствие психического расстройства не может понимать значения своих действий или руководить ими, может быть признан судом недееспособным в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Армения”.

Статья 32 Гражданского кодекса РА в свою очередь обращается к определению понятия “ограниченная дееспособность”, в частности, отмечая, что “гражданин, который вследствие злоупотребления спиртными напитками или наркотическими средствами, а также увлечения азартными играми ставит свою семью в тяжелое материальное положение, может быть ограничен судом в дееспособности в порядке, установленном Гражданским процессуальным кодексом Республики Армения”.

В Постановлении Европейского суда по правам человека, вынесенном по делу Штукатуров против России, установлено, что признание лица недееспособным является вмешательством в право уважения его личной жизни. Врачами у Штукатурова констатированы определенные психические заболевания, однако, согласно Суду, признание его недееспособным было несоразмерно преследуемой правомерной цели. Судом констатировано также отсутствие в законодательстве Российской Федерации промежуточного, альтернативного (за исключением лиц, склонных к злоупотреблению спиртными напитками или наркотическими средствами) варианта между дееспособностью и недееспособностью, учитывая ту логику, что не все психические расстройства приводят к полной недееспособности (абзацы 91-95 Постановления).

В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что в ходе дальнейших законодательных изменений необходимо соответствующим образом обратиться также к этой проблеме, что позволит исключить несоразмерное вмешательство в связи с дееспособностью лиц, сделав более целостными основания признания лица “дееспособным” или “ограниченно дееспособным”.

Одновременно Конституционный Суд РА принимает к сведению, что в Национальном Собрании РА введен в оборот проект Закона РА “О внесении изменения и дополнения в Гражданский процессуальный кодекс РА” номер Պ-732-05.03.2015-ՊԻ-010/0, которым законодатель пытается решить поднятые в обращении проблемы, в ходе чего будет необходимо учесть также правовые позиции, выраженные Конституционным Судом РА в настоящем Постановлении.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 8 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Положение, закрепленное вторым предложением части 1 статьи 171 Гражданского процессуального кодекса РА, соответствует Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных Конституционным Судом в настоящем Постановлении.

2. Положение, закрепленное первым предложением части 1 статьи 173 Гражданского процессуального кодекса РА, постольку, поскольку не предоставляет признаваемому дееспособным лицу возможность лично реализовать свое право быть выслушанным и выступить в качестве участника судопроизводства, признать противоречащим части 1 статьи 18 и части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительным.

3. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

7 апреля 2015 года
ПКС-1197



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
ЧАСТИ 3 СТАТЬИ 223 И ЧАСТЕЙ 4 И 5 СТАТЬИ 231
ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЙ ГРАЖДАН
ОВАННЕСА СААКЯНА И КАРАПЕТА АДЖИЯНА**

г. Ереван

16 июня 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

представителя заявителя О. Саакяна - Р. Айвазяна, заявителя К. Аджияна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части первой статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия части 3 статьи 223 и частей 4 и 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса Республики Армения Конституции Республики Армения на основании обращений граждан Ованнеса Саакяна и Карапета Аджияна”.

Поводом к рассмотрению дела явились обращения О. Саакяна и К. Аджияна, зарегистрированные в Конституционном Суде РА соответственно 16.02.2015 г. и 23.03.2015 г.

Процедурным решением Конституционного Суда от 07.04.2015 г. ПРКС-20 дело “Об определении вопроса соответствия части 3 статьи 223 и части 4 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции РА на основании обращения гражданина Карапета Аджияна” и принятое Конституционным Судом к рассмотрению дело “Об определении вопроса соответствия части 3 статьи 223 и частей 4 и 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА Конституции РА на основании обращения гражданина Ованнеса Саакяна” были соединены.

Изучив письменное сообщение докладчика по соединенному делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, исследовав Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Гражданский процессуальный кодекс РА принят Национальным Собранием РА 17 июня 1998 года, подписан Президентом РА 7 августа 1998 года и вступил в силу с 1 января 1999 года.

Оспариваемая по настоящему делу часть 3 статьи 223 Гражданского процессуального кодекса РА, озаглавленной “Лица, имеющие право принесения кассационной жалобы”, устанавливает:

“3. Участвующие в деле физические и юридические лица могут представить кассационную жалобу только через адвоката”.

В вышеуказанную статью Национальным Собранием РА внесен ряд изменений и дополнений, а оспариваемое положение закреплено в Гражданском процессуальном кодексе РА *Законом РА от 10.06.2014 ЗР-49-Н* “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения”.

Оспариваемые по настоящему делу части 4 и 5 статьи 231 Граж-

данского процессуального кодекса РА, озаглавленной “Содержание кассационной жалобы”, соответственно устанавливают:

“4. Кассационную жалобу подписывает представитель подающего жалобу лица, Генеральный прокурор или его заместитель. К жалобе прилагается доверенность представителя, оформленная в установленном настоящим Кодексом порядке.

5. К кассационной жалобе прилагаются также документ, удостоверяющий уплату государственной пошлины в установленном законом порядке и размере, и доказательства направления копии жалобы в рассматривающий дело суд и участвующим в деле лицам, электронный носитель кассационной жалобы. В тех случаях, когда законом предусмотрена возможность отсрочки или рассрочки уплаты государственной пошлины либо уменьшения ее размера, то к кассационной жалобе прилагается или в нее включается ходатайство об этом”.

В вышеуказанную статью Национальным Собранием РА внесены изменения и дополнения, а оспариваемые положения закреплены в Гражданском процессуальном кодексе РА *Законом РА от 10.06.2014 ЗР-49-Н* “О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения”.

2. Процессуальные предыстории соединенных дел сводятся к следующему.

Подаяя иск в суд общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун против одного из заявителей Ованнеса Саакяна, гражданин Гарник Исагулян потребовал продать с публичных торгов квартиру номер 1 дома 12 по улице Орбели в г. Ереване, обращая взыскание на долю Ованнеса Саакяна. Суд своим решением от 23.04.2014 г. иск удовлетворил. Заявитель Ованнес Саакян и Сильва Степанян подали апелляционную жалобу против решения суда общей юрисдикции от 23.04.2014 г. Апелляционный гражданский суд РА своим решением от 17.09.2014 г. отклонил апелляционную жалобу, а решение суда общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун города Еревана от 23.04.2014 г. оставил в законной силе. Против решения Апелляционного гражданского суда РА от 17.09.2014 г. Ованнес Саакян, Сильва Степанян и Рубен Айвазян подали кассационную жалобу, а Кассационный Суд РА 12.11.2014 г. принял определение “О возвращении кассационной жалобы”,

установив для исправления указанных в определении ошибок и повторной подачи кассационной жалобы пятнадцатидневный срок со дня получения определения. В упомянутом определении Кассационный Суд РА, в числе прочих обстоятельств, отметил, что “в данном случае Ованнес Саакян и Сильва Степанян, ..., представили кассационную жалобу не через адвоката. ... В данном случае подавшие жалобу лица не приложили к кассационной жалобе электронный носитель кассационной жалобы”. Кассационная жалоба была повторно подана в Кассационный Суд РА и на ее основании Кассационный Суд РА 14.01.2015 г. принял определение “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения”.

Один из заявителей Карапет Аджиян в качестве третьей стороны был вовлечен в гражданское дело номер ԵԱԳԴ/1517/02/14, по которому, представив иск в суд общей юрисдикции административных районов Арабкир и Канакер-Зейтун города Еревана, гражданка Нуне Закарян потребовала устранить нарушения права собственности и восстановить правомочие распоряжения собственным земельным участком. Суд решением от 10.10.2014 г. отклонил заявление Карапета Аджияна о даче разъяснения. Карапет Аджиян подал против решения суда общей юрисдикции от 10.10.2014 г. апелляционную жалобу. Апелляционный гражданский суд РА своим решением от 30.10.2014 г. возвратил апелляционную жалобу. Карапет Аджиян подал против решения Апелляционного гражданского суда РА от 30.10.2014 г. кассационную жалобу, а Кассационный Суд РА 03.12.2014 г. принял определение “О возвращении кассационной жалобы”, установив для исправления указанных в определении ошибок и повторной подачи кассационной жалобы пятнадцатидневный срок со дня получения определения. В упомянутом определении Кассационный Суд РА, в числе прочих обстоятельств, отметил, что “помимо этого, подавшее жалобу лицо, ..., подало кассационную жалобу не через адвоката...”. Кассационная жалоба была повторно представлена в Кассационный Суд РА и на ее основании Кассационный Суд РА 18.02.2015 г. принял определение “Об оставлении кассационной жалобы без рассмотрения”.

3. Заявители находят, что часть 3 статьи 223 и часть 4 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА противоречат статьям 18, 19, 20 и 42 Конституции РА и статье 6 Европейской конвенции о

защите прав человека и основных свобод, так как исключают возможность подачи кассационной жалобы физическим и юридическим лицом лично от своего имени или через выбранное им лицо.

Отмечая, что право на получение юридической помощи не может быть обязательным и особенно в том случае, когда лицо не в состоянии платить за оказанные адвокатом услуги, заявители находят, что правовая норма относительно подачи кассационной жалобы в Кассационный Суд РА через адвоката нарушает и несоразмерно ограничивает право на доступность суда, на практике обуславливая возможность участника судопроизводства пользоваться защитой прав в этом суде его финансовыми возможностями. Одновременно аргументируя, что ранее лицо могло без каких-либо препятствий обжаловать судебные акты в кассационном порядке, заявители выражают уверенность в том, что в настоящее время отменен “порядок непосредственного обращения в Кассационный Суд РА, ограничивая тем самым возможность эффективной защиты прав. В обоснование своего требования заявители отмечают также, что “в условиях законодательного запрета представления подлежащих обжалованию в Кассационный Суд РА актов исключительно через адвоката необходимо законом урегулировать какой-либо механизм предоставления адвокатами гарантированной юридической помощи на бесплатных основаниях независимо от материального положения стороны”.

Относительно части 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА аргументы заявителя по настоящему делу Ованнеса Саакяна сводятся к тому, что часть 5 статьи 231 Кодекса противоречит статьям 18, 19, 20 и 42 Конституции РА.

В обоснование своего требования заявитель отмечает, что требование приложения к кассационной жалобе электронного носителя предусматривает дополнительные материальные расходы, что является правовым регулированием, ухудшающим правовое положение лица, так как законодательством не запрещен рукописный вариант кассационной жалобы. Заявитель находит также, что в условиях имеющегося правового регулирования написанное от руки должно быть оцифровано, кроме этого, Кассационный Суд РА должен иметь такой компьютер, который сможет прочитать электронный носитель кассационной жалобы.

4. Ответчик отмечает, что Европейский суд по правам человека неоднократно констатировал, что право на судебную защиту, часть которого составляет право на доступность суда, не абсолютно и особенно в связи с условиями приемлемости жалобы может подвергаться ограничениям. Во всех случаях, государства в связи с этим пользуются свободой усмотрения. Наряду с указанным сторона-ответчик также признает, что тем не менее примененные ограничения не должны таким образом или до такой степени ограничивать право лица на доступность суда, чтобы был причинен вред истинной сути этого права.

Ответчик находит, что, учитывая имеющие прецедентное значение правовые позиции Конституционного Суда РА, с целью признания утратившим силу предусмотренного частью 3 статьи 223 Гражданского процессуального кодекса РА обязательного требования принесения кассационной жалобы через адвоката, в Национальном Собрании РА запущен в оборот проект Закона РА “О внесении изменения в Гражданский процессуальный кодекс Республики Армения” (документный код Պ-6331-09.10.2014,03.04.2015-ՊԻ-010/0), который внесен в повестку очередной сессии.

Ответчик, обращаясь к вопросу конституционности оспариваемых правовых положений статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА, находит, что хотя в процессуальных кодексах не конкретизированы формат электронного документа и вид электронного носителя, однако это обстоятельство в условиях действующей правоприменительной практики не может способствовать нарушению прав. Электронная версия документа может стать доступной посредством какого-либо носителя, способного нести электронную версию документа. Законодатель, не конкретизировав вид носителя, по сути, рассмотрел в качестве приемлемого варианта любой вид носителя, пригодного для хранения и передачи электронной версии кассационной жалобы. Неконкретизация Кодексом вида электронного носителя предоставляет подающему кассационную жалобу лицу широкую возможность выбора, сводя к минимуму затраты на приобретение электронного носителя. Ответчик находит, что утверждение заявителя о том, что обязательное требование представления кассационной жалобы на электронном носителе требует дополнительных расходов, следовательно, в этом аспекте делает невозможной реализацию конституционного права на судебную защиту, необоснованно, так как представление кассационной жалобы

само по себе требует от подающего жалобу лица определенных затрат: государственная пошлина, отправление копии жалобы в рассматривающий дело суд и участникам судопроизводства и т. д., которые в совокупности включены в предварительные условия реализации права на судебную защиту.

По мнению ответчика, несоблюдение требований статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА само по себе не может препятствовать праву на доступность Кассационного Суда. Несоблюдение требований указанной статьи является основанием для возвращения кассационной жалобы, что согласно статье 233 Гражданского процессуального кодекса РА дает возможность повторного обращения в суд после устранения указанных судом недостатков.

Вывод ответчика заключается в том, что “положение части 3 статьи 223 и положения части 4 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА противоречат Конституции РА постольку, поскольку взаимосвязаны с правовым регулированием принесения кассационной жалобы через адвоката /в части, касающейся представителя/, а положения части 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА соответствуют Конституции РА”.

5. Конституционный Суд считает необходимым отметить, что изучение обращения свидетельствует, что поднятый О. Саакяном вопрос, по сути, касается не всей части 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА, а только первого предложения части 5 упомянутой статьи.

Конституционный Суд констатирует, что Гражданский процессуальный кодекс РА, предусматривая в части 3 статьи 223 право на принесение кассационной жалобы только через адвоката, в первом и втором предложениях части 4 статьи 231 употребляет термин “представитель”. Конституционный Суд находит, что касающиеся представителя положения в первом и втором предложениях части 4 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА касаются и адвоката.

6. Конституционный Суд констатирует, что к положениям, закрепленным частью 3 статьи 223, частью 4 и первым предложением части 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА, применимы и подлежат переутверждению правовые позиции, закрепленные в

Постановлениях ПКС-765, ПКС-833, ПКС-1192 и ПКС-1196. Конституционный Суд также констатирует, что в своих упомянутых Постановлениях он уже сформулировал ряд правовых позиций относительно существующего законодательного регулирования принесения кассационной жалобы только через адвоката, которые, в числе прочего, имеют существенное значение также для разрешения настоящего дела. В частности, учитывая определенную общность между конституционно-правовыми спорами, поднятыми Постановлением ПКС-1192 и настоящим делом, Конституционный Суд считает необходимым вновь сослаться на правовые позиции, констатированные в этих Постановлениях:

а) “...обусловленное функциональными особенностями Кассационного Суда требование обращения в Кассационный Суд через адвоката может считаться правомерным, если исходит из интересов физических и юридических лиц, осуществляя представительство посредством квалифицированных и опытных специалистов. Конституционный Суд одновременно считает необходимым отметить, что институт обращения в Кассационный Суд через адвоката как альтернативный вариант может считаться правомерным только в том случае, когда законодательство будет гарантировать каждому возможность пользования услугой адвоката, независимо от финансовых возможностей данного лица (ПКС-765)”;

б) “...в оспариваемой норме обязательное требование относительно представительства через адвоката, в условиях непредусмотренности возможности предоставления адвокатами бесплатной юридической помощи в связи с подачей жалобы о пересмотре судебных актов, несоизмеренно ограничивает возможность восстановления ...нарушенных конституционных и гарантированных Конвенцией прав человека, ставя под угрозу эффективную реализацию и права лица на конституционное правосудие, и конституционного права на защиту в судебном порядке своих нарушенных прав в международных инстанциях” (ПКС-833).

Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-1192 констатировал также, что “для осуществления Кассационным Судом полномочий по пересмотру судебных актов нижестоящих судов, в числе прочего, важной гарантией является также институт обжалования судебных актов с таким материальным и процедурным законодательным

регулированием, которое обеспечило бы эффективную и полноценную реализацию права на судебную защиту прав и свобод лица. В указанном контексте Конституционный Суд придает важность системной целостности института обжалования судебных актов и наличию соответствующих институциональных и законодательных гарантий, обеспечивающих эффективность применения этого института, что необходимо в аспекте оценки полноценности реализации права на судебную защиту как в ином, так и в кассационном производстве. Конституционный Суд находит, что никакая процессуальная особенность или процедура не может препятствовать или пресечь возможность эффективной реализации права на обращение в суд, лишить смысла гарантированное статьей 18 Конституции РА право или стать препятствием его осуществлению. При установлении условий принятия кассационной жалобы должны преобладать гарантии обеспечения права доступности Кассационного Суда и эффективного обжалования. Институциональный статус Кассационного Суда как высшего органа в системе судов общей юрисдикции не может препятствовать полноценному осуществлению предоставленной ему законом компетенции и эффективной реализации этого права обжалования, если создаются необходимые для этого также правовые и институциональные гарантии”.

7. Конституционный Суд констатирует также, что, учитывая содержательную равноценность положений, ставших предметом рассмотрения в Постановлениях ПКС-1192 и ПКС-1196 (за исключением пункта 2 части 2 статьи 4141 Уголовно-процессуального кодекса РА), и положений, оспариваемых в рамках рассмотрения по настоящему делу, за основу принимаются также другие правовые позиции, выраженные Конституционным Судом относительно вопроса конституционности положений, ставших предметом рассмотрения в упомянутых Постановлениях. Это особенно касается того принципиального подхода, согласно которому выдвинутая правомерная цель должна реализоваться в рамках гарантирования принципа верховенства права, что предполагает, что законодательное регламентирование не может создать несоразмерную социальную нагрузку для лиц в зависимости от их финансовых возможностей, не обеспечивая в результате этого полноценную реализацию прав лица на справедливое судебное разбирательство,

эффективное средство судебной защиты и доступность суда. В этом контексте необходимо аргументировать, что статья 20 Конституции РА однозначно признает право каждого на получение юридической помощи, которая в предусмотренных законом случаях оказывается за счет государственных средств. Рекомендация Комитета министров Совета Европы номер R(2000)21 странам-членам также предлагает исключить возможную блокировку права “лиц, находящихся в экономически плохом положении”, на доступность суда.

Конституционный Суд считает важными также статистические данные, представленные в ответном письме Судебного департамента РА от 22.04.2015 г. номер ԴԴ-1 Ե-2262. Согласно этой статистике, в период с 03.07.2014 г. по 21.04.2015 г. в Палате по гражданским и административным делам Кассационного Суда РА из полученных 849 кассационных жалоб 120 возвращены, 170 - оставлены без рассмотрения, по 506 - было отказано в принятии к производству и лишь 53 обращения приняты к производству, что составляет всего 6.24 процента от полученных кассационных жалоб.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **П О С Т А Н О В И Л:**

1. Часть 3 статьи 223 Гражданского процессуального кодекса РА признать противоречащей статье 14.1, части 1 статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительной, учитывая, что в условиях существующих правовых регулирований для лиц возникает несоразмерная социальная нагрузка в зависимости от их финансовых возможностей, не обеспечивая также полноценную реализацию прав лица на справедливое судебное разбирательство, эффективное средство судебной защиты и доступность суда.

2. Часть 4 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА в части участников судопроизводства, не имеющих на момент подписания кассационной жалобы адвоката и не получивших возможность оказания им в установленном законом порядке бесплатной юридической помощи, признать противоречащей части 1 статьи 18, части 1 статьи 19 Конституции Республики Армения и недействительной,

учитывая, что применение данного положения в условиях существующих правовых регулирований исключает возможность представления указанными лицами кассационной жалобы в контексте представления своих законных интересов.

3. Положение “к кассационной жалобе прилагаются также «...» электронный носитель кассационной жалобы”, закрепленное первым предложением части 5 статьи 231 Гражданского процессуального кодекса РА, признать соответствующим Конституции Республики Армения в рамках правовых позиций, выраженных в Постановлении Конституционного Суда РА ПКС-1192 в связи с тем же вопросом.

4. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**16 июня 2015 года
ПКС-1220**



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ
СТАТЬИ 181 КОДЕКСА АДМИНИСТРАТИВНОГО
СУДОПРОИЗВОДСТВА РА КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ГРАЖДАНИНА
САМВЕЛА АЛАВЕРДЯНА**

г. Ереван

26 июня 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, Ф. Тохяна, А. Хачатряна, В. Оганесяна, Г. Назаряна (докладчик), А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя С. Алавердяна, представителя заявителя М. Гулян, привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 6 части 1 статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 69 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело

“Об определении вопроса соответствия статьи 181 Кодекса административного судопроизводства РА Конституции Республики Армения на основании обращения гражданина Самвела Алавердяна”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 23 февраля 2015 г. обращение гражданина Самвела Алавердяна.

Изучив письменное сообщение докладчика по делу, обращение и письменное объяснение стороны-ответчика, исследовав Кодекс административного судопроизводства РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Кодекс административного судопроизводства РА принят Национальным Собранием РА 5 декабря 2013 года, подписан Президентом РА 28 декабря 2013 года и вступил в силу 7 января 2014 года.

Оспариваемая по настоящему делу статья 181 Кодекса устанавливает:

“Статья 181. Основания пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам

1. Вновь открывшиеся обстоятельства являются основанием для пересмотра судебного акта, если:

1) этот судебный акт вынесен на основании ложных показаний свидетеля, заведомо ложного заключения эксперта, заведомо неправильного перевода переводчика, подложных документов или вещественных доказательств, подтвержденных вступившим в законную силу приговором суда;

2) вступившим в законную силу приговором суда подтверждено преступление, совершенное участником судебного процесса или его представителем либо судьей в связи с рассмотрением дела”.

В редакции от 28.11.2007 г. в Кодексе административного судопроизводства РА порядок пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам был предусмотрен в статье 134 Кодекса, согласно которой “судебные акты Административного суда пересматриваются по вновь открывшимся обстоятельствам или новым обстоятельствам по основаниям и в порядке, установленным Гражданским процессуальным кодексом РА”.

2. Процессуальная предыстория дела, являющегося предметом рассмотрения, сводится к следующему. Эребунийская налоговая инспекция Комитета государственных доходов при Правительстве РА в представленном в суд исковом заявлении обратилась с просьбой дать платежное поручение - взыскать с заявителя по настоящему делу, индивидуального предпринимателя Самвела Алавердяна 6.242.610 драмов РА. Заявитель в представленном в суд 09.02.2012 года встречном иске обратился с просьбой признать недействительным акт проверки Эребунийской налоговой инспекции номер 10000445. Решением Административного суда РА от 29.07.2013 г. номер ЧТ 3170/05/12 иск удовлетворен, а встречный иск – отклонен.

Против вышеупомянутого решения Административного суда РА представлена апелляционная жалоба, которая решением Апелляционного административного суда РА от 18.12.2013 г. отклонена. Представленная заявителем кассационная жалоба решением Кассационного Суда РА от 19.02.2014 г. возвращена.

Заявитель на основании вновь открывшихся обстоятельств представил кассационную жалобу, которая решением Кассационного Суда РА от 29.05.2014 г. отклонена. А повторно представленная заявителем в Кассационный Суд РА кассационная жалоба на основании вновь открывшихся обстоятельств решением того же Суда от 27.08.2014 г. оставлена без рассмотрения, а решением от 05.11.2014 г. в принятии к производству отказано.

До этого решением органа предварительного следствия от 23 февраля 2012 г. заявителю было предъявлено обвинение по части 1 статьи 205 Уголовного кодекса РА за уклонение от налогов, пошлин и иных обязательных платежей. В рамках уголовного дела номер ЪЧТ/0233/01/12 суд назначил дополнительную судебно-бухгалтерскую экспертизу, на основании которой счел подтвержденным тот факт, что заявитель имеет дополнительное налоговое обязательство на сумму всего лишь 924.882 драмов РА, и, признав его невиновность в предъявленном отдельным эпизодом обвинении, вынес соответствующий приговор. Последний обжалован в Апелляционный суд РА и решением от 19.09.2014 г. оставлен без изменений.

3. Заявитель считает, что оспариваемое правовое положение противоречит требованиям статей 1, 3, 6, 18 и 19 Конституции РА, представляя следующие обоснования.

В статье 181 Кодекса административного судопроизводства РА исчерпывающим образом перечислены вновь открывшиеся обстоятельства, “что не позволяет суду помимо этих оснований применять иные основания для пересмотра судебного акта”, в данном случае налицо ситуация, когда “два судебных акта судебной системы РА противоречат друг другу, в частности судебным актом Административного суда РА установлен один размер обязательства, а судебным актом по уголовному делу закреплен другой размер того же обязательства. И действующее законодательство не предусматривает никакого механизма разрешения этой ситуации”.

Заявитель находит, что оспариваемое положение Кодекса административного судопроизводства РА противоречит статьям 18 и 19 Конституции РА, так как “ограничивается право доступности правосудия”. Согласно заявителю, при ограниченном регулировании оспариваемой нормы “лицо лишается права на судебную защиту в том случае, когда появляется такое имеющее существенное значение для разрешения дела обстоятельство, которое до этого не было известно лицу”. В правоприменительной практике возможны различные ситуации, когда определенные имеющие существенное значение для разрешения дела обстоятельства не были известны лицам, не могли быть известны и не были представлены ими по не зависящим от них причинам, и, как считает заявитель, исходя из интересов правосудия, закон должен предусмотреть определенные механизмы для обеспечения защиты прав лица в подобных ситуациях. И, как отмечает заявитель, подобное основание предусматривают также Уголовный и Гражданский процессуальные кодексы РА, согласно которым судебные акты пересматриваются на основании вновь открывшихся обстоятельств, если появились иные обстоятельства, оставшиеся неизвестными суду при вынесении судебного акта. Между тем данное статье 181 Кодекса административного судопроизводства РА “толкование ограничивает право доступности правосудия, поскольку не предусматривает в числе вновь открывшихся обстоятельств появление таких обстоятельств, которые не были известны и не могли быть известны участвующим в деле лицам, либо эти обстоятельства были известны участвующим в деле лицам, но по не зависящим от них

обстоятельствам не были представлены в суд, и эти обстоятельства имеют существенное значение для разрешения дела”.

Таким образом, сторона-заявитель приходит к выводу, что “действующее законодательство в вопросе установления оснований пересмотра судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам проявляет различный подход к делам, рассматриваемым в порядке административного и гражданского судопроизводства”, чего не было в предыдущем правовом регулировании.

4. Сторона-ответчик, возражая против аргументов заявителя, находит, что в отличие от Уголовного и Гражданского процессуальных кодексов РА установление в Кодексе административного судопроизводства РА исчерпывающего перечня оснований пересмотра окончательных судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам обусловлено “прежде всего особенностями административного судопроизводства. В отличие от гражданского судопроизводства, административное судопроизводство основывается на принципе выяснения обстоятельств дела по должности, который предполагает, что судья самостоятельно, независимо от сторон должен предпринять все равноценные меры для раскрытия реальных фактов дела”, и что “Административный суд должен предпринять равноценные меры для приобретения возможных и доступных сведений относительно реальных фактов, необходимых для разрешения конкретного дела”. Согласно позиции стороны-ответчика, исходя из вышеупомянутого принципа выяснения обстоятельств дела по должности, “если какое-либо имеющее значение для разрешения дела обстоятельство не раскрыто, то имеется допущенное судом процессуальное нарушение, так как суд обязан выявить это обстоятельство. А при допущенном судом процессуальном нарушении соответствующее обстоятельство не может считаться вновь открывшимся”.

В то же время, обращаясь к проблеме исследования в связи с правомерностью административного акта, действия или бездействия административного органа и вновь открывшихся обстоятельств, ответчик считает, что “не судом должен быть пересмотрен ранее вынесенный судебный акт, а в рамках соответствующего фактического обстоятельства вынесенный ранее административный акт должен быть пересмотрен, административным органом”.

5. В рамках настоящего дела Конституционный Суд считает необходимым при определении конституционности оспариваемого правового регулирования учитывать:

- конституционно-правовую совместимость оспариваемого правового регулирования в рамках института пересмотра вступивших в силу судебных актов на основании вновь открывшихся обстоятельств, исходя из выраженных в постановлениях Конституционного Суда правовых позиций относительно данного вопроса, учитывая также сложившуюся в европейской правовой системе правовую практику;
- в рамках являющегося предметом обращения спора конституционную правомерность гарантирования судебной защиты прав лиц, в том числе прав на доступность правосудия, на справедливое и эффективное судебное разбирательство, рассматривая ее в контексте административно-судебных особенностей и особенностей процедур административного производства.

6. К вопросам раскрытия конституционно-правового содержания института пересмотра вступивших в силу судебных актов, в том числе на основании вновь открывшихся обстоятельств, как исключительного правосудийного средства восстановления нарушенных прав человека посредством справедливого и эффективного судебного разбирательства в соответствии со статьями 18 и 19 Конституции РА, его однообразного восприятия и применения Конституционный Суд РА обстоятельно обратился в ряде своих постановлений (ПКС-701, ПКС-709, ПКС-751, ПКС-758, ПКС-765, ПКС-767, ПКС-833, ПКС-872, ПКС-935, ПКС-1049, ПКС-1114 и т.д.). Выраженные в них правовые положения, исходя из рамок являющегося предметом рассмотрения по настоящему делу правового регулирования, приводят к следующим имеющим исходное значение заключениям:

- проверка законности и обоснованности судебных актов на основании вновь открывшихся обстоятельств является серьезной правовой гарантией восстановления нарушенных прав лица, исправления судебных ошибок и раскрытия истины по делу;
- эти обстоятельства по своему характеру являются таковыми, что несмотря на то, что они объективно существовали в момент вынесения окончательного судебного акта, однако не были

известны и (или) не могли быть известны как участвующим в деле лицам, так и суду, либо были известны участвующим в деле лицам, но по не зависящим от них причинам не были представлены в суд, либо в определенных случаях (пункт 4 части 1 статьи 204.32 Гражданского процессуального кодекса РА) являются вновь открывшимися;

- представленные в суд компетентным лицом в качестве вновь открывшихся обстоятельств обоснования (сведения, аргументы) являются поводом для изучения по надлежащей правовой процедуре законности и обоснованности вступившего в силу судебного акта и при наличии (оценке этих обстоятельств как имеющих существенное значение для разрешения дела) необходимых правовых обоснований (доказательств) являются основанием для пересмотра (отмены и отправки дела в компетентный суд на новое рассмотрение) судебного акта, то есть в рамках такого рассмотрения компетентный суд должен также определить, насколько представленные обстоятельства повлияли на исход являющегося предметом рассмотрения дела и как должны восстанавливаться возможные нарушения прав лица;
- процессуальным (уголовным, гражданским) законодательством объективно не установлен исчерпывающий именной перечень аргументов, сведений, доказательств, являющихся “вновь открывшимися” оценмым обстоятельством, что при представлении таковых заинтересованным лицом по любому делу является задачей оценки (решения) суда, одновременно задача законодательства - не исключить возможность рассмотрения в компетентном суде какого-либо юридически оценмого обстоятельства как “вновь открывшегося”, если его объективный неучет в основе судебного акта привел к вынесению неправомерного, необоснованного решения, следовательно, также к нарушению прав человека;
- обязанность юридического обоснования (доказывания) необходимости пересмотра вступившего в силу судебного акта по тому или иному (заранее известному или неизвестному) упомянутому основанию несет лицо, инициировавшее такой пересмотр;

- пересмотр вступивших в силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам осуществляется в соответствующем процессуальном порядке, в рамках которого компетентный суд призван разрешить следующие основные правосудийные задачи: изучение вновь открывшихся фактических обстоятельств (доказательств), не отраженных в основе вынесенного по делу решения, правовая оценка и выбор соответствующих норм законодательства для разрешения правового спора, их толкование и применение, за которыми следуют обязательные правовые последствия, в том числе связанные с защитой прав лица.

Изучение прецедентного права Европейского суда по правам человека в рамках судебных разбирательств по вышеупомянутым делам относительно конституционности института пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам также свидетельствовало о необходимости применения вышеизложенных стандартов во внутригосударственных правосудийных процессах во всех тех случаях, когда есть достаточные основания для инициирования “повторного рассмотрения дела” по вновь открывшимся обстоятельствам. В частности, ЕСПЧ в ряде своих решений переутвердил, что обстоятельства, которые уже существуют во время судебного разбирательства, однако по какой-либо причине не были представлены в суд и стали известны лишь после судебного разбирательства, считаются “вновь открывшимися”. Лицо, обратившееся с требованием о признании акта суда утратившим силу, должно показать, что доказательство невозможно было представить на окончательном заседании, и это доказательство имеет решающее значение (*Xheraj v. Albania*, application no. 37959/02, § 53-54, *Yerogova v. Russia*, application no. 77478/01, § 33, *Maltseva v. Russia*, application no. 76676/01, § 33, *Kumkin and others v. Russia*, application no. 73294/01, § 31).

По другому делу, обращаясь к правовой значимости процесса пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, ЕСПЧ констатировал: “... возобновление дела на основании вновь открывшихся обстоятельств само по себе не противоречит принципу правовой определенности постольку, поскольку оно применяется для исправления ошибок правосудия. Задача суда – установить, применена ли процедура созвучно параграфу 1 статьи 6 (*Case of Kuznetsova v. Russia*, Application no. 67579/01, see *Pravednaya*, cited above, § 28)”.

В ряде государств, являющихся членами Европейского союза, изучение существующих внутригосударственных правовых регулирований относительно возобновления дела на основании вновь открывшихся обстоятельств, в частности, в процессах административного судопроизводства свидетельствует, что, в числе прочего, как “вновь открывшиеся” обстоятельства квалифицируются те существующие во время рассмотрения дела существенные факты, доказательства, которые не были известны суду и могут привести к совершенно иному решению (Латвия (Закон административного судопроизводства, глава 39, De novo разбирательство по делам на основании вновь открывшихся обстоятельств, Раздел 353, Вновь открывшиеся обстоятельства), Эстония (Кодекс административного судопроизводства (вступил в силу 01.01.2012 г.), § 240, Основания повторного открытия), Босния и Герцеговина (Закон об административном судопроизводстве, статья 238), Хорватия (Общий акт об административном судопроизводстве, статья 123), Болгария (Кодекс административного судопроизводства, глава 14, Пересмотр вступивших в законную силу судебных актов, Раздел 1, статья 239), Чехия (Кодекс административного судопроизводства, Раздел 2, Повторное открытие производства, § 111. Причины повторного открытия), Польша (Закон о судопроизводстве в административных судах, статья 273), Германия (Кодекс административного судопроизводства ФРГ, статья 153, Гражданский процессуальный кодекс ФРГ, § 580), Финляндия (Акт об административной судебной процедуре, Раздел 27, Пересмотр жалобы) и т.д). Так, например, завершившееся вступившим в законную силу решением производство согласно § 153 Кодекса административного судопроизводства Германии может возобновиться только на основании положений Главы 4 Гражданского процессуального кодекса Федеративной Республики Германия, то есть лишь на основании предъявляемого иска по требованию о признании решения ничтожным согласно § 579 того же Кодекса, если есть определенные весомые процессуальные нарушения, или на основании иска, предъявляемого по требованию о реституции согласно § 580 Гражданского процессуального кодекса Германии, если решение суда основано на неверных, в частности, ложных или по иным причинам неполных или недостаточных основаниях. Статья 153 Кодекса административного судопроизводства ФРГ устанавливает: “Завершившийся процесс может возобновиться в соответствии с

положениями Главы 4 Гражданского процессуального кодекса”, а § 580 последнего устанавливает: “Иск о возобновлении судопроизводства предъявляется:

1. Если другая сторона является виновной при умышленном или по неосторожности нарушении обязанности клясться при представлении тех доказательств, на которых основано решение.

2. Если документ, на котором основано решение, был фальшивым или подделанным.

3. Если свидетель при даче показаний или эксперт при представлении заключения, которые положены в основу решения, допустил подлог, содержащий признаки наказуемого деяния.

4. Если к решению можно было прийти посредством совершения стороной или ее представителем наказуемого деяния.

5. Если выносящий решение суд при исполнении своих обязанностей допустил в отношении сторон наказуемое деяние.

6. Если суд основывался на решении другого суда, которое было отменено.

7. Если сторона а) выяснит, что по подобному делу ранее было вынесено вступившее в законную силу решение, либо б) обнаружит документ, при наличии которого суд вынес бы в отношении него более благоприятное решение”.

Таким образом, Конституционный Суд, переутверждая основанные на всестороннем изучении внедренных в европейскую правовую систему соответствующих стандартов правовые позиции, выраженные в своих предыдущих постановлениях относительно конституционно-правового содержания института пересмотра судебных актов на основании вновь открывшихся обстоятельств, принципов его однообразного восприятия и применимости, констатирует конституционно-правовую значимость этого института в разных правосудийных, в том числе административно-судебных процессах, направленных на гарантирование обеспечения защиты прав лица посредством справедливого, эффективного и доступного судебного разбирательства.

7. Обращаясь к вопросу оценки конституционности оспариваемого правового регулирования, Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть вопрос в контексте как существующих общих институциональных решений (гражданских и уголовно-процессуальных) по пе-

решению судебного акта на основании вновь открывшихся обстоятельств, так и конституционной правомерности гарантирования предусмотренной статьями 18 и 19 Конституции РА защиты прав лица (прав на доступность суда, справедливое и эффективное судебное разбирательство), и существующих особенностей административно-судебной процедуры, а также процедуры административного производства, исходя также из постановок вопросов сторон по настоящему делу, обозначая, в частности:

- насколько в правовом смысле нормы статьи 181 Кодекса административного судопроизводства РА полноценно гарантируют возможность оценки имеющей значение для дела той или иной информации (доказательства) в качестве “вновь открывшегося обстоятельства” и, в частности, в том смысле, что если бы представленное участником судопроизводства данное обстоятельство было известно суду (исследовано судом), то было бы вынесено иное решение, чем то, которое оспаривается на основании открытия этого обстоятельства?
- Насколько спорным по настоящему делу правовым регулированием гарантируются эффективные правосудийные процессы исследования и оценки той или иной информации (доказательства), содержащей признаки правового термина “вновь открывшееся обстоятельство” (ПКС-935)?
- Насколько являющимся предметом рассмотрения правовым регулированием гарантирована полноценная реализация предусмотренного статьями 18 и 19 Конституции РА права на защиту прав лица справедливым, доступным и эффективным судебным разбирательством?
- Насколько с точки зрения конституционной законности правомерно регулирование в рамках административного производства правоотношений, возникших на основании вновь открывшихся обстоятельств?

Учитывая вышеперечисленные постановки вопросов и имеющиеся общие институциональные решения пересмотра судебных актов на основании вновь открывшихся обстоятельств, выраженные в постановлениях Конституционного Суда правовые позиции, а также анализ спорного правового регулирования в контексте норм, включенных в главу 25 Кодекса административного судопроизводства РА, озаглавленную

“Пересмотр судебных актов по вновь открывшимся и новым обстоятельствам”, Конституционный Суд констатирует, что:

- предусмотрение в Кодексе административного судопроизводства РА института пересмотра вступивших в силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам является дополнительной гарантией обеспечения законности и обоснованности этих актов, а также защиты нарушенных прав лица;
- для изучения оцениваемых в качестве “вновь открывшегося” обстоятельства аргументов и сведений и дачи им надлежащей правовой оценки законодатель предусмотрел соответствующую процедуру, правовой статус участников судопроизводства, что позволяет в рамках рассмотрения оснований, предусмотренных статьей 181 Кодекса административного судопроизводства РА, осуществлять определенные процессуальные права и нести обязанности, в том числе доказывание в суде того, что представленное обстоятельство является “вновь открывшимся”;
- при предусмотрении оснований, являющихся вновь открывшимся обстоятельством, законодатель руководствовался принципом ограничения перечня являющихся таким обстоятельством возможных сведений (фактов), так как в качестве возможного основания пересмотра вступившего в силу судебного акта рассмотрены преступные действия, совершенные только участниками судопроизводства по данному делу (их представителями), судьей, а также лежащие в основе вынесения данного судебного акта и установленные в предусмотренном законодательством порядке, тем самым исключая объективно существующие и (или) неизвестные участникам производства, суду в момент вынесения судебного акта по данному делу иные основания, надлежащее исследование и реальная оценка которых неизбежно привели бы к судебному решению, отличному от вынесенного.

Необходимо отметить также, что предусмотрение в оспариваемых нормах установленных вступившим в законную силу приговором преступных действий в качестве вновь открывшихся обстоятельств в рамках являющегося предметом рассмотрения правового регулирования само по себе не создает проблему конституционности. Существование такого обстоятельства объективно может иметь решающее значение

для пересмотра вступивших в силу актов Административного суда и вынесения справедливых решений. Правовая возможность оценки подобных обстоятельств, в числе прочих, в качестве “вновь открывшихся” при наличии соответствующих признаков предусмотрена также в Уголовном и Гражданском процессуальных кодексах РА. Однако при таких обстоятельствах придание особенно вступившим в законную силу судебным актам исключительного правового значения существенно ограничивает правовую возможность рассмотрения иных устанавливающих факт преступности фактических обстоятельств в качестве вновь открывшегося обстоятельства и пересмотра вступившего в силу административного акта (например, в случаях прекращения уголовного производства, освобождения от уголовной ответственности на основании и в порядке амнистии и на иных основаниях и в порядке, предусмотренных Уголовным и Уголовно-процессуальным кодексами РА), когда в установленном законом порядке установлены факт преступления и совершившее его лицо. Следовательно, Конституционный Суд констатирует, что подобное правовое регулирование само по себе существенно ограничивает возможные рамки применения института пересмотра судебных актов на вышеупомянутом основании в рамках административного судопроизводства, следовательно, не может являться эффективным средством полноценной защиты прав лица.

Из правового содержания оспариваемых норм также следует, что лицо лишено возможности оспаривания вступившего в силу акта Административного суда на основании иных обстоятельств, оцениваемых как “вновь открывшиеся”, в частности на основании таких не связанных с юридически зафиксированным преступлением вновь открывшихся обстоятельств, которые на момент вынесения судебного акта по данному делу существовали, имели существенное значение для справедливого разрешения дела, однако независимо от воли участников судопроизводства не были представлены, остались неизвестны суду. То есть в оспариваемой статье 181 Кодекса административного судопроизводства РА, в отличие от соответствующих правовых регулирований Уголовно-процессуального и Гражданского процессуального кодексов РА, законодатель не предусмотрел возможность пересмотра вступившего в силу акта Административного суда на основании иных обстоятельств, оцениваемых как “вновь открывшиеся”.

Конституционный Суд констатирует, что такое правовое регулирование пересмотра судебного акта на основании вновь открывшихся обстоятельств, согласно которому существенно ограничиваются должные судопроизводственные процессы правовой оценки иных имеющих доказательственное значение фактических обстоятельств в тех случаях, когда объективное существование таких обстоятельств неизбежно приводит (приведет) к судебному решению, отличному от решения, вынесенного до открытия этих обстоятельств, или, что то же самое, к вынесению справедливого, обоснованного, законного судебного акта, следовательно, также к восстановлению нарушенных прав лица, ограничивает гарантированное статьями 18 и 19 Конституции РА право лица на справедливое и доступное судебное разбирательство, противоречит самим целям правосудия и основам конституционного строя, закрепленным в статьях 1, 3 и в части 2 статьи 6 Конституции РА.

8. Конституционный Суд не считает обоснованной ту позицию стороны-ответчика, согласно которой предусмотрение законодателем (в отличие от прежнего правового регулирования (статья 134 Кодекса административного судопроизводства РА (в ред. от 28.11.2007 г.) оспариваемым правовым регулированием исчерпывающего перечня оснований, оцениваемых как “вновь открывшиеся” или непредусмотрение иных подобных возможных оснований обусловлено закреплением в статье 5 Кодекса административного судопроизводства РА правосудийного принципа относительно выяснения судом фактических обстоятельств по должности.

Очевидно, что правовое требование и процедурный принцип выяснения фактических обстоятельств дела по должности обусловлены особенностями административно-процессуального рассмотрения и, в частности, решаемыми в рамках разрешения судом публично-правовых споров проблемами, особой ролью суда в состязательных отношениях между участниками (сторонами) административного судопроизводства и т.д. Однако Конституционный Суд считает, что никакая особенность судопроизводства не может ограничить исследование ставящего под сомнение законность, обоснованность какого-либо судебного акта, вынесенного по существу данного дела, в том числе вновь открывшегося обстоятельства посредством справедливого,

эффективного и доступного судебного разбирательства и пересмотр судебного акта, вынесенного при наличии необходимых по закону оснований.

Конституционный Суд считает необходимым отметить также, что и при наличии процессуального принципа выяснения по должности фактических обстоятельств дела (на что ссылается сторона-ответчик) право и обязанность представления (доказывания) “вновь открывшихся” обстоятельств несет не суд, а **заинтересованный участник судопроизводства по своему волеизъявлению и по своей инициативе.** И в рамках административного судопроизводства никакая особенность состязательного разбирательства не может толковаться как обоснование ограничения гарантированного Конституцией РА права на доступность суда.

Конституционный Суд в ряде своих постановлений обстоятельно обратился к проблемам конституционной правомерности гарантирования права на доступность суда, а также права на справедливое судебное разбирательство, отмечая их важность в равной мере во всех судебно-процедурных сферах (уголовной, гражданской и административной). Конституционный Суд, переутверждая выраженные в своих предыдущих постановлениях правовые позиции, по настоящему делу также находит, что ни одна процессуальная особенность или процедура не может препятствовать или пресекать возможность эффективной реализации права на обращение в суд, лишать смысла гарантированное статьей 18 Конституции РА право или быть барьером его реализации.

Конституционный Суд в то же время считает необходимым сослаться на выраженную ЕСПЧ правовую позицию относительно ограничений доступности суда, согласно которой государство может устанавливать определенные условия пользования правом обращения в суд, “... просто применяемые государством ограничения не должны в такой мере ограничивать право лица на доступность суда, чтобы был нанесен вред самой сути этого права. Помимо этого, ограничение не будет соответствовать части 1 статьи 6, если оно не преследует правомерную цель и если между примененными средствами и преследуемой целью нет разумного соотношения соразмерности” (Case of Khalfaoui v. France, application no. 34791/97, 14/03/2000).

Конституционный Суд отмечает принципиальную конституционно-правовую важность вышеупомянутого стандарта в любом случае уста-

новления законодательного порядка реализации предусмотренных статьями 18 и 19 Конституции РА прав, в том числе и в случае оспариваемого по настоящему делу правового регулирования.

9. Конституционный Суд считает несоответствующей выраженным в своих различных постановлениях правовым позициям и недопустимой с точки зрения конституционно-правового содержания статьи 18 Конституции РА также правовую позицию стороны-ответчика, согласно которой при наличии того или иного доказательства, обосновывающего оспариваемость вступившего в силу судебного акта вновь открывшимся обстоятельством, “вынесенный ранее судебный акт должен быть пересмотрен не судом, а в рамках соответствующего фактического обстоятельства вынесенный ранее административный акт должен быть пересмотрен административным органом”. То есть в вопросе регулирования правоотношения в связи с пересмотром вступившего в силу судебного акта на основании вновь открывшегося обстоятельства и в конечном счете оспаривания законности данного судебного акта, устранения судебной ошибки, возникшей в силу вновь открывшегося обстоятельства, и справедливого решения дела первичное значение придается внесудебному средству.

Не обращаясь к толкованию установленных законом целей и задач административного процесса и административного производства, а также конституционного содержания этих правовых процессов, их общей праворегулирующей роли, Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что в своих Постановлениях ПКС-652, ПКС-665, ПКС-673, ПКС-690, ПКС-719, ПКС-954 и в ряде других постановлений, обращаясь к вопросу раскрытия конституционно-правового содержания права на судебную защиту, Конституционный Суд выразил правовые позиции о том, что с точки зрения обеспечения и защиты прав лица целью статьи 18 Конституции РА является также **гарантирование права на судебное рассмотрение утверждений лица о нарушениях прав и на устранение последствий таких нарушений.** Конституционный Суд нашел, что это право не подлежит ограничению. Следовательно, по настоящему делу, исходя также из утверждений стороны-ответчика, Конституционный Суд вновь утвердил свою вышеупомянутую правовую позицию. Если по основаниям иных аргументов (доказательств), оцениваемых как “вновь открывшееся обстоя-

тельство”, законность судебного акта вызывает сомнение, то законодатель обязан в рамках оспариваемого по настоящему делу правового регулирования не ограничивать правовую возможность оспаривания подобного акта, что непосредственно ограничивает гарантированные Конституцией РА права лица и возможность их судебной защиты, а расширить средства рассмотрения в рамках соответствующих процессуальных процедур других выступающих как “вновь открывшиеся” обстоятельства и справедливого разрешения дела в результате их правовой оценки, обеспечивая защиту прав лица в соответствии с конституционно-правовым содержанием статей 1, 3, части 2 статьи 6, статей 18 и 19 Конституции РА.

Одновременно Конституционный Суд находит, что если лицо с целью защиты своих прав не обратилось в суд, а выбрало предусмотренное законом внесудебное средство (в данном случае административный орган) для защиты своих прав и законных интересов, то подобное правовое регулирование само по себе не может привести к ограничению прав, гарантированных статьями 18 и 19 Конституции РА.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 19, 63, 64 и 69 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Статью 181 Кодекса административного судопроизводства РА в том аспекте, в котором блокируется оспаривание законности вступивших в силу судебных актов на основании иных правомерных “вновь открывшихся” обстоятельств, приводя к ограничению прав лица на доступность суда и справедливое судебное разбирательство, признать противоречащей статьям 1, 3, части 2 статьи 6, статьям 18 и 19 Конституции Республики Армения и недействительной.

2. Учитывая, что с момента принятия Постановления Конституционного Суда признание оспариваемых по настоящему делу правовых норм противоречащими Конституции РА может создать правовой пробел, нарушая вследствие утраты силы этими нормами сложившуюся правовую безопасность, руководствуясь частью 3 статьи 102

Конституции Республики Армения, частью 15 статьи 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, окончательным сроком утраты силы правовых норм, признанных противоречащими Конституции Республики Армения, установить 31 декабря 2015 года, предоставляя возможность Национальному Собранию, учитывая также международно-правовую практику в связи с данной проблемой, привести являющееся предметом рассмотрения вышеупомянутое правовое регулирование в соответствии с требованиями настоящего Постановления.

3. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

26 июня 2015 года
ПКС-1222



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ ПРИНЯТОГО НАЦИОНАЛЬНЫМ
СОБРАНИЕМ РА 21.06.2014 Г. ЗАКОНА РА
“О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЯ В ЗАКОН РА
“О НАКОПИТЕЛЬНЫХ ПЕНСИЯХ” /ЗР-67-Н/
И СВЯЗАННЫХ С НИМ ЗАКОНОВ ЗР-68-Н, ЗР-69-Н,
ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н,
ЗР-76-Н И ЗР-77-Н, А ТАКЖЕ СТАТЕЙ 6 И 10
НАХОДЯЩЕГОСЯ В СИСТЕМНОЙ СВЯЗИ
С НИМИ ЗАКОНА РА “О ПОДОХОДНОМ НАЛОГЕ”
(ЗР-246-Н) КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ ДЕПУТАТОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РА**

г. Ереван

7 июля 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна (докладчик), А. Гюлумян, Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, В. Оганесяна (докладчик), Г. Назаряна, А. Петросян,

с участием (в рамках письменной процедуры):

представителей заявителя – А. Минасяна, М. Хачатряна, А. Зейналяна,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – начальника Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Саргсяна,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 3 части первой статьи 101 Конституции Республики Армения, статьям 25, 38 и 68 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия принятого Национальным Собранием РА 21.06.2014 г. Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” /ЗР-67-Н/ и связанных с ним Законов ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н и ЗР-77-Н, а также статей 6 и 10 находящегося в системной связи с ними Закона РА “О подоходном налоге” (ЗР-246-Н) Конституции Республики Армения на основании обращения депутатов Национального Собрания РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 03.10.2014 г. обращение 33 депутатов Национального Собрания РА.

По ходатайству заявителя судебное разбирательство дела было отложено и назначено на 7 июля 2015 г.

Изучив письменное сообщение докладчиков по делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, разъяснения, представленные Правительством РА по требованию Конституционного Суда РА, исследовав являющиеся предметом спора Законы и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Закон РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, Законы РА ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н и ЗР-77-Н приняты Национальным Собранием РА 21 июня 2014 г., подписаны Президентом РА 27 июня 2014 г. и вступили в силу с 1 июля 2014 г.

Закон РА “О подоходном налоге” (ЗР-246-Н) принят Национальным Собранием РА 22 декабря 2010 г., подписан Президентом РА 30 декабря 2010 г. и вступил в силу с 1 января 2013 г.

Статьей 1 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, учитывая Постановление Конституционного Суда РА от 2 апреля 2014 года ПКС-1142 и выраженные в нем правовые позиции, Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н полностью изложен в новой редакции.

Законами РА ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н и ЗР-77-Н внесены изменения и дополнения соответственно в Закон РА “Об инвестиционных фондах”, Гражданский кодекс РА, Законы РА “О персонифицированном учете подоходного налога и обязательного накопительного взноса”, “О подоходном налоге”, “О банкротстве”, “О бюджетной системе Республики Армения”, “О минимальной месячной заработной плате”, “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы”, “О принудительном исполнении судебных актов”, “О государственных пенсиях”, которые призваны обеспечить реализацию Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н.

Оспариваемая статья 6 Закона РА “О подоходном налоге”, озаглавленная “Вычеты из доходов”, устанавливает виды вычетов из доходов, которые согласно части 3 статьи 4 того же Закона учитываются при определении налогооблагаемого дохода.

Данная статья изменена оспариваемым Законом ЗР-71-Н, в результате чего **вычетами из доходов, в числе прочего, считаются также все виды выплачиваемых согласно законодательству РА пенсий**, в том числе выплачиваемые по Закону РА “О накопительных пенсиях” в рамках накопительной составляющей накопительные пенсии (пункт 2 части 1 статьи 6 Закона РА “О подоходном налоге”), добровольные пенсионные взносы, производимые в установленном законодательством РА порядке налогоплательщиком в рамках добровольной пенсионной составляющей для себя и (или) третьим лицом (в том числе – работодателем) для налогоплательщика в размере, не превышающем 5 процентов налогооблагаемого дохода налогоплательщика (пункт 3 части 1 статьи 6 Закона РА “О подоходном налоге”) накопительные взносы, производимые из средств государственного бюджета Республики Армения

для (в пользу) лиц в рамках накопительной составляющей пенсионной системы РА (пункт 5 части 1 статьи 6 Закона РА “О подоходном налоге”); доходы, подлежащие получению до истечения установленного законом срока приобретения права на получение накопительной пенсии за счет накопительных взносов, произведенных согласно Закону РА “О накопительных пенсиях” для (в пользу) налогоплательщика в рамках накопительной составляющей (пункт 6 части 1 статьи 6 Закона РА “О подоходном налоге”), имущество и денежные средства, подлежащие получению от физических лиц в порядке наследования и (или) дарения в соответствии с законодательством РА (пункт 13 части 1 статьи 6 Закона РА “О подоходном налоге”).

Оспариваемая часть 1 статьи 10 Закона РА “О подоходном налоге”, озаглавленной “Ставки подоходного налога”, устанавливает ставки подоходного налога, а частями 2-9 той же статьи установлены исключения. Два из них, которые установлены частями 2 и 3 той же статьи, касаются Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н. В частности, части 2 и 3 статьи 10 Закона РА “О подоходном налоге” устанавливают следующие исключения:

“2. В случае одновременного получения физическим лицом в установленных законодательством случаях средств, накопленных в установленном законодательством Республики Армения порядке в рамках добровольной накопительной пенсионной схемы, подоходный налог исчисляется по ставкам, установленным пунктом 1 части 1 настоящей статьи, без учета установленных настоящим Законом вычетов.

3. Подоходный налог с пенсий, полученных в установленном порядке за счет добровольных накопительных взносов, произведенных налогоплательщиком для себя и (или) третьим лицом (в том числе - работодателем) для налогоплательщика в установленном законодательством Республики Армения порядке в рамках добровольной накопительной пенсионной схемы, исчисляется по 10-процентной ставке, без учета установленных настоящим Законом вычетов”.

2. Заявитель оспаривает вышеуказанные Законы с двух точек зрения: процедурной, связанной с вопросом соблюдения процедур приня-

тия вышеуказанных Законов, и содержательной, связанной с вопросом конституционности разных норм вышеуказанных законов.

С процедурной точки зрения заявитель, ссылаясь на статьи 1 и 5 Конституции РА, Законы РА “О правовых актах” и “Регламент Национального Собрания”, Указ Президента РА от 18.07.2007 г. номер УП-174-Н “Об установлении порядка организации деятельности Правительства РА и иных подведомственных ему органов государственного управления”, находит, что процедурные нарушения при принятии оспариваемых правовых актов настолько существенны, что дают достаточные основания для признания их противоречащими Конституции РА и недействительными.

В обоснование вышеуказанного, ссылаясь на статью 27.1 Закона РА “О правовых актах”, подчеркивая те положения данной статьи, которые касаются организации публичных дискуссий и 15-дневного срока их проведения, заявитель аргументирует, что без выявления общественного мнения, получения сведений относительно альтернативных вариантов, возможных расходов, выгоды и вероятных рисков и обеспечения участия общественности в правотворческих работах, игнорируя требования законодательства, в повестку внеочередной сессии был включен пакет соответствующих законодательных проектов и предусмотрено, что он должен быть принят в трех чтениях в течение одной и той же внеочередной сессии, причем от первого ко второму чтению - в режиме 24 часов.

Одновременно заявитель аргументирует, что соответствующие законодательные проекты на основании требований пунктов 39, 40, 42, 43, 46, 49 и 92 порядка, установленного Указом Президента РА от 18.07.2007 г. номер УП-174-Н “Об установлении порядка организации деятельности Правительства РА и иных подведомственных ему органов государственного управления”, не прошли надлежащей процедуры, не были представлены ни Защитнику прав человека РА для получения его мнения, ни депутатам Национального Собрания РА. Кроме этого, согласно заявителю, они не были надлежащим образом пущены в оборот, не обсуждались в соответствующей комиссии НС РА.

Констатируя нарушения правил законодательной техники в оспариваемых правовых актах, заявитель находит также, что оспариваемые

правовые акты не соответствуют конституционному принципу правовой определенности.

Заявитель в представленных 14.05.2015 г. и 06.07.2015 г. в Конституционный Суд письмах также выражает мнение, что данные Правительством РА разъяснения также неубедительны для получения исчерпывающего ответа на выдвинутые в обращении вопросы.

Обращаясь к вопросу **с содержательной точки зрения**, заявитель изложил свои аргументы в пунктах 16-30 обращения. В частности:

заявитель видит вопрос конституционности в том, что в преамбуле Закона РА ЗР-67-Н “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” закреплена возможность получения дополнительных пенсионных доходов, что, согласно заявителю, является правом, в то время как в других статьях Закона это право превращается в обязательство произвести социальный взнос, выбрать пенсионный фонд и управляющего, нести финансовые риски и риски, вытекающие из рынка труда и не зависящие от воли производящего социальный взнос лица. Подобное регулирование, согласно заявителю, “не соответствует конституционной норме “социального государства” (позитивным обязательствам государства) и установленному частью 2 статьи 42 Конституции праву”.

Заявитель видит вопрос конституционности также в том, что термин “социальный взнос”, установленный пунктом 36 части 1 статьи 2 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, не соответствует принципу правовой определенности, так как не ясно, является ли социальный взнос установленным статьей 45 Конституции РА налогом, пошлиной, иным обязательным платежом или нет.

Ссылаясь на Закон РА “О государственном бюджете РА” 2014 года, статью 1.2 Закона РА “О бюджетной системе Республики Армения”, Закон РА “О казначейской системе”, констатируя, что социальные взносы не включены в государственный бюджет 2014 года, заявитель находит, что если в Законе РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н термин “социальный взнос” употребляется как установленный статьей 45 Конституции РА другой обязательный платеж, то он не соответствует правовому содержанию понятия “дру-

гой обязательный платеж”, предусмотренного той же статьей Конституции, так как обязательный платеж не выражает его публично-правовой характер, по сути не зачисляется в государственный бюджет (не является доходом государственного бюджета), не соответствует понятию “целевые бюджетные поступления”, установленному частью 14 статьи 1.2 Закона РА “О бюджетной системе Республики Армения”, Закон РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н не раскрывает, на осуществление каких именно предоставленных государству правомочий должны были быть направлены социальные взносы.

В связи с этим заявитель считает, что термин “социальный взнос”, установленный пунктом 36 части 1 статьи 2 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, не соответствует требованиям, предусмотренным статьей 45 Конституции РА.

Заявитель видит вопрос конституционности также в том, что в Законе РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н употребляется термин “обязательство по социальному взносу”, что, согласно заявителю, не соответствует выраженным в Постановлении Конституционного Суда РА от 14.06.2011 г. ПКС-975 правовым позициям, касающимся отличительных признаков терминов “обязательство” и “обязанность”.

Заявитель находит, что Закон РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н не соответствует правовым позициям, выраженным Конституционным Судом в Постановлении ПКС-1142 относительно права собственности.

В обоснование своей позиции, ссылаясь на статью 31 Конституции РА, на устанавливающую компетенцию Правительства РА по управлению государственной собственностью статью 89 Конституции РА, статьи 3, 9 и 11 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, статью 132, часть 3 статьи 168, часть 3 статьи 279 Гражданского кодекса РА, заявитель считает, что, во-первых, социальный взнос не может являться собственностью лица, во-вторых, если социальный взнос – средство государственного бюджета, то он является собственностью Республики Армения, кото-

рая подлежит управлению Правительством РА, что не может включать в себя управление собственностью лиц или органов местного самоуправления. В соответствии с этим заявитель, констатируя, что установленный пунктом 36 части 1 статьи 2 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н термин “социальный взнос” не соответствует предусмотренным статьей 45 Конституции РА требованиям, находит, что на этом основании возложение статьей 7 того же Закона на работодателя обязанности по исчислению, перечислению или взиманию социальных взносов, предусмотренное для работодателя статьей 71 того же Закона ответственности за неисполнение этой обязанности нарушает требования статей 8, 31 и 43 Конституции РА.

Согласно заявителю, положения Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н относительно круга плательщиков социального взноса, величины (процентной ставки) социального взноса и источников социального взноса нарушают “конституционные нормы и принципы верховенства права, запрета дискриминации, обусловленной социальным или возрастным фактором, и применения обратной силы законов, ухудшающих правовое положение лица, а также правовой соразмерности”. В обоснование своей позиции заявитель ссылается на Постановление Конституционного Суда РА ПКС-1142 и находит, что выраженные в указанном Постановлении Конституционного Суда правовые позиции относительно положений Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н, касающихся круга плательщиков социального взноса, величины (процентной ставки) социального взноса и источников социального взноса, не нашли отражения в Законе РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н.

Заявитель приводит также те изложенные в пунктах 10 и 11 Постановления ПКС-1142 правовые позиции Конституционного Суда, которые касаются подоходного налога, минимальной корзины жизнеобеспечения, минимального бюджета жизнеобеспечения. Обобщая и учитывая требование статьи 14.1 Конституции, заявитель находит, что социальные взносы не должны касаться лиц старше или младше определенного воз-

раста, и что “принцип запрета дискриминации в одинаковой возрастной и трудовой сферах касается также накопительных взносов, производимых из государственного бюджета”.

Сопоставив статьи 2 и 81 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, заявитель видит вопрос конституционности в том, что, в числе прочего, для права отказаться от социального взноса был предоставлен явно не соразмерный срок, данное право было предоставлено с возможностью использования его один раз, подобное право было предоставлено лицам, находящимся в трудовых отношениях по состоянию на 1 июля 2014 года, в связи с чем нахождение в трудовых отношениях днем позже или днем раньше лишает лицо данного права, это право не удовлетворяет требованиям правовой определенности в части тех лиц, которые совмещают работу, для лиц, родившихся в 1974 г. и позже никак не обосновывается связь между требованием произведения социального взноса и реализацией права на отказ от произведения этого взноса, законодатель не установил порядок представления в налоговый орган заявлений об отказе осуществления обязанности произведения социальных взносов и их принятия этим органом, имеется нарушение запрета на применение обратной силы законов, ухудшающих правовое положение, а также нарушение конституционных принципов правовой соразмерности в связи с обстоятельством вступления в силу с 1 июля 2015 года положений относительно смены пенсионных фондов, наследования паев пенсионных фондов, получения имеющихся на пенсионном счете средств. В связи с этим заявитель находит, что нарушены требования статей 3 и 14.1, части 3 статьи 42 Конституции, а также принципы правовой определенности, безопасности, законных ожиданий и соразмерности.

В частности, в связи с обстоятельством вступления в силу с 1 июля 2015 года положений относительно получения имеющихся на пенсионном счете средств заявитель аргументирует, что при отсрочивании реализацию лицом своего права собственности для этого периода времени не предусматривается какая-либо разумная компенсация.

Заявитель аргументирует также, что вместо ускоренного возвращения гражданам взысканных согласно прежнему закону накопительных

взносов предусмотрено возвращение одной их части в период с января по июль 2015 года, причем не всей суммы и начисленных по ним процентных доходов, а основной суммы, без суммы, переданной гражданину в собственность из государственного бюджета, и процентные доходы, начисленные по имеющейся в пенсионном фонде сумме с 1 января 2014 года как минимум до 2015 года.

Заявитель, ссылаясь на отдельные правовые позиции, выраженные в Постановлении Конституционного Суда ПКС-1142, на статьи 83.3 и 83.5 Конституции РА, усматривает вопрос конституционности также в том, что оспариваемыми актами не решен вопрос общественного доверия к пенсионной системе, в накопительной пенсионной системе действует сложное администрирование и есть большая необходимость в административных расходах.

В частности, заявитель считает, что требования, предъявляемые системе управления рисками пенсионного фонда в Республике Армения, построены на желаниях, вытекающих из оборотов “нужно”, “необходимо”, в нарушение Закона РА “О правовых актах” и, в частности, его статьи 45, а также есть неопределенные и не влекущие правовых последствий формулировки в части 5 статьи 37 и части 3 статьи 39 Закона ЗР-67-Н, Закон РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н не предусмотрел для гарантирования естественной деятельности системы какой-либо соответствующей меры публично-правовой ответственности Центрального банка РА или предоставил последнему противоречащие статье 83.5 Конституции РА полномочия, предусмотрел, чтобы максимальный размер расходов, связанных с управлением пенсионным фондом, устанавливал Центральный банк РА, между тем как он должен был устанавливаться законом.

Заявитель, ссылаясь на отдельные правовые позиции, выраженные в Постановлении Конституционного Суда ПКС-1142, считает, что оспариваемыми актами не решен также вопрос надежности пенсионной системы с точки зрения вопроса индексации или корректировки уровня годовой инфляции существующих в пенсионном фонде паев, а также вопрос гарантированности пенсионной системы с точки зрения сбалансированности прав и обязанностей, установления и последо-

вательной реализации соразмерной ответственности за уклонение от обязанностей.

В частности, заявитель считает недопустимым, что согласно уровню годовой инфляции корректируются только произведенные гражданами социальные взносы, а не вся сумма накопительного начисления, во-вторых, констатируя, что ни одним из оспариваемых актов не установлено выражение “цель, вытекающая из пенсионной системы”, находит, что это, с одной стороны, не может гарантировать единообразное применение правил использования накопительных начислений, с другой стороны, может возникнуть очевидное противоречие в аспекте цели накопительной системы в рамках реформ пенсионной системы, когда она представляется, с одной стороны, как система гарантирования достойной пенсии для будущих пенсионеров, а с другой стороны, как необходимый для экономики страны институт “формирования длинных денег”.

В пункте 31 обращения заявитель подытоживает свои изложенные в пунктах 16-30 аргументы и утверждает, что оспариваемые правовые акты сохранили ряд формулировок, которые, по его мнению, уже были признаны Конституционным Судом РА противоречащими Конституции РА и недействительными. В частности, заявитель находит, что после переименования обязательного накопительного взноса в социальный целевой взнос его правовое содержание не изменилось, не была пересмотрена логика установления размера обязательного взноса, не было устранено неконституционное ограничение права собственности работодателя, по сути, не были пересмотрены механизмы ответственности за неэффективное использование накопленных в частных фондах средств, были проигнорированы конституционные принципы верховенства права и правовой определенности, неприкосновенности собственности и свободы договора, соразмерности и пропорциональности, четкость формирующих общественное доверие к системе структур и должный контроль за ними, принцип действия цепочки работодатель-работник-государство.

3. Ответчик обращается к вопросу с точки зрения законодательных регулирований в целях приведения Закона РА от 22 декабря 2010 года “О накопительных пенсиях” ЗР-244-Н в соответствие с Постановлением

Конституционного Суда РА ПКС-1142 и с точки зрения выдвинутых заявителем аргументов в процедурном и содержательном аспектах.

Обращаясь к вопросу с точки зрения законодательных регулирований в целях приведения Закона РА от 22 декабря 2010 года “О накопительных пенсиях” ЗР-244-Н в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РА ПКС-1142, ответчик на основании анализа указанного Постановления Конституционного Суда констатирует, что, во-первых, в результате новых законодательных регулирований, во исполнение требований Постановления Конституционного Суда РА ПКС-1142, накопительный взнос был заменен на целевой социальный взнос, во-вторых, учитывая то обстоятельство, что для введения в действие всего Закона необходим продолжительный период времени, в Законе были предусмотрены переходные положения, предоставляя лицу право отказаться от обязанности произведения социального взноса в период до 1 июля 2017 года, в-третьих, учитывая то обстоятельство, что с 1 июля 2014 года для публичных служащих было предусмотрено внедрение новой системы заработных плат и повышение размера заработной платы, в рамках которой не произойдет сокращения распоряжаемого дохода, в первый этап внедрения новой пенсионной системы были включены государственные служащие системы публичной службы, **в-четвертых**, для лиц, родившихся после 1 января 1974 и после 1 июля 2014 года получивших статус наемного работника, назначенных на должность нотариуса, ставших индивидуальным предпринимателем, которые по состоянию на 1 июля 2014 года не являлись наемным работником, нотариусом или индивидуальным предпринимателем, установлен принцип добровольного включения в новую пенсионную систему, который действует три года, **в-пятых**, учитывая нормы, признанные Постановлением Конституционного Суда РА ПКС-1142 неконституционными, исключительно законом были установлены порядок и условия распоряжения гарантийным фондом (статья 47 Закона РА “О накопительных пенсиях”), количественные и валютные ограничения инвестирования активов пенсионных фондов (статья 39 Закона РА “О накопительных пенсиях”), требования, предъявляемые к системе управления рисками (статья 36 Закона РА “О накопительных пенсиях”), порядок корректировки социальных взносов с учетом годо-

вой инфляции (приложение к Закону РА “О накопительных пенсиях”).

Обращаясь к проблеме с **процедурной точки зрения** и констатируя, что оспариваемые по настоящему делу правовые акты приняты на созванной по инициативе Правительства РА внеочередной сессии, ответчик, ссылаясь на статьи 39 и 51 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, на положения относительно парламентских слушаний того же Закона, констатирует, что обязательное правовое требование обсуждения проектов закона в постоянных комиссиях Национального Собрания и представления заключения относительно них касается очередных сессий, между тем оспариваемые правовые акты приняты в рамках внеочередной сессии, что исключает правовую возможность представления постоянными комиссиями заключений, а Закон оставил компетенцию вынесения закона или того или иного проекта на публичное обсуждение на усмотрение комиссий. Причем парламентские слушания осуществляются как правило в ходе очередных сессий. В то же время констатируя, что организация публичных обсуждений в наибольшей мере способствует росту доверия общества к проектам правовых актов, ответчик отмечает, что обстоятельство принятия оспариваемых правовых актов в ходе внеочередной сессии было обусловлено поспешностью принятия их проектов из-за необходимости приведения правовых регулирований законодательства о накопительных пенсиях в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РА в указанный в этом Постановлении срок.

Обращаясь к проблеме с **точки зрения содержания** и ссылаясь на статьи 8, 37, 43, 45 и 47 Конституции РА, на закрепленные в Постановлении Конституционного Суда РА ПКС-753 правовые позиции, статью 17 Всеобщей декларации прав человека 1948 года, на озаглавленную “Защита собственности” статью 1 Протокола N 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, статью 2 Закона РА “О накопительных пенсиях”, статью 17 Закона РА “О бюджетной системе”, ответчик находит, что в результате внесенных изменений правовые регулирования законодательства о накопительных пенсиях в части социальных взносов приведены в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РА, в частности, **во-первых**, социальные взносы носят

публично-правовой характер, то есть устанавливаются и выплачиваются в рамках общественных отношений публично-правового характера – пенсионной системы, **во-вторых**, социальные взносы поступают в государственный бюджет путем перечисления на специальный счет государственного бюджета.

На основании вышеизложенного ответчик считает также, что социальные взносы полностью умещаются в плоскости регулирования статьи 45 Конституции РА, и обязанность произведения социальных взносов не может рассматриваться как ограничение права лица на владение, пользование и распоряжение являющейся его собственностью заработной на свое усмотрение или как ограничение его права собственности независимо от его волеизъявления.

Ответчик отмечает, что если ранее Законом Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22.12.2010 г. ЗР-244-Н гражданин производил обязательные накопительные выплаты, приобретенные взамен которых паи пенсионного фонда являлись собственностью данного гражданина, то в случае социальных взносов сумма перечисляется в государственный бюджет РА. И если у гражданина не будет права собственности на начисленные на его счет паи пенсионного фонда, которое защищено Конституцией и законами, любая другая гарантия защиты будет слабее.

Согласно ответчику, с целью обеспечения максимальной защиты пенсионных прав граждан РА в Закон включен механизм передачи гражданам РА права собственности на паи пенсионных фондов, внося соответствующие изменения также в Гражданский кодекс РА. В частности, государство направляет произведенные гражданами социальные взносы на приобретение ценных бумаг особого вида – паи пенсионного фонда. В данном случае **объектом** правоотношения **является ценная бумага**, владение, пользование, распоряжение которой, передача удостоверяемых ею прав ограничены определенным целевым назначением. По мнению ответчика, отмеченное свидетельствует, что правовые регулирования относительно установленной статьей 13 Закона ценной бумаги полностью созвучны требованиям, установленным относительно ценной бумаги главой 8 Гражданского кодекса РА.

Констатируя, что государство приобретает ценные бумаги не в свою пользу, а в пользу граждан в размере произведенного им за каждого гражданина социального взноса и произведенной государством доплаты, что для принятия в результате этого паев пенсионного фонда необходимо также волеизъявление третьей стороны - гражданина, ответчик отмечает, что в качестве основания для волеизъявления гражданина принято предусмотренное частью 3 статьи 294 Гражданского кодекса РА правовое регулирование, согласно которому в предусмотренных Законом случаях молчание считается изъявлением воли заключения сделки.

Обращаясь к аргументу заявителя касательно статьи 14.1 Конституции РА о том, что социальные взносы не могут касаться лиц старше или младше определенного возраста, или лиц, работающих в определенной сфере, ответчик, ссылаясь на прецедентное право Европейского суда по правам человека относительно дискриминации, отмечает, что хотя Закон проявляет дифференцированный подход в отношении лиц разных категорий, однако такой подход обусловлен объективными обстоятельствами. Ответчик отмечает также, что перешедшие на систему накопительных пенсий многочисленные страны, в конституциях которых также закреплен запрет дискриминации по возрастным или иным признакам, совершили переход на накопительную пенсионную систему не сразу, а поэтапно. В данном случае законодатель, предусмотрев социальный накопительный взнос только для лиц, родившихся 1 января 1974 года и после, принял за основание фактическую возможность пенсионного обеспечения государством. Что касается тех предусмотренных Законом Республики Армения “О публичной службе” публичных служащих, которые в силу переходных положений Закона не могут отказаться от произведения социальных взносов, ответчик отмечает, что такое правовое регулирование принято с учетом того обстоятельства, что с 1 июля 2014 года зарплаты публичных служащих, которые выплачиваются из государственного бюджета, значительно повысились, а также была учтена фактическая возможность произведения указанными лицами таких выплат в ближайшем будущем. Одновременно ответчик констатирует, что Конституционный Суд РА своим Постановлением ПКС-1142

не признал противоречащей статье 14.1 Конституции РА действующую в предыдущей редакции статью 5 Закона РА “О накопительных пенсиях”, которая также предусматривает подобное регулирование.

Обращаясь к аргументам заявителя относительно закрепленной в предисловии к Закону возможности получения дополнительных пенсионных доходов и закрепленного в следующих статьях Закона, по мнению заявителя, обязанности произведения социальных взносов и констатируя, что в сфере социального обеспечения государство свою позитивную обязанность исполняет за счет средств государственного бюджета, а источниками формирования средств государственных бюджетов в первую очередь являются уплачиваемые лицами налоги, пошлины и другие обязательные платежи, ответчик отмечает, что именно указанным обстоятельством обусловлена важность конституционной обязанности уплаты налогов, пошлин, произведения других обязательных платежей для общества и государства. Согласно ответчику, одной из таких обязанностей является произведение социальных взносов.

Обращаясь к тому аргументу заявителя, что Закон РА ЗР-71-Н не обратился к проблемам сокращения доходов в размере минимального бюджета жизнеобеспечения, необложения налогом минимальной заработной платы и социальных взносов, ответчик отмечает, что в принятый 21.06.2014 года Национальным Собранием РА пакет проектов о накопительном пенсионном законодательстве включен также проект Закона РА “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О минимальной месячной заработной плате”, согласно которому в размер минимальной месячной заработной платы не включены выплачиваемые из зарплаты налоги, **целевые социальные взносы**, надбавки, доплаты, премии и другие поощрительные выплаты.

Обращаясь к аргументу заявителя о том, что социальный пакет является источником социального взноса, ответчик отмечает, что рассматриваемое правовое регулирование имеет цель обеспечить максимальное использование сумм социального пакета, которые в течение года часто не используются или используются частично.

Обращаясь к тому аргументу заявителя, что Законом не обеспечено участие работодателей в процессе произведения социальных взносов,

ответчик отмечает, что участие работодателей в любом случае наличествует, учитывая то обстоятельство, что производимые из зарплаты номинальные выплаты в конце концов являются средствами, направленными на оплату труда работодателем.

Ответчик отмечает также, что участие работодателя более всего опредмечивается в части минимальной заработной платы. В связи с этим ответчик, ссылаясь на статью 4 Закона РА “О минимальной месячной заработной плате”, констатирует, что за получающих минимальную зарплату лиц социальные взносы должен производить работодатель.

Ссылаясь на часть 10 статьи 9 Закона РА “О накопительных пенсиях”, ответчик отмечает также, что лица, пользующиеся социальным пакетом, имеют право направить на производство социальных взносов суммы социального пакета, которые также являются выплатами, производимыми государством-работодателем.

Обращаясь к аргументу заявителя относительно терминов “обязательство” и “обязанность”, ответчик находит, что, во-первых, Конституционный Суд РА в Постановлении ПКС-975 раскрыл содержание терминов “обязанность” и “обязательство” по конкретному делу, во-вторых, обязательство социального взноса по своей сути равноценно термину “обязанность”, как элемент отношений публично-правового характера.

Обращаясь к аргументам заявителя в связи с ограничением срока реализации права на отказ от социальных взносов, а также с использованием указанного права один раз и констатируя, что осуществление прав часто сопровождается установлением определенных сроков, и эти сроки сами по себе должны быть таковыми, чтобы разумно обеспечивать возможность осуществления предусмотренных прав, ответчик считает, что в данном случае законодатель установил разумный срок, который достаточен для осуществления права отказа от производства социальных взносов. Одновременно ответчик отмечает, что вопросы в связи с отказом от социальных взносов детально урегулированы Постановлением Правительства РА от 31 июля 2014 года номер 826-Н.

В связи с тем аргументом заявителя, согласно которому годовой инфляцией уточняются только произведенные гражданами социальные

взносы, а не все накопительные взносы, ответчик отмечает, что обстоятельство корректировки социальных взносов годовой инфляцией обусловлено необходимостью создания для последних минимальных гарантий, что даст лицу возможность получить как минимум столько, сколько выплачено, сохраняя покупательную способность выплаченной суммы.

Обращаясь к тому аргументу заявителя, что предоставление Законом РА “О накопительных пенсиях” Центральному банку РА правовой возможности принятия нормативных правовых актов относительно установления дополнительных требований в отношении управляющих пенсионным фондом противоречит требованиям статьи 83.5 Конституции РА, ответчик отмечает, что Закон предоставляет Центральному банку РА право принятия правовых актов, предусматривающих не обязанности управляющих пенсионным фондом, а дополнительные требования, что продиктовано необходимостью быстрого реагирования на ситуацию и тем самым защиты интересов участников пенсионного фонда.

В связи с беспокойством заявителя по поводу защищенности паев пенсионного фонда ответчик отмечает, что статья 13 Закона РА “О накопительных пенсиях” устанавливает статус паев обязательного пенсионного фонда, закрепляя порядок приобретения гражданами права собственности на паи пенсионного фонда. Ответчик отмечает также, что статьей 968.9 Гражданского кодекса РА для управляющего фондом предусмотрена гражданско-правовая ответственность. В свою очередь, защита права собственности осуществляется также уголовно-правовыми нормами.

Обобщая, ответчик констатирует, что нынешние регулирования сферы пенсионного законодательства направлены на исполнение позитивных обязанностей государства в сфере социального обеспечения, в рамках которого будет гарантирована равноценная произведенным выплатам пенсия, пенсионерам будут обеспечены достойный уровень жизни и преодоление возможных социальных проблем. Одновременно ответчик считает, что положения принятого Национальным Собранием РА 21.06.2014 года Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” (ЗР-67-Н) и связанных с ним Законов ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н

и ЗР-77-Н, а также находящихся с ними в системной связи статей 6 и 10 Закона РА “О подоходном налоге” соответствуют требованиям Конституции РА.

4. Правительство РА по требованию Конституционного Суда 24.12.2014 года представило разъяснения относительно поднятых в обращении вопросов, обратившись к проблеме с двух точек зрения: с точки зрения решений, выдвинутых с целью приведения Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РА ПКС-1142, и с точки зрения выдвинутых заявителем аргументов в содержательном и процедурном аспектах. Одновременно Правительство РА 31.03.2015 года письмом за номером 01/13.11/5050-15 представило в Конституционный Суд РА дополнительные разъяснения касательно дела, являющегося предметом рассмотрения, и прилагаемые к нему документы, выразив несогласие в связи с выдвинутыми в обращении вопросами.

Обращаясь к проблеме с точки зрения решений, предпринятых с целью приведения Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н в соответствие с Постановлением Конституционного Суда РА ПКС-1142, Правительство РА, **во-первых**, цитирует положения резолютивной части Постановления Конституционного Суда РА ПКС-1142, **во-вторых**, на основании анализа указанного Постановления Конституционного Суда констатирует, что вместо накопительного взноса установлен целевой социальный взнос, который согласно Закону РА “О накопительных пенсиях” и статье 17 Закона РА “О бюджетной системе” является уплачиваемым в государственный бюджет РА целевым взносом и как налоговый доход является источником доходов государственного бюджета, **в-третьих**, на основании вышеизложенного заключает, что выраженные в Постановлении ПКС-1142 правовые позиции относительно защиты права собственности были учтены в Законе РА “О накопительных пенсиях”, и что весь социальный взнос уместается в сферу регулирования статьи 45 Конституции РА, **в-четвертых**, констатирует, что путем установления уплачиваемого в государственный бюджет РА социального

взноса был решен также вопрос, связанный с конституционностью части 2 статьи 76 Закона РА “О накопительных пенсиях”.

Правительство РА отмечает, что если по Закону Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н полученные вместо произведенного гражданином обязательного накопительного взноса паи пенсионного фонда являлись собственностью гражданина, то при действующем правовом регулировании суммы социальных взносов перечисляются в государственный бюджет. Государство направляет произведенные гражданами социальные взносы на приобретение особых видов ценных бумаг – паев пенсионного фонда. В данном случае **объектом** правоотношения **является ценная бумага**, и понятие ценной бумаги, установленное статьей 13 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях”, полностью уместается в рамки требований, установленных относительно ценной бумаги в главе 8 Гражданского кодекса РА.

Учитывая те обстоятельства, что государство приобретает ценные бумаги не в свою пользу, а в пользу граждан, и в результате этого для принятия паев пенсионного фонда необходимо также волеизъявление третьей стороны – гражданина, Правительство РА констатирует, что во избежание ненужного администрирования в связи с написанием заявлений для принятия паев пенсионного фонда Правительство РА воспользовалось возможностью, предоставленной частью 3 статьи 294 Гражданского кодекса РА, согласно которой молчание считается выражением воли заключить сделку.

Правительство РА констатирует также, что в целях приведения в соответствие требованиям Постановления Конституционного Суда РА ПКС-1142 положений Закона РА “О накопительных пенсиях”, признанных противоречащими Конституции РА и недействительными на основании незакрепления конкретных гарантий защиты прав, равноценных требованиям принципов верховенства права и правовой определенности, и неуточнения рамок усмотрения исполнительной власти в данных правоотношениях, законом установлены:

- порядок и условия распоряжения гарантийным фондом (статья 47 Закона РА “О накопительных пенсиях”);

- количественные и валютные ограничения инвестирования активов пенсионных фондов (статья 39 Закона РА “О накопительных пенсиях”);
- требования, предъявляемые системе управления рисками управляющих фондами (статья 36 Закона РА “О накопительных пенсиях”);
- порядок корректировки социальных взносов с учетом годовой инфляции (приложение к Закону РА “О накопительных пенсиях”).

Обратившись к проблеме с точки зрения выдвинутых заявителем аргументов и остальных не относящихся к вышеупомянутым решениям аргументов Правительства РА в содержательном и процедурном аспектах, Правительство РА в рамках вышеуказанных разъяснений номер 01/13.7/21785-14 от 24.12.2014 г. и номер 01/13.11/5050-15 от 31.03.2015 г. изложило свои позиции в связи с представленными заявителем аргументами. В частности, относительно тех изложенных в обращении аргументов, которые касаются соблюдения процедур принятия оспариваемых актов, включая организацию публичных обсуждений, Правительство РА, ссылаясь на статью 27.1 Закона РА “О правовых актах”, констатирует, что формы осуществления публичных обсуждений имеют обязательный (публикация проекта нормативно-правового акта на веб-сайте) и необязательный (встречи с заинтересованными лицами, открытые слушания, обсуждения и опросы общественного мнения) характер, и все они сохранились при принятии оспариваемых правовых актов. В частности, в числе прочего, начиная со 2 апреля 2014 года данный вопрос стал предметом обсуждения и изучения различных сегментов общества, всех заинтересованных лиц, в результате чего были приняты проекты оспариваемых правовых актов. Приводится также перечень 17 средств массовой информации, в которых было опубликовано обобщенное описание законодательных изменений. Обращаясь также к соответствующим статьям Закона РА “Регламент Национального Собрания” и Закона РА “О правовых актах”, а также представляя весь процесс осуществления законодательной инициативы, Правительство РА находит, что “...процесс

принятия оспариваемых правовых актов и становления их “законом” осуществлялся в соответствии с законодательством РА”.

Констатируя касательно выдвинутых в пункте 21 обращения аргументов, что во всех социальных государствах люди не освобождены от обязательства производить налоговые, социальные или иные платежи, и это никак не противоречит социальному характеру страны, что помимо того, что социальное обеспечение является правом лица, оно еще является и целевой функцией, обусловленной позитивной обязанностью государства, и что согласно статье 37 Конституции РА объем и формы социального обеспечения устанавливаются законом, Правительство РА утверждает, что в данном случае выбор объема и форм социального обеспечения оставлен на усмотрение законодателя, и что исходя из требований основополагающих принципов соразмерности и пропорциональности в данной сфере рамки усмотрения обуславливаются, с одной стороны, социально-экономическими возможностями государства, с другой стороны, требованиями социального государства, носящими конституционный характер.

В связи с аргументами относительно нечеткости некоторых представленных в обращении понятий Правительство РА разъясняет, что в законах могут быть отдельные положения, которые воспринимаются неоднозначно. Для данных случаев предусмотрена статья 87 Закона РА “О правовых актах”.

Констатируя в связи с аргументами относительно выдвинутых заявителем терминов “обязательство” и “обязанность”, что в Постановлении Конституционного Суда РА от 14.06.2011 г. ПКС-975 указанные термины были оценены исключительно в плоскости гражданско-правовых отношений, Правительство РА находит, что выраженные Конституционным Судом РА в вышеупомянутом Постановлении правовые позиции в данном случае неприменимы.

Касательно той выдвинутой в обращении позиции, согласно которой освобождение от обязательства по уплате социальных взносов для определенных возрастных или профессиональных групп ведет к нарушению положений статьи 14.1 Конституции РА в зависимости от возраста и трудовой сферы, Правительство РА находит, что в данном случае диффе-

ренцированный подход к работникам государственной и частной сфер имеет объективные и мотивированные основания в связи с переходом от распределительной пенсионной системы к накопительной пенсионной системе в два этапа – сначала для работников публичной сферы, а затем для работников частной сферы, а с 1 июля 2017 года система будет действовать для всех. Помимо этого, Правительство РА находит, что в данном случае отсутствует обстоятельство нахождения в одинаковом положении, так как, в отличие от работников частной сферы, с 1 июля 2014 года имело место повышение заработной платы работников публичной сферы, в связи с чем обязательство произведения социальных взносов существенно не изменит их уровень жизни, а частному сектору был предоставлен срок до 2017 года для приспособления к обязательству производить социальные взносы. Правительство РА отметило также, что Постановлением ПКС-1142 нормы Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 года ЗР-244-Н, устанавливающие круг лиц, производящих обязательный накопительный взнос, не были признаны противоречащими Конституции РА и недействительными, а часть 1 статьи 5, части 1 и 11 статьи 7 того же Закона были признаны противоречащими Конституции РА и недействительными в той части, по которой эти нормы не обеспечивают право на владение, пользование и распоряжение каждым лицом являющейся его собственностью заработной платой по своему усмотрению и ведут к ограничению права лица на собственность независимо от его волеизъявления.

В связи с выдвинутой в том же пункте обращения позицией относительно опасности замены средств социального обеспечения налогом Правительство РА, **разделяя эти опасения**, констатирует, что им предложено выплачиваемые для формирования накопительных пенсий суммы отделить от налогов по их акцентированному целевому назначению.

В связи с выдвинутой в том же пункте обращения позицией относительно конституционности статей 6 и 10 Закона РА “О подоходном налоге”, касающейся того, что Закон ЗР-71-Н “О внесении изменений в Закон Республики Армения “О подоходном налоге” не обратился к вопросам сокращения доходов в размере минимального бюджета жизнеобеспечения, необложения налогом минимальной заработной платы

и социального взноса статьей 6 Закона РА “О подоходном налоге”, Правительство РА, ссылаясь на внесенное в статью 4 Закона РА “О минимальной месячной заработной плате” изменение, на статью 6 Закона РА “О подоходном налоге”, констатирует, что оспариваемыми правовыми актами эти вопросы были затронуты. В частности, Правительство РА констатирует, что по статье 6 Закона РА “О подоходном налоге” социальные взносы не облагаются налогом. Затем отмечает, что социальные взносы облагаются налогом (не уменьшаются), но не облагается налогом обязательная накопительная пенсия, и наоборот, добровольные пенсионные взносы не облагаются налогом (уменьшаются), но облагается добровольная накопительная пенсия, основываясь на той логике, что любой доход должен облагаться налогом на каком-либо этапе всего один раз.

В связи с теми аргументами заявителя, которые касаются срока, предоставленного для права отказа от произведения социальных взносов, предоставления этого права лицам, находящимся в трудовых отношениях по состоянию на 1 июля 2014 года, Правительство РА констатирует, что около полугода более чем достаточный срок, чтобы определиться, отказываться или не отказываться от произведения социальных взносов в течение последующих трех лет, это касается и лиц, только вступивших на рынок труда, учитывая то, что с 1 июля 2017 года в накопительную пенсионную систему будут включены все родившиеся после 1974 года работающие граждане.

В связи с тем выдвинутым заявителем аргументом, который касается порядка представления заявлений об отказе от обязанности произведения социальных взносов в налоговый орган и порядка принятия им этих заявлений, Правительство РА констатирует, что этот вопрос урегулирован переходными положениями Закона ЗР-67-Н и Постановлением Правительства РА от 31.07.2014 г. номер 826-Н.

Что касается того вопроса заявителя, который касается неудовлетворения требований правовой определенности права отказа от произведения социальных взносов теми лицами, которые совмещают работу, Правительство РА на основании взаимосвязанного анализа статей 5, 6 и 7 Закона РА “О накопительных пенсиях” констатирует, что работающий по совместительству в государствен-

ной и частной сферах обязан производить социальные взносы со всех доходов.

В связи с теми аргументами заявителя, которые касаются обстоятельства вступления в силу с 1 июля 2015 года положений о получении средств, имеющихся на пенсионном счете, и порядка возвращения гражданам накопительных взносов, взысканных согласно ранее действующему закону, Правительство РА констатирует, что установление разумного срока для представления заявлений о погашении паев, приобретенных за счет произведенных ранее накопительных взносов, и о получении накопившейся суммы предусмотрено во избежание случаев продажи активов по низкой цене для удовлетворения постоянно получаемых заявлений, а в случае вкладов - во избежание случаев потери начисленных процентов, так как собранные в пенсионных фондах суммы вкладываются в активы, в том числе в ценные бумаги и срочные вклады. Причем участникам за счет произведенных ими накопительных взносов выплачивается также сумма дохода, полученного до дня погашения включительно.

Обращаясь к порядку возвращения гражданам взысканных по прежнему закону накопительных взносов, Правительство РА констатирует, что Постановлением ПКС-1142 были признаны противоречащими Конституции РА и недействительными положения, касающиеся обязательного накопительного взноса, в результате чего новым правовым регулированием необходимо восстановить прежнее положение, имевшее место до нарушения, а именно: вернуть гражданам произведенные ими накопительные взносы, а государству вернуть выплаченные им доплаты.

В связи с теми выдвинутыми заявителем аргументами, которые касаются имеющихся в части 5 статьи 37 и в части 3 статьи 39 Закона ЗР-67-Н формулировок, а также предоставления Центральному банку РА компетенции определения максимального размера расходов в связи с управлением пенсионным фондом и ряда других компетенций, Правительство РА констатирует, что в части 3 статьи 39 Закона ЗР-67-Н речь идет об иностранных банках, соответствующих присвоенным известными рейтинговыми агентствами рейтингам, и Закон устанавливает минимальный инвестиционный рейтинг, и вложение средств в банк, имеющий рейтинг ниже минимального инвестиционного, запрещается.

Обращаясь к аргументам заявителя относительно предоставления Центральному банку РА компетенции установления максимального размера расходов в связи с управлением пенсионным фондом, Правительство РА констатирует, что, во-первых, один из вышеотмеченных расходов, который касается премии руководителя фонда, установлен частью 2 статьи 42 Закона ЗР-67-Н, а предоставление Центральному банку РА компетенции установления максимального размера других расходов обусловлено необходимостью проявления гибкого и профессионального подхода к установлению таких расходов, во-вторых, установление большого размера указанных законом расходов приведет к излишне большим затратам, а установление малого размера – подорвет финансовую стабильность системы.

Помимо этого, касательно предоставления Центральному банку РА иных правомочий Правительство РА считает, что обязанности управляющих пенсионными фондами установлены законом, а Центральный банк может принимать правовые акты, устанавливающие вытекающие из закона дополнительные требования к управляющим пенсионными фондами. Кроме этого, правомочие принимать вытекающие из закона ведомственные акты в рамках закона имеет крайне важное значение для органа, регулирующего и контролирующего финансовую сферу.

Касательно выдвинутых в пунктах 29 и 30 обращения аргументов, касающихся того, что годовой инфляцией корректируются только произведенные гражданами социальные взносы, а не вся сумма накопительного отчисления, что ни одним из оспариваемых актов не установлено выражение “следующая из пенсионной системы цель”, Правительство РА констатирует, что речь не идет об индексации социальных взносов или накопительных отчислений, а логика правового регулирования в том, чтобы любой гражданин получил как минимум столько, сколько выплатил, сохраняя покупательную способность выплаченных сумм.

Обращаясь к механизмам защиты и ответственности, Правительство РА ссылается на статью 13 Закона ЗР-67-Н относительно права собственности и его защиты, Конституцию РА, Уголовный и Гражданский кодексы РА и констатирует, что к управлению пенсионным фондом привлечены такие надежные, имеющие большой опыт организации,

как Закрытые акционерные общества “Амунди-Агба асет менеджмент” и “Це-квадрат ампега”, Законом установлены круг и ограничения инвестиций.

Обращаясь к тому аргументу заявителя, что ни одним из оспариваемых актов не установлено выражение “вытекающая из пенсионной системы цель”, Правительство РА констатирует, что институт “формирования длинных денег” является не целью пенсионной системы и закона, а лишь неизбежным последствием процесса, которое принесет дополнительную пользу экономике Армении.

Обобщая, Правительство РА делает заключение, что положения Закона ЗР-67-Н и взаимосвязанных с ним в системном аспекте законов и иных правовых актов соответствуют Конституции РА.

5. В рамках рассмотрения настоящего дела Конституционный Суд РА в первую очередь считает необходимым аргументировать, что:

во-первых, из изучения поставленных заявителем вопросов следует, что заявитель, оспаривая Закон Республики Армения “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, в содержательном аспекте поднимает вопрос конституционности отдельных положений его статьи 1;

во-вторых, эти положения в силу факта вступления в силу Закона Республики Армения “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н инкорпорированы в Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” от 22 декабря 2010 г. ЗР-244-Н, следовательно, в рамках рассмотрения настоящего дела раскрытию подлежат:

- соблюдение предусмотренного Конституцией порядка принятия и введения в действие Закона Республики Армения “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н, исходя из требований пункта 2 части 7 статьи 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”;

- конституционно-правовое содержание оспариваемых заявителем положений Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” ЗР-244-Н;

в-третьих, учитывая аргументы заявителя и ответчика, а также разъяснения Правительства РА и то обстоятельство, что часть оспари-

ваемых правовых актов – Законы ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н и ЗР-77-Н приняты с целью обеспечения реализации Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н (в инкорпорированной версии – Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” ЗР-244-Н), и с той же целью Законом РА ЗР-71-Н внесены изменения в оспариваемую статью 6 Закона РА “О подоходном налоге”, учитывая, что конституционность Законов РА ЗР-68-Н, ЗР-69-Н, ЗР-70-Н, ЗР-71-Н, ЗР-72-Н, ЗР-73-Н, ЗР-74-Н, ЗР-75-Н, ЗР-76-Н и ЗР-77-Н, а также оспариваемых статей 6 и 10 Закона РА “О подоходном налоге” фактически обусловлена конституционностью соответствующих правовых положений Закона РА ЗР-244-Н, конституционность вышеперечисленных в рамках настоящего дела Законов, а также статей 6 и 10 Закона РА “О подоходном налоге” необходимо оценить в контексте Закона РА ЗР-244-Н, раскрывая как конституционно-правовое содержание оспариваемых правовых актов, так и соблюдение процедур их принятия.

6. Конституционный Суд РА в своем Постановлении от 18.04.2006 года ПКС-630 закрепил, что “... какая-либо правовая норма не может считаться “законом”, если она не соответствует принципу правовой определенности (*res judicata*), то есть не сформулирована в достаточной степени точно, что позволило бы гражданину совместить с ней свое поведение”.

Другим своим Постановлением от 13.05.2008 года ПКС-753 Конституционный Суд установил, что “для оценки предсказуемости Закона важным фактором также является обстоятельство наличия или отсутствия противоречий между регламентирующими данные отношения разными регулированиями”.

В рамках рассмотрения настоящего дела необходимо обратиться также к ссылкам заявителя в связи с правовой определенностью некоторых понятий, установленных в оспариваемых положениях.

Итак, в предисловии к Закону РА “О накопительных пенсиях” констатируется, что “целью настоящего Закона является **создание воз-**

возможности лицам, уплатившим в течение трудовой деятельности в Республике Армения социальный взнос, получать в пенсионном возрасте помимо государственной пенсии дополнительные пенсионные доходы, обеспечивая непосредственную связь между уплаченными социальными взносами и размером получаемой пенсии, а также **предоставляя возможность** лицу, уплатившему социальный взнос, влиять на размер накопительных пенсий путем выбора в установленном настоящим Законом порядке лица, управляющего его накопленными средствами, и политики управления этими средствами”. Согласно заявителю, такое регулирование не только не созвучно содержанию конституционной нормы о социальном государстве и следующим из нее позитивным обязательствам государства, но и не соответствует закрепленному в части 2 статьи 42 Конституции принципу законной и свободной реализации прав и обязанностей человека, согласно которому каждый свободен совершать то, что не запрещено законом и не нарушает права и свободы иных лиц. Заявитель считает, что подобная возможность в контексте дальнейших правовых регулирований превращается в принуждение, применяемое в отношении трудящегося, а в отдельных случаях – также работодателя.

В этом аспекте существенно заметить, что любой закон направлен на регулирование определенных общественных отношений, имея в своей основе цель, которая будет достигнута в результате реализации закона. То есть установление именно законом цели данного закона определяет тот желаемый результат и средства его достижения, к которым стремится законодатель при правовом регулировании данных общественных отношений. Следовательно, “создание возможности”, “предоставление возможности” необходимо рассматривать в рамках этого подхода, учитывая также то, что реализация установленных данным правовым актом правовых регулирований является **тем необходимым средством, благодаря которому указанные в качестве цели обстоятельства могут стать реальностью.**

Употребляемое в предисловии к оспариваемому Закону выражение “создание возможности” не может толковаться как право участника системы накопительных пенсий производить социальный взнос также на том основании, что:

- в предисловии к Закону ЗР-244-Н речь идет также о создании благоприятного социального положения для участника предоставлением ему в результате **надлежащего исполнения обязанности по уплате социального взноса** возможности накопления доходов, влияния на размер накопительной пенсии;
- системный анализ Закона свидетельствует, что производство социальных взносов для установленных законом субъектов является обязанностью. В частности, в статьях 5 и 71 Закона употребляется термин “обязанность производства социального взноса”.

Помимо этого, реализация любого права должна рассматриваться с точки зрения демократического принципа единства прав и обязанностей, согласно которому гарантированные людям Конституцией и законами права и равноценные им обязанности предполагают, что государство одновременно берет ряд обязанностей, призванных обеспечить их реализацию, в том числе в сфере обеспечения правовых, социальных и иных условий. Права и обязанности лиц, государства взаимосвязаны, едины, обусловлены содержанием и особенностью данного общественного отношения. Такое единство является не только условием, но и существенной гарантией эффективного правового регулирования. В данном случае установленное статьей 37 Конституции право социального обеспечения для обеспечения данного права, помимо позитивной обязанности государства, для адресата данного права обязательно предполагает также соответствующую обязанность, а именно обязанность уплаты целевого социального взноса, в результате чего формируется сумма, которая в качестве дополнительной пенсионной суммы будет предоставлена субъекту права социального обеспечения.

Одновременно обязанность уплаты целевого социального взноса однозначно совместима в контексте того положения статьи 37 Конституции, согласно которому объем и формы социального обеспечения устанавливаются законом. В данном случае на усмотрение законодателя оставлен выбор объема и форм социального обеспечения, и что в данной сфере, исходя из требований основополагающих принципов соразмерности и пропорциональности, пределы усмотрения

обуславливаются, с одной стороны, социально-экономическими возможностями государства, с другой стороны – требованиями социального государства конституционного характера.

Для новых правовых регулирований стержневое значение приобрели понятия “социальный взнос”, “накопительный взнос” и “накопительное отчисление”. Пунктом 36 статьи 2 являющегося предметом рассмотрения Закона социальный взнос характеризуется как “... целевой взнос, уплачиваемый в Государственный бюджет Республики Армения в порядке и размерах, установленных настоящим Законом”. К этому понятию Конституционный Суд РА обратился в пункте 9 своего Постановления ПКС-1142, в частности, отметив, что “... выплата, произведенная для социального обеспечения, изначально имеет целевой характер, и установление ее законом делает социальный прогноз более предсказуемым”. Конституционный Суд также констатировал, что “обязательство государства – путем законодательного регламентирования придание этим отношениям стабильного и гарантированного характера”.

В том же Постановлении обозначено также требование четкой реализации конституционно-правового содержания статьи 45 Конституции Республики Армения, согласно которому с целью решения общегосударственных задач, а также создания материальных гарантий социального обеспечения людей упомянутой статьей Конституции установлено, что “каждый обязан в установленном законом порядке и размере уплачивать налоги, пошлины, производить другие обязательные платежи”. Конституционный Суд, подчеркивая последовательность своих правовых позиций в данном вопросе, констатировал: “В рамках раскрытия правового содержания статьи 45 Конституции Республики Армения Конституционный Суд Республики Армения выразил правовую позицию в своем Постановлении от 13 мая 2008 года ПКС-753, к которой обратилась также сторона-заявитель. Конституционный Суд, в частности, констатировал, что “... налоги и пошлины, указанные в упомянутой статье, также являются обязательными платежами, и, следовательно, другие указанные в упомянутой статье обязательные платежи, несмотря на отличие от налогов и пошлин, должны иметь с ними общие признаки”.

В пункте 9 Постановления ПКС-1142 сделано обращение также к выраженной в Постановлении ПКС-753 правовой позиции, согласно которой “по результатам анализа налогового законодательства Конституционный Суд констатирует, что “указанные в статье 45 Конституции обязательные платежи:

а) носят публично-правовой характер, т.е. устанавливаются и выплачиваются в рамках общественных отношений публично-правового характера;

б) предназначены для поступления в государственный или региональный бюджет”.

На основании последнего Конституционный Суд нашел: “Из этой общей логики следует, что если бы обязательные накопительные платежи представляли собой социальные выплаты, ставились в разумное соотношение с другими налоговыми платежами, не преследующими цель социального обеспечения, **перечислялись на специальный счет государственного бюджета и на договорных основаниях либо под предусмотренные законом четкие гарантии и ответственность государства были переданы в управление, то:**

а) система, в рамках бюджетного контроля, оказалась бы в поле непосредственного контроля Национального Собрания Республики Армения, что повысило бы надежность разумного управления средствами и гарантирования их возвратности;

б) в аспекте эффективного контроля и общественно-правовой ответственности обязательство Правительства Республики Армения было бы предметным;

в) заметно возросло бы доверие общества к надежности системы;

г) подобная система предоставила бы возможность предусмотреть законом также дополнительные механизмы поощрения участников добровольной накопительной составляющей”.

Необходимо констатировать также, что если Законом Республики Армения от 22 декабря 2010 года “О накопительных пенсиях” ЗР-244-Н приобретенные гражданином взамен произведенных им обязательных накопительных взносов паи накопительного фонда являются собственностью гражданина, то при являющемся предметом рассмо-

тения правовом регулировании сумма социальных выплат перечисляется в государственный бюджет, что предусмотрено также статьей 17 Закона РА “О бюджетной системе”, согласно которой целевые социальные выплаты, как налоговый доход, являются источником дохода государственного бюджета. Государство произведенные гражданами под его ответственность социальные взносы направляет на приобретение ценных бумаг особого вида - паев пенсионного фонда. В данном случае объектом правоотношения является ценная бумага, и идея установленной статьей 13 Закона РА “О внесении изменения в Закон РА “О накопительных пенсиях” ценной бумаги полностью соответствует требованиям, предъявляемым к ценным бумагам, установленным главой 8 Гражданского кодекса РА.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что социальная выплата, как поступающий в государственный бюджет платеж, полностью совместима с правовым регулированием статьи 45 Конституции РА. Об этом свидетельствует также пункт 36 части 1 статьи 2 Закона РА ЗР-244-Н и Закона РА ЗР-73-Н. Причем о последнем упоминает также заявитель. Иной вопрос, какой характер имеют законодательные процедуры разумного управления средствами, насколько преодолены возможные несоответствия правовых регулирований разных законов, чтобы последовательно были реализованы правовые позиции Конституционного Суда в этом вопросе.

В связи с этим Конституционный Суд РА считает, что **задача законодательного органа – обеспечение системного подхода и внесение соответствующих изменений о социальных выплатах в Законы относительно бюджетной и казначейской систем.**

7. Учитывая то обстоятельство, что статьей 13 Закона РА ЗР-244-Н паи пенсионного фонда государство приобретает для граждан в качестве собственности, устанавливая особенности реализации права на них, возникает необходимость обращения также к конституционно-правовому содержанию правовых регулирований, установленных частями 5 и 13 статьи 13 указанного Закона. Итак, согласно части 5 статьи 13 Закона РА ЗР-244-Н “паями обязательного пенсионного фонда могут владеть,

пользоваться, распоряжаться исключительно в порядке и целях, установленных настоящим Законом. Удостоверяемые паями обязательного пенсионного фонда права не подлежат передаче, за исключением случаев, предусмотренных настоящим Законом”. Согласно части 13 статьи 13 Закона РА ЗР-244-Н “пай пенсионного фонда участник не может закладывать, вкладывать в уставный капитал юридического лица, дарить или отчуждать каким-либо иным образом, за исключением предусмотренных настоящим Законом случаев, использовать каким-либо иным способом, чем установлено этим Законом”.

Из вышеотмеченных положений частей 5 и 13 статьи 13 Закона РА ЗР-244-Н следует, что они являются нормами, ограничивающими право собственности граждан на паи пенсионного фонда. В данном случае важно оценить, насколько указанные нормы равноценны конституционно-правовому содержанию статьи 31 Конституции РА.

Согласно положению, закрепленному во втором предложении части 1 статьи 31 Конституции РА, осуществление права собственности не должно причинять вред окружающей среде, нарушать права и законные интересы иных лиц, общества и государства.

Из сопоставительного анализа положения, закрепленного во втором предложении части 1 статьи 31 Конституции РА, и положений частей 5 и 13 статьи 13 Закона РА ЗР-244-Н следует, что **их содержание полностью совместимо с содержанием положения, закрепленного во втором предложении части 1 статьи 31 Конституции РА.** То есть ограничения права собственности на паи пенсионного фонда, установленные частями 5 и 13 статьи 13 Закона РА ЗР-244-Н, обусловлены законным интересом государства. В данном случае законный интерес государства – направить целевые социальные выплаты на служение своей цели, а именно – исполнение своей позитивной обязанности в сфере социального обеспечения созвучно идее социального государства, обеспечением для достигших пенсионного возраста лиц более высокого уровня жизнеобеспечения в форме дополнительной пенсии. То есть подобное ограничение права преследует правомерную социальную цель, направлено на реализацию задач, закрепленных в основах конституционного строя.

Это касается также части 1 статьи 1 оспариваемого заявителем За-

кона РА ЗР-75-Н “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы”, согласно которой произведенные в пользу (для) участника накопительные отчисления могут использоваться исключительно в исходящих из пенсионной системы целях.

Заявитель отмечает, что “... употребленное в Законе понятие “**участник**” также не соответствует принципу правовой определенности. Итак, согласно формулировке, **участник – это лицо, уплатившее социальный взнос** в установленном настоящим Законом порядке, для (в пользу) которого из государственного бюджета Республики Армения произведены накопительные отчисления или для (в пользу) которого произведены добровольные пенсионные взносы. То есть во всех случаях основная характеристика понятия “участник”, правовая функция этого субъекта – уплата социального взноса, между тем при добровольной пенсионной системе для участвующего в ней лица уплата социального взноса не является необходимым условием”.

В связи с этим Конституционный Суд считает необходимым отметить, что согласно пункту 28 части 1 статьи 2 Закона участник – это не только лицо, уплатившее социальный взнос в установленном настоящим Законом порядке, для (в пользу) которого из государственного бюджета Республики Армения произведено накопительное отчисление, **но и (или) лицо, для (в пользу) которого производятся добровольные пенсионные взносы**. Если согласно пункту 36 части 1 статьи 2 Закона социальная выплата является целевой выплатой, уплачиваемой в государственный бюджет Республики Армения в установленном Законом порядке и размере, то добровольный пенсионный взнос характеризуется как добровольно **уплачиваемый участником** и (или) иным лицом **для (в пользу) участника** взнос с целью получения пенсии (пункт 13 части 1 статьи 2). Одновременно на основании статей 1, 61, 63, 64 и 65 и многих других статей являющегося предметом спора Закона также можно констатировать, что термин “участник” четко относится и к лицам, уплачивающим добровольный пенсионный взнос. В обоих случаях в основе определения лежит обобщенное лицо, правосубъект, который в одном случае не только в установленном Законом порядке уплатил социальный

взнос, но и для (в пользу) которого из государственного бюджета Республики Армения произведено накопительное отчисление, в другом случае - **то лицо, для (в пользу) которого производятся добровольные пенсионные взносы.**

Заявитель отмечает также, что "... нарушен принцип правовой определенности в части 13 части 81 Закона". Конституционный Суд констатирует, что данное положение сформулировано достаточно четко - воля законодателя выражена точно и не лишает гражданина возможности совмещения своего поведения с оспариваемой нормой, следовательно, указанное регулирование соответствует требованиям принципа правовой определенности. Причем во исполнение упомянутого требования Закона министр финансов РА 21.10.2014 года издал приказ "Об установлении порядка перерасчета обязательств по не погашенным или частично уплаченным накопительным взносам в результате правоотношений, возникших после 1 января 2014 года" номер 733-Н, согласно которому произведен перерасчет и перечислены соответствующие суммы.

Заявитель считает также, что "... ссылку на статью 43 Закона в части 5 статьи 37 Закона толковать каким-либо образом невозможно". Часть 5 статьи 37 Закона устанавливает: "По смыслу частей 1 и 4 настоящей статьи долевые ценные бумаги не включают те паи инвестиционных фондов (акций), согласно правилам (уставу) которых активы фонда можно инвестировать только в банковские вклады, предусмотренные статьей 43 настоящего Закона, долговые ценные бумаги или приобретаемые с целью их хеджирования производные инструменты".

Изучение регулирований, установленных в статье 43 Закона, показывает, что она подвергла правовому регулированию не те связанные с банковскими вкладами, долговыми ценными бумагами или приобретенными с целью их хеджирования производными инструментами правоотношения, в рамках которых активы фонда могут быть инвестированы, а направлена на регламентирование вопросов в связи с платой, производимой (взыскиваемой) за услуги по ведению реестра участников. То есть **объективно невозможно применить** часть 5 статьи 37 Закона, так как лежащее в основе ее реализации правовое положение (статья 43) направлено на регулирование совершенно других отношений.

Конституционный Суд РА в ряде своих постановлений, в частности в Постановлениях ПКС-864, ПКС-914 и ПКС-933 относительно компетенции рассмотрения вопроса конституционности пробела в праве, выразил правовую позицию, согласно которой нормативное правовое решение пробела в правовом регулировании является компетенцией законодательной власти. **Конституционный Суд считает, что создавшаяся ситуация является пробелом в правовом регулировании, который должен быть преодолен в рамках компетенции Национального Собрания РА.**

8. Согласно заявителю, в связи с возможной неточностью части 3 статьи 39 Закона "... неизвестно речь идет обо всех вкладах или только о вкладах в иностранных банках". Статья 39 Закона подвергла правовому регламентированию вопросы в связи с ограничениями инвестирования активов обязательных пенсионных фондов. Третье предложение части 3 упомянутой статьи устанавливает: "При этом активы обязательного пенсионного фонда могут быть инвестированы в качестве вкладов только в тот **иностраный банк**, который имеет как минимум рейтинг "БББ" группы "БББ" Стандарт и Пурз, "Баа3" группы "Баа" Мудис или "БББ" группы "БББ" Фитч". Упомянутым положением законодатель предоставляет возможность инвестировать активы обязательного пенсионного фонда в качестве вкладов также в иностранный банк, однако в качестве гарантии надежности устанавливает определенный рейтинг. То есть употребленный в упомянутом предложении термин "только" является показателем того, что активы обязательного пенсионного фонда могут быть инвестированы в качестве вкладов только в такой иностранный банк, который имеет соответствующий рейтинг. Иначе установленное упомянутым правовым положением правовое регулирование касается только вкладов, инвестируемых в иностранные банки, и термин "только" преследует цель акцентировать то обстоятельство, что иностранные банки должны иметь соответствующий рейтинг, международно признаваемый критерий оценки надежности, только при наличии которых последние могут быть привлечены в процесс инвестирования активов обязательного пенсионного фонда в качестве вкладов. В то же время, принимая за

основание положения части 3 статьи 38 Закона, необходимо констатировать, что часть 3 статьи 39 Закона не исключает инвестирование активов обязательного пенсионного фонда также на территории Республики Армения. Таким образом, законодатель посредством предусмотрения таких четких правовых критериев преследовал цель гарантировать целевое использование и защищенность активов пенсионного фонда, что непосредственно исходит из содержания конституционно-правовой обязанности, поставленной перед социальным государством.

С точки зрения принципа правовой определенности и/или соразмерности оспаривается также положение части 7 статьи 46 Закона, согласно которому размер суммы регулярных гарантийных взносов исчисляется в размере 0,02 процента от стоимости чистых активов обязательного пенсионного фонда, управляемого управляющим пенсионным фондом, в суточном разрезе. Конституционный Суд констатирует, что упомянутое положение сформулировано достаточно четко и не лишает гражданина возможности совместить свое поведение с оспариваемой нормой.

Предметом спора является также то обстоятельство, что, по мнению заявителя, “согласно части 1 статьи 81 Закона “наемный работник (кроме наемного работника работодателя, освобожденного от обязанности налогового агента) представляет заявление через работодателя. Лицо, указанное в настоящей части, прекращает уплату социального взноса ... с 1 числа месяца, следующего за месяцем представления соответствующего заявления”. Фактически 1 числом месяца, следующего за месяцем представления заявления, является 1 августа, а вопрос месяца июля открыт и не урегулирован”.

Закон РА “О внесении изменения в Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” ЗР-67-Н вступил в силу 01.07.2014 г. Часть 1 статьи 81 действующего Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” устанавливает, что право лица на отказ от обязанности по уплате социального взноса распространяется на период со дня вступления этого Закона в силу до 1 июля 2017 года. В то же время в пункте 1 части 1 той же статьи установлено, что “лицо, указанное в настоящей части, прекращает уплату социального взноса ... с 1 числа месяца, следующего за месяцем представления соответствующего заявления”. Таким образом, с

одной стороны, законодатель предоставляет возможность лицу воспользоваться правом на отказ от обязанности по уплате социального взноса и освободиться на основании этого от обязанности по уплате социального взноса с момента вступления Закона в силу, а именно с 1 июля 2014 г., а с другой стороны, устанавливает, что уплату социального взноса прекращает с 1 числа месяца, следующего за месяцем представления соответствующего заявления, которым в лучшем случае может быть 1 августа. **В результате период освобождения от обязанности по уплате социального взноса сокращается - без учета июля.** Следовательно, при внесении соответствующих изменений необходимо было установить такие регламентирования, которые дали бы возможность лицам полноценно воспользоваться правом на отказ от обязанности по уплате социального взноса и освободиться на основании этого от обязанности по уплате социального взноса с момента вступления Закона в силу, а именно с 1 июля 2014 г. Конституционный Суд находит, что **сложившаяся ситуация должна быть исправлена законодателем, чтобы обеспечить возможность освобождения лиц, которые представили соответствующее заявление в течение июля 2014 г., от обязанности по уплате социального взноса также за июль.**

В заявлении также отмечается: “Согласно части 3 статьи 43 Закона оператору счета предоставлено право устанавливать и взимать плату за заявления участников, которая не может превышать общую сумму производимых с этой целью расходов и разумной прибыльности”. Примечательно, что Законом не только не устанавливается структура расходов или какой-либо критерий, но и понятие “разумная прибыльность” не может восприниматься и измеряться однозначно. Во-первых, не всем употребляемым в Законе понятиям должно быть дано определение, изложенное по правовым морфологическим правилам. Во-вторых, правовое содержание закрепленных в частях 1 и 3 статьи 43 Закона терминов соответственно “разумная доходность” и “разумная прибыльность” нужно рассматривать в том контексте, что в данном случае разумный характер доходности, прибыльности необходимо оценить в каждом случае, в соответствии с обстоятельствами, характеризующими данную конкретную ситуацию, не только по формально-правовым, но и финансово-экономи-

ческим и иным критериям, не нарушая те принципы, средства и формы правового регулирования, которые предусмотрены в являющемся предметом спора Законе. Конституционный Суд находит, что предусмотрение в Законе термина “разумный” само по себе не вызывает проблем с точки зрения принципа правовой определенности, однако надо заметить, что для проверки разумного характера прибыли, дохода необходимо учитывать ту объективную ситуацию, в рамках которой последние стали предметом оценки и учета. Тем не менее в конкретной ситуации при возникшем разногласии относительно содержания являющихся предметом спора терминов необходимо руководствоваться также созвучно данным Европейским судом по правам человека в рамках содержания термина “разумный” понятия “разумный срок” правовым позициям настолько, насколько последние по своей сути будут совместимы и применимы к конкретным фактическим обстоятельствам.

Кроме этого, согласно части 2 статьи 43 Закона: “**Максимальный размер платы** за услуги держателя реестра участников устанавливается договором, заключенным между Правительством Республики Армения и держателем реестра участников”. Это правовое регулирование выступает в качестве правовой гарантии сдерживания несоразмерного, необоснованного и дискреционного восприятия в конкретной ситуации термина “разумная доходность”, следовательно, является также правовым ориентиром для субъектов данных регулируемых законом общественных отношений в аспекте планирования и осуществления ими своих возможных действий.

9. Предметом спора является также то обстоятельство, что, согласно заявителю, Закон РА “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы” ЗР-75-Н содержит декларативные положения, которые не влекут правовых последствий. Итак, часть 1 статьи 1 Закона РА “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников пенсионной составляющей накопительной системы” закрепляет: “Накопительные отчисления для (в пользу) участника могут использоваться исключительно в исходящих из пенсионной системы целях”. В пункте

30 обращения заявитель отмечает: "...ни в одном из оспариваемых актов нет выражения "исходящая из пенсионной системы цель".

Конституционный Суд считает необходимым констатировать, что заявитель, оспаривая Закон РА "О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы" ЗР-75-Н, по существу поднимает не вопрос конституционности Закона в целом, а вопрос конституционности закрепленного в части 1 статьи 1 Закона выражения "исходящая из пенсионной системы цель". **Во-первых**, заявитель упоминает то требование Закона РА "О правовых актах", согласно которому в закон не могут включаться статьи, которые не влекут правовых последствий. Фактически поднимается вопрос в связи с соотношением являющегося предметом рассмотрения Закона и Закона РА "О правовых актах", что по своему характеру не влечет конституционного спора. **Во-вторых**, в этом правовом регулировании нет правовой неопределенности, так как цели пенсионной системы могут раскрыться из анализа правовых регламентирований сферы, к которой они относятся, а также из самой логики пенсионной системы, которая, по сути преследует конституционно оправданную цель обеспечения благополучия лиц, достигших пенсионного возраста: с одной стороны, реализации права достигших пенсионного возраста лиц на социальное обеспечение на основании принципа солидарности, с другой стороны, гарантирования права каждого на социальное обеспечение на основании накопительного принципа в соответствии с проделанным им трудом и степенью инвестирования в систему. **В-третьих**, статья 1 Закона РА "О государственных пенсиях" касается пенсионной системы РА, устанавливая также входящие в нее составные элементы. Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-967 констатировал: "...содержание отдельных понятий закона не может быть самодостаточным. Их необходимо рассматривать в системной целостности правового регулирования в целом". Выражение "исходящая из пенсионной системы цель" также не может быть самодостаточным, его надо воспринимать как часть целого, рассматривая только в рамках общей логики, как единое и гармоничное целое.

В преамбуле к Закону РА “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы” закреплено, что “целью настоящего Закона является закрепление неприкосновенности собственности в отношении паев обязательного пенсионного фонда, приобретенных за счет накопительных отчислений, уплаченных для (в пользу) лиц, уплачивающих социальный взнос, установление дополнительных гарантий защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей, установление непрерывности обеспечения их защиты в предусмотренных законом случаях объявления чрезвычайного положения с целью обеспечения положений Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях”. Заявитель отмечает, что одним из стержневых выражений этого определения является словосочетание “предусмотренное законом чрезвычайное положение”, которое не только каким-то образом не определено или не описано, но также отсутствуют регулирование возникновения этого положения и его правовое последствие. Вместе с тем не указывается какая-либо норма Конституции, которой предположительно противоречит являющееся предметом спора положение. Кроме этого, незакрепление Законом того или иного выражения в преамбуле Закона не может повлечь вопрос противоречия этого Закона Конституции РА, так как сама преамбула в первую очередь имеет преимущественно аксиологическую функцию. В то же время в Республике Армения действует Закон РА “О правовом режиме чрезвычайного положения”, в котором раскрывается правовой термин “чрезвычайное положение”, то есть правовое, содержательное толкование данного вопроса по необходимости должно осуществляться компетентным субъектом, исходя из принципа единства правовой системы РА.

В качестве пробела правового регулирования оспаривается также то, что, согласно заявителю, “... законодатель не установил порядок представления в налоговый орган и принятия им заявлений об отказе от обязанности по уплате социальных взносов”.

Согласно первому предложению части 1 статьи 81 Закона “лицо имеет право на период между вступлением настоящего Закона в силу и до 1 июля 2017 года отказаться от обязанности по уплате социального взноса

по представлению соответствующего заявления в налоговый орган до 25 декабря 2014 года”. Настоящим положением законодатель предоставил лицу право отказаться от обязанности по уплате социального взноса на определенный период, устанавливая условия и порядок осуществления этого права, а именно наличие соответствующего заявления и представление его в налоговый орган. Для обеспечения установленного упомянутой правовой нормой права лица Правительство РА 31.07.2014 г. приняло Постановление “О внесении изменений и дополнений в Постановление Правительства Республики Армения от 20 декабря 2012 года N 1676-Н” N 826-Н, которым установлен порядок представления в налоговый орган заявлений об отказе от обязанности по уплате социального взноса и о возобновлении уплаты социального взноса. Учитывая отмеченные обстоятельства, Конституционный Суд констатирует, что частью 1 статьи 81 Закона установлены условия и порядок осуществления права, а упомянутым Постановлением Правительства РА – порядок представления в налоговый орган заявлений, являющихся необходимым и обязательным составным элементом реализации этого права, то есть порядок реализации установленного Законом правового регулирования.

10. Предметом спора считается также вопрос приведения предоставленных Правительству РА полномочий в соответствие с требованиями статьи 83.5 Конституции РА в рамках правового регулирования Закона. Конституционный Суд РА в пункте 12 своего Постановления ПКС-1142 отметил, что: “...пунктом 6 части 1 статьи 2 и статьей 44 Закона, являющегося предметом рассмотрения, эта компетенция в рамках установления количественных и валютных ограничений, а также в части установления порядка и условий распоряжения и управления гарантийным фондом предоставлена Правительству Республики Армения. Здесь заслуживает внимания и то, что Правительство устанавливает также условия **распоряжения** этим фондом. Распоряжение предполагает также право на определение юридического статуса или судьбы имущества. Средства фонда признаны собственностью граждан законом, однако условия распоряжения собственностью устанавливаются не законом, а Правительством. Подобное регламентирование не следует из требований пункта

1 статьи 83.5 и пункта 3 статьи 89 Конституции Республики Армения”.

В результате, положение пункта 6 части 1 статьи 2 “...порядок и условия распоряжения ... которыми устанавливаются Правительством Республики Армения” и часть 1 статьи 44 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” признаны противоречащими требованиям пункта 1 статьи 83.5 Конституции Республики Армения и недействительными.

Конституционный Суд РА констатирует, что в рамках нынешнего правового регулирования статья 39 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” регулирует правовые регулирования в связи с ограничениями инвестирования активов обязательных пенсионных фондов, более не предоставляя Правительству РА правомочие по регламентированию количественных и валютных ограничений инвестирования активов обязательных пенсионных фондов. А частями 9-11 статьи 47 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” установлены правовые регулирования в связи с порядком и условиями распоряжения и управления гарантийным фондом, в результате чего регламентирование порядка и условий распоряжения и управления гарантийным фондом не является компетенцией Правительства РА и подлежит регулированию законом.

Учитывая вышеотмеченное, Конституционный Суд констатирует, что выраженные в его Постановлении ПКС-1142 правовые позиции в этом контексте учтены, и установленными новыми правовыми регулированиями вышеперечисленные вопросы урегулированы законом.

11. Конституционный Суд РА своим Постановлением ПКС-1142 признал положение части 4 статьи 41 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” “требования, предъявляемые системе управления рисками, устанавливаются нормативными правовыми актами Центрального банка” противоречащим требованиям пункта 1 статьи 83.5 Конституции Республики Армения и недействительным. Обращаясь к конституционности этого положения, упомянутым Постановлением Конституционный Суд констатировал:

- статьей 41 Закона Республики Армения “О накопительных пенси-

ях” установлено: “Требования, предъявляемые системе управления рисками, устанавливаются нормативными правовыми актами Центрального банка”;

- отмечается важность регламентирования законом требований, предъявляемых системе управления рисками, основных принципов, а также основных рамок ограничений инвестирования активов накопительного фонда.

В условиях нынешних правовых регулирований “Минимальные требования к внутреннему контролю управляющего инвестиционным фондом и системе управления рисками” /регламент 10/16/, установленные решением Совета Центрального банка республики Армения от 27 декабря 2013 г. номер 324-Н, в целом уже получили свое закрепление в Законе Республики Армения “О накопительных пенсиях”, в частности в статье 36. В этом аспекте определенным образом **реализованы правовые позиции, выраженные Постановлением Конституционного Суда РА**. Одновременно **игнорировано то обстоятельство**, что Конституционный Суд, обращаясь к упомянутому решению Совета Центрального банка Республики Армения, отметил, что “... в содержательном аспекте документ также далек от требований Закона Республики Армения “О правовых актах”, в частности его статьи 45, построен на пожеланиях, исходящих из оборотов “должно”, “необходимо”, и не содержит конкретных гарантий обеспечения надежности системы”. То есть установленные упомянутым решением Совета Центрального банка Республики Армения правовые регулирования при переносе в общем в плоскость регламентирования закона в содержательном аспекте не подверглись изменению, сохранив обороты “должно”, “необходимо”, к чему законодательный орган должен обратиться в рамках своей компетенции.

Заявитель отмечает также, что “... требованиям статьи 83.5 Конституции не соответствует часть 3 статьи 37 Закона, согласно которой Центральный банк может принимать нормативно-правовые акты, которые установят дополнительные требования для управляющих пенсионными фондами. Такое же несоответствие имеется в частях 5 и 6 статьи 62, части 7 статьи 63, пункте 6 части 3 статьи 67, части 1 статьи 68 Закона, когда

Центральному банку предоставлено право установить более строгие требования, отличающиеся от требований Закона”. Анализируя данные положения, Конституционный Суд приходит к выводу, что за исключением части 1 статьи 68 Закона, остальные правовые положения не создают проблем с точки зрения требований статьи 83.5 Конституции, так как установленные отмеченными нормами регулирования непосредственно не касаются условий и порядка осуществления и защиты прав физических и юридических лиц, а регулируют такие связанные главным образом с деятельностью управляющих пенсионными фондами, страховых компаний, банков вопросы, которые касаются реализации требований Закона.

Иная ситуация в случае части 1 статьи 68 Закона, которая гласит: “Активы добровольного пенсионного фонда могут инвестироваться в финансовые инструменты, перечисленные в статье 67 настоящего Закона, в рамках количественных и валютных ограничений, установленных Центральным банком”.

Пунктом 1 статьи 83.5 Конституции Республики Армения определено, что исключительно законами Республики Армения устанавливаются условия и порядок осуществления и защиты прав физических и юридических лиц. Ясно, что данное конституционное положение касается всех прав лиц. Тогда как частью 1 статьи 68 Закона это правомочие в рамках установления количественных и валютных ограничений предоставлено Центральному банку Республики Армения. Причем, учитывая требования Постановления Конституционного Суда РА ПКС-1142, ограничения, предусмотренные частями 1-7 статьи 39 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях”, установлены законом, и часть 1 статьи 68 также должна быть созвучна этому.

12. Конституционный Суд РА своим Постановлением ПКС-1142 признал часть 1 статьи 49 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” противоречащей требованиям статьи 1, части 2 статьи 3 и пункта 1 статьи 83.5 Конституции Республики Армения и недействительной, исходя из обстоятельства незакрепления конкретных гарантий защиты прав, равноценных требованиям принципов верховенства права и правовой определенности, и неуточнения границ усмотрения испол-

нительной власти в данных правоотношениях. В пункте 14 этого Постановления Конституционный Суд обратился к вопросу индексации или уточнения по годовой инфляции имеющихся в фонде паев. Конституционный Суд, в частности, отметил: “Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” фактически обошел эту проблему, не предусмотрев Законом равноценные правовые гарантии обеспечения уточнения по годовой инфляции суммы накопительных взносов”.

В качестве правовой гарантии часть 2 статьи 44 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” устанавливает: “Порядок уточнения по годовой инфляции социальных взносов, предусмотренных настоящей частью, **устанавливается приложением, являющимся составной частью настоящего Закона**”. То есть, если согласно прежнему правовому регулированию порядок уточнения по годовой инфляции суммы накопительных взносов устанавливало Правительство Республики Армения, то по нынешнему правовому регулированию он устанавливается законом, в частности являющимся составной частью Закона приложением. В приложении, в числе прочих вопросов, установлено, что инфляционная корректировка социальных взносов, уплаченных участником за весь период произведения социальных взносов, рассчитывается по формуле, которая также включена в приложение.

Заявитель констатирует, что “...индексируется только социальный взнос накопительного взноса (который формируется из итоговой суммы социального взноса и суммы, отчисляемой из государственного бюджета), а сумма, перечисленная из государственного бюджета на счет управляющего, индексации не подлежит. Это не только неполный подход, но он также существенно снижает общественное доверие к накопительной системе, игнорируя конституционный принцип равноценной защиты права собственности и правовые позиции Конституционного Суда”.

Часть 1 статьи 44 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” устанавливает: “Республика Армения гарантирует возвратность участнику накопительных отчислений в пользу лица, указанного в пункте 1 части 1 статьи 5 настоящего Закона, в уточненном годовой инфляцией размере социальных взносов, произведенных согласно статье 6 настоящего Закона”.

Согласно пункту 21 части 1 статьи 2 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” **накопительное отчисление** — денежное отчисление, уплачиваемое за (в пользу) лицо, уплачивающее социальный взнос с целью приобретения паев обязательного пенсионного фонда согласно установленным настоящим Законом правилам, которое формируется из этих **социальных взносов и средств, предоставляемых из государственного бюджета Республики Армения** согласно настоящему Закону, а согласно пункту 36 той же части социальный взнос — целевой взнос, уплачиваемый в государственный бюджет Республики Армения в порядке и размере, установленном настоящим Законом. Статья 6 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” устанавливает объект и ставки расчета социального взноса, а вопросы в связи с накопительными отчислениями из государственного бюджета Республики Армения урегулированы статьей 9 Закона. Кроме этого, часть 1 статьи 13 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” устанавливает: “**Пай обязательного пенсионного фонда** является номинальной **ценной бумагой**, выпускаемой в социальных целях, которая свидетельствует о праве ее владельца (гражданина) на получение накопительной пенсии в установленном настоящим Законом порядке”. А с целью приобретения пая пенсионного фонда, то есть номинальной ценной бумаги осуществляются **накопительные отчисления**. Получается, что согласно части 1 статьи 44 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” гарантируется возвратность участнику не **накопительных отчислений, а только накопительных взносов**. При установлении статьей 45 Закона размера возмещения накопительных отчислений за основу принят тот же подход.

Конституционный Суд находит, что подобный подход не имеет оправданного основания, учитывая также ту выраженную в Постановлении Конституционного Суда ПКС-1142 правовую позицию, согласно которой “вопрос в том, что между формированием необходимых для пенсии средств и реализацией права социального обеспечения имеется влияние фактора времени. При его неучтении невозможно будет накопить необходимые средства и гарантировать реализацию права лиц на социальное обеспечение. Кроме этого, **уточнение по годовой инфляции всей сум-**

мы накопительных взносов преследует цель защиты права на получение назад всей этой суммы и является предметом регулирования закона". Имеющееся правовое регулирование не гарантирует гармонию цели пенсионных реформ и правомерных ожиданий пенсионера, не следует из требований последовательной реализации принципа верховенства права, лишает смысла принятие государством в сфере социального обеспечения позитивной обязанности по укоренению возможной надежной пенсионной системы, сеет недоверие ко всему процессу.

13. В пункте 17 своего Постановления ПКС-1142 Конституционный Суд выразил правовую позицию, согласно которой "... глава 9 Закона Республики Армения "О накопительных пенсиях", озаглавленная "Платежи за услуги", регламентирует эти правоотношения. Однако установление максимального размера расходов, связанных с управлением пенсионным фондом, предоставлено Центральному банку Республики Армения /часть 1 статьи 45/. В отдельных странах максимальный размер расходов, связанных с управлением пенсионным фондом, также устанавливается законом. В Республике Армения он также может быть установлен законом или стать предметом регламентирования в рамках договорных обязательств между Правительством Республики Армения и пенсионным фондом". Несмотря на эту позицию Конституционного Суда РА, установление максимального размера расходов в связи с управлением пенсионным фондом также 1 статьи 40 Закона Республики Армения "О накопительных пенсиях"). То есть выраженная в пункте 17 Постановления ПКС-1142 правовая позиция еще не реализована. Конституционный Суд еще раз акцентирует то обстоятельство, что максимальный размер расходов в связи с управлением пенсионным фондом может устанавливаться только законом или стать предметом регламентирования в рамках договорных обязательств между Правительством Республики Армения и пенсионным фондом. Что касается вышеупомянутой функции Центрального банка РА, то в рамках упомянутого регламентирования законодатель обязан руководствоваться требованиями статей 83.3 и 83.5 Конституции РА.

14. Заявитель констатирует, что Закон Республики Армения “О внесении изменений в Закон Республики Армения “О подоходном налоге” ЗР-71-Н не обратился к предусмотренным статьей 6 Закона РА “О подоходном налоге” вопросам вычетов из доходов в размере минимального бюджета жизнеобеспечения, необложения налогом минимальной заработной платы и социального взноса.

К вопросам в связи с минимальной заработной платой Конституционный Суд РА обратился в пункте 11 своего Постановления ПКС-1142.

Статьей 1 Закона Республики Армения “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О минимальной месячной заработной плате” (ЗР-74-Н) статья 4 Закона Республики Армения “О минимальной месячной заработной плате” от 17 декабря 2003 года ЗР-66-Н после слова “налоги,” дополнена словами “целевые социальные выплаты”. Причем согласно статье 4 действующего Закона Республики Армения “О минимальной месячной заработной плате” “в минимальную месячную заработную плату не входят налоги, выплачиваемые из заработной платы, **целевые социальные выплаты**, надбавки, доплаты, премии и иные поощрительные выплаты”. То есть после принятия Постановления Конституционного Суда РА в упомянутый Закон внесено соответствующее дополнение, которым установлено, что **целевые социальные выплаты также не входят** в размер минимальной месячной заработной платы. Следовательно, нужно констатировать, что вопрос в связи с налогообложением минимальной месячной заработной платы преодолен в рамках данного правового регулирования.

15. Конституционный Суд находит, что аргументы относительно отчуждения позитивного обязательства государства и установления для гражданина несоразмерного обязательства нельзя считать обоснованными, учитывая то обстоятельство, что социальное обеспечение, помимо того, что является правом лица, также является целевой конституционно-правовой функцией, обусловленной и гарантированной позитивным обязательством государства. В связи с этим Конституционный Суд в Постановлении ПКС-1142 выразил следующую правовую позицию: “Одной из основных особенностей гарантирования, обеспе-

чения и защиты права социального обеспечения является то, что на основании конституционного положения (ст. 37) объем и формы социального обеспечения устанавливаются законом. Из конституционного правового регулирования становится ясно, что на усмотрение законодателя оставлен как вопрос количественной определенности объема социального обеспечения, так и вопрос выбора его форм. В данной области, исходя из требований основополагающих принципов соразмерности и пропорциональности, рамки усмотрения обуславливаются, с одной стороны, социально-экономическими возможностями государства, с другой стороны, требованиями конституционного характера социального государства”.

Надо иметь в виду, что объем установленных для участников обязанностей в рамках накопительной пенсионной системы определяется, исходя из ряда обстоятельств: социально-экономических возможностей государства, требований конституционной сути социального государства, разумного соотношения между текущим и перспективным жизнеобеспечением участника накопительной пенсионной системы и т.д.

Кроме того, оспариваемый Закон предусматривает, что государство, исполняя в рамках накопительной пенсионной системы свое позитивное обязательство по гарантированию права лица на социальное обеспечение, до достижения лицом пенсионного возраста уплачивает за (в пользу) участника накопительной пенсионной системы накопительные отчисления. Об этом свидетельствует часть 2 статьи 9 Закона ЗР-244-Н, согласно которой “накопительные отчисления за (в пользу) лиц, установленных пунктом 1 части 1 статьи 5 настоящего Закона, до достижения ими пенсионного возраста уплачиваются в следующих размерах:

1) в размере 10 процентов с месячного валового дохода — в размере итоговой суммы социальных взносов, исчисленных и перечисленных (взысканные) с месячного валового дохода, и соответствующих средств (максимум 25000 драмов), выделяемых из государственного бюджета Республики Армения с целью дополнения 10 процентов, но не более 10 процентов от максимального месячного порога объекта исчисления социального взноса;

2) в размере 10 процентов с предпринимательского дохода — в раз-

мере итоговой суммы социальных взносов, исчисленных и перечисленных (взысканные) с предпринимательского дохода, и соответствующих средств (максимум 300 000 драмов), выделяемых из государственного бюджета Республики Армения с целью дополнения 10 процентов, но не более 10 процентов от максимального годового порога объекта исчисления социального взноса;

3) в размере 10 000 драмов ежемесячно — по части видов деятельности, облагаемых фиксированными платежами, установленными Законом Республики Армения “О фиксированных платежах”, либо включенных в перечень Приложения 7 к Закону Республики Армения “О патентных платежах”, либо облагаемых налогом с оборота, установленного Законом Республики Армения “О налоге с оборота”;

4) в размере социальных взносов, исчисленных со считающихся объектом исчисления социального взноса доходов, представленных на основании персонифицированного (упрощенного) расчета и не предусмотренных пунктами 1, 2 и 3 настоящей части”.

16. Заявитель находит, что срок до 25 декабря 2014 года, предусмотренный для реализации права отказа от социальных взносов до 1 июля 2017 года, – очевидно несоразмерный период времени, фактическое пользование этим правом становится невозможным и приводит к нарушению принципов правовой определенности и верховенства права.

Конституционный Суд констатирует, что конституционно-правовые принципы правовой определенности и верховенства права не только не отрицают, но и предполагают, чтобы для реализации определенных прав законодатель предусмотрел отдельные правовые условия, в данном случае – сроки. Целесообразность предусмотрения определенного срока для реализации этого права, установления порядка пользования этим правом находится в рамках компетенции законодателя, и поднятый вопрос не имеет никакого отношения к конституционности оспариваемых положений.

Касательно вопроса выборочного, дифференцированного порядка предоставления возможности реализации права на отказ от социальных взносов заявитель рассматривает две отдельные ситуации дифференцированного подхода:

1) дифференцированный подход к лицам, вошедшим в рынок труда после истечения срока, предусмотренного для отказа от социальных взносов, и к лицам, находящимся в трудовых отношениях в течение указанного срока;

2) дифференцированный подход к публичным служащим, наемным работникам государственных управленческих учреждений и общинных управленческих учреждений, их структурных и обособленных подразделений, Центрального банка, государственных некоммерческих и общинных некоммерческих организаций и к остальным участникам накопительной пенсионной системы.

Вышеотмеченные вопросы необходимо рассмотреть в свете статьи 14.1 Конституции РА, выраженных Конституционным Судом правовых позиций относительно дискриминационного отношения и прецедентного права Европейского суда по правам человека. Так, относительно конституционности дифференцированного, дискриминационного отношения к лицу Конституционный Суд выразил следующие правовые позиции:

а) статья 14.1. Конституции РА закрепляет принцип равенства всех перед законом. В соответствии с требованиями этой статьи позитивная конституционная обязанность государства – обеспечить такие условия, которые **предоставят** лицам, имеющим одинаковый статус, **равную возможность реализовать**, а в случае нарушения – защитить свои права, в противном случае будут нарушены не только конституционные принципы равенства, запрета дискриминации, но и верховенства права и правовой определенности (ПКС-731, 29 января 2008 г.);

б) в рамках принципа запрета дискриминации Конституционный Суд считает дозволительным любой дифференцированный подход, обусловленный объективным основанием и правомерной целью. Принцип запрета дискриминации не означает, что любой дифференцированный подход к лицам одной и той же категории может превратиться в дис-

криминацию. Нарушением принципа запрета дискриминации является такой дифференцированный подход, который лишен объективного основания и правомерной цели (ПКС-881, 4 мая 2010 г.);

Подобные правовые позиции выразил также Европейский суд по правам человека (см., в частности, *Stec and Others v. the United Kingdom* [GC], nos. 65731/01 and 65900/01, § 51, ECHR 2006-VI и *Carson and Others v. the United Kingdom* [GC], no. 42184/05, ECHR 2010).

Сопоставив описанную заявителем первую ситуацию дифференцированного подхода, необходимо отметить, что предусмотренное оспариваемыми положениями правовое регулирование не может привести к дискриминации, исходя из социального статуса. Дифференцированный подход к лицам, вошедшим в рынок труда после истечения срока, предусмотренного для отказа от социальных взносов, и к лицам, находящимся в трудовых отношениях в течение вышеотмеченного срока, обусловлен ограничением срока реализации права на отказ от социальных взносов, что может считаться объективным основанием, а также предусмотрение такого дифференцированного подхода преследует правомерную цель.

Касательно указанной заявителем второй ситуации проявления дифференцированного подхода необходимо, во-первых, отметить, что предусмотренное оспариваемым положением регулирование, согласно которому правом на отказ от социальных взносов не могут воспользоваться лица определенной категории, которые в основном являются работниками публичного сектора, это право предоставлено выборочно, однако в его основу однозначно положено определенное объективное основание, и правовое регулирование преследует правомерную цель. Работники публичного и частного секторов не могут считаться лицами одной и той же категории, исходя из особенностей их сфер труда, источников формирования заработной платы и ряда других обстоятельств. 1 июля 2014 года вступил в силу Закон РА “Об оплате лиц, занимающих государственные должности”, в силу которого зарплата государственных служащих повысилась, и обязательство по уплате социальных взносов не приведет к существенным отрицательным изменениям их уровня жизни, и ограничение права на отказ от социальных взносов для этой катего-

рии лиц при гарантиях, предусмотренных вышеотмеченными законодательными изменениями, с точки зрения конституционности, не создает проблем. Иное дело, если бы государство не осуществило свое обязательство, обусловленное требованием части 2 статьи 48 Конституции РА.

17. Заявитель связывает вопрос о запрете применения обратной силы закона с правовыми регулированиями относительно возврата исчисленных в течение шести месяцев накопительных взносов, аргументируя, что Национальное Собрание РА 15 мая 2014 года приняло состоящий из пяти статей Закон ЗР-13-Н, статьей 3 которого было предусмотрено, что работодатель для (от имени) установленных статьей 5 Закона участников - наемных работников и участников, получающих договорный доход, накопительные взносы не исчисляет и не перечисляет, если участник представляет работодателю заявление лично в руки или по почтовой доставке. В результате, заявитель находит, что лицо, пользуясь этой возможностью, уже обратилось для реализации своего предусмотренного Законом права на неуплату обязываемого взноса, однако оспариваемыми актами фактически лишается этого права, что получает обратную силу для наемных работников, родившихся в 1996 г. и после, наемных работников, не находящихся в наемных трудовых отношениях по состоянию на 1 июля 2014 г., а также публичных служащих, наемных работников государственных управленческих учреждений и общинных управленческих учреждений, их структурных и обособленных подразделений, Центрального банка, государственных некоммерческих и общинных некоммерческих организаций.

Закон ЗР-13-Н, на который ссылается заявитель, утратил силу 1 июля 2014 года. Правовое регулирование относительно наемных работников, родившихся в 1996 г. и после, предусмотрено **в части 5 статьи 81 Закона РА ЗР-244-Н, озаглавленной “Переходные положения”, согласно которой** “5. Сумма социального взноса, уплачиваемого указанным в пункте 2 части 2 настоящей статьи лицом, рожденным 1 января 1996 года или после этого, до 1 июля 2017 года убавляется от суммы подоходного налога, подлежащего уплате им”.

А в пункте 2 части 2 вышеотмеченной статьи 2 речь идет о тех лицах, родившихся после 1 января 1974 года, получивших статус наемного работника, назначенных на должность нотариуса, ставших индивидуальным предпринимателем после 1 июля 2014 года, которые по состоянию на 1 июля 2014 года не являлись наемным работником, нотариусом или индивидуальным предпринимателем.

В связи с аргументами относительно обратного применения положений Закона к этим лицам Конституционный Суд констатирует, что принцип запрета обратной силы может касаться только тех случаев, когда правовой статус лица, находящегося в уже урегулированных законом отношениях, имеющего определенные права и обязанности, вследствие изменения закона ухудшается, оно лишается прав или в силу этих правоотношений реализация его права ограничивается.

18. По мнению заявителя, несоразмерно также предусмотренное частью 7 статьи 81 Закона РА ЗР-244-Н положение, согласно которому положения относительно смены пенсионных фондов, наследования паев пенсионных фондов, а также положения относительно получения имеющихся на пенсионном счете средств вступают в силу с 1 июля 2015 года. Согласно заявителю, явно отсрочив реализацию лицом права на владение, пользование и распоряжение своей собственностью, упомянутое положение Закона не предусматривает какой-либо разумной компенсации за указанный период. Согласно заявителю, то же касается и части 13 статьи 81 того же Закона, согласно которой порядок перерасчета обязательств по непогашенным накопительным взносам или частично уплаченным накопительным взносам в результате правоотношений, возникших после 1 января 2014 года, устанавливает государственный уполномоченный орган Правительства Республики Армения в финансовой сфере. Обязательства по непогашенным накопительным взносам или частично уплаченным накопительным взносам в результате правоотношений, возникших после 1 января 2014 года, перерасчитываются до 31 декабря 2014 года.

Конституционный Суд находит, что установление срока вступления в силу того или иного положения находится в рамках компетенции

законодателя, однако отсрочка действия закона не должна привести к неправомерному ограничению прав и свобод лица. Следовательно, эти регулирования нужно рассматривать в первую очередь с точки зрения ограничения права собственности в свете правовых позиций Конституционного Суда.

Так, Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-1073 выразил правовую позицию, согласно которой осуществление права собственности учредитель Конституции увязывает с требованием охраны определенных публичных ценностей. Ими являются окружающая среда, права и законные интересы **других лиц**, общества и государства. Такой подход призван обеспечить разумный баланс между правами и публичными интересами собственника и иных лиц, признав осуществление права лица на собственность гарантированной, но не абсолютной.

Предусмотренное оспариваемой нормой ограничение реализации права собственности правомерно со следующей мотивировкой: это правовое регулирование временно ограничивает реализацию права собственности участников, исходя из необходимости защиты прав и законных интересов других участников накопительной пенсионной системы, которые, возможно, не выразили желания получить обратно уплаченные ими накопительные взносы. Собранные в пенсионных фондах накопительные взносы инвестируются в предусмотренные Законом активы, например, в срочные вклады или ценные бумаги, и в случае их непосредственной реализации другие участники пенсионной системы понесут значительные убытки, так как будут вынуждены продать активы по цене, ниже ожидаемой, или например, в случае со вкладами потерять уже исчисленные проценты по вкладам.

Обращаясь к поднятому заявителем вопросу об отсутствии какой-либо разумной компенсации за указанный период, необходимо отметить, что в случае возникновения вопросов о наследовании в период с 1 июля 2014 года до 1 июля 2015 года наследники могут получить причитающиеся им суммы, начиная с 1 июля 2015 года, и эти суммы будут включать также доходы, полученные от их инвестирования в течение вышеотмеченного периода, что может считаться разумной компенсацией за этот период.

19. В аспекте обеспечения соответствующих гарантий защиты конституционных прав человека Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-1142 посчитал необходимым подчеркнуть, что за правонарушения, характерные правовым регулированием закона, необходимо установить конкретные и дифференцированные подходы правовой ответственности (уголовной, гражданской, административной). Заявитель констатирует, что Конституционный Суд РА подчеркнул, что ставший предметом рассмотрения Закон обратился к этим вопросам главным образом в рамках обеспечения контрольных полномочий Центрального банка Республики Армения (статьи 77-84). Однако наряду с применением Закона не были внесены соответствующие изменения также в другие правовые акты, предусматривающие правовую ответственность. В частности, Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях Республики Армения на практике обошли эту проблему. А положение части 1 статьи 968.9 Гражданского кодекса Республики Армения, согласно которому “убытки, причиненные участникам пенсионного фонда, возмещаются в порядке, установленном законом и иными правовыми актами”, больше имеет абстрактный характер. В то время как четкое регламентирование ответственности в этой сфере могло бы стать важной гарантией доверия к системе. Большое значение этому вопросу придается также в международной практике. Это констатировано в Постановлении ПКС-1142, которым Конституционный Суд в связи с этим также отметил, что “...внимания заслуживают примеры Словении и Румынии. А в США финансовые правонарушения, связанные с пенсионными фондами, по закону считаются **особо тяжкими преступлениями**, и для них устанавливается наказание в виде лишения свободы сроком на 20 лет и больше”. Учитывая то положение части 1 статьи 13 Закона РА “О накопительных пенсиях”, согласно которому пай обязательного пенсионного фонда является номинальной ценной бумагой, выпускаемой в социальных целях, и второе предложение части 2 той же статьи, согласно которому паи обязательного пенсионного фонда с момента их приобретения государством являются собственностью участника, Конституционный Суд констатирует, что на паи пенсионных фондов распространяются предусмотренные гражданским и уголовным законодательством общие механизмы, направленные на

защиту собственности и ценных бумаг. Одновременно Конституционный Суд РА обращает внимание на то обстоятельство, что в Постановлении ПКС-1142 Конституционный Суд указал на целесообразность разработки “конкретных и дифференцированных мер ответственности”. Следовательно, Конституционный Суд находит, что выраженные в Постановлении ПКС-1142 вышеотмеченные правовые позиции нашли свое отражение в рамках законодательства РА частично, что, однако, не влечет к противоречию являющихся предметом спора Законов Конституции РА, так как исполнение указанных правовых позиций Конституционного Суда требует системных изменений, которые должны найти место также в соответствующих правовых актах гражданско-правовой, административно-правовой и уголовно-правовой сфер. Выраженная Конституционным Судом правовая позиция была адресована Национальному Собранию РА и призвана посредством системного подхода обеспечить эффективное действие накопительной пенсионной системы. Она еще полностью не реализована и по-прежнему злободневна.

20. Заявитель находит, что оспариваемые акты в многочисленных случаях не соответствуют также правилам законодательной техники. Заявитель, в частности, указывает на факт принятия одним правовым актом о внесении изменений и дополнений принципиально нового закона, а также на то обстоятельство, что в результате изменений ряд норм изменен, однако сохранил те же номера. Заявитель находит также, что в силу этих аргументов встает проблема правовой неопределенности.

В связи с вышеотмеченным необходимо констатировать, что номер статьи в правовом акте сохраняется в том случае, когда эта статья признается утратившей силу. Однако когда в нее вносятся изменения, в этом случае прежняя статья не признается утратившей силу и закрепляется другая статья, а прежняя статья меняется. Касающиеся поднятой проблемы требования статьи 45 Закона РА “О правовых актах” относятся к утратившим действие разделам, главам, статьям, частям статей, пунктам, подпунктам. Следовательно, те утверждения заявителя, что и при внесении изменений номер прежней редакции статьи должен быть таким же и новая редакция должна закрепляться иной дополнительной статьей,

в рамках существующих правил правовой техники необоснованы. Это же можно сказать и относительно того аргумента заявителя, согласно которому не оспариваемый акт должен был быть изменен, а должен был быть принят новый закон. В связи с этим стоит отметить, что Закон РА “О правовых актах” не предусматривает какое-либо ограничение касательно объема вносимых в правовой акт изменений, следовательно, только тот факт, что оспариваемый Закон был подвергнут объемным изменениям, не может привести к нарушению законодательной техники, тем более к неконституционности этого правового акта. Кроме этого, в данном случае правила законодательной техники в содержательном аспекте не приводят к правовой неопределенности, то есть не лишают лица возможности предвидеть свое поведение и не приводят к противоречиям, влекущим конституционно-правовые последствия.

21. Заявитель оспаривает также то обстоятельство, что новыми правовыми регулированиями не обеспечено триединство уплаты накопительной составляющей работодатель-работник-государство, вследствие чего не было исполнено Постановление Конституционного Суда РА ПКС-1142.

Эта проблема справедливо была акцентирована в рамках Постановления ПКС-1142. В частности, Конституционный Суд РА в связи с этим выразил следующие правовые позиции:

- “в результате, работодатель как непосредственный участник решения проблем социального обеспечения своих работников выводится из этих правоотношений, государство за счет налогоплательщиков берет на себя дополнительные обязательства, возникает нечеткость в вопросе гарантирования предусмотренного статьей 37 Конституции Республики Армения права на социальное обеспечение и претворения в жизнь конституционно-правовых подходов обеспечения предусмотренных статьей 45 предпосылок и гарантий реализации этого права”;
- “Конституционный Суд Республики Армения констатирует, что в международной практике процентное соотношение взносов социального обеспечения, производимых работодателями и работ-

никами, таково, что в основном от половины до двух третей от общих целевых взносов социального обеспечения формируется за счет работодателя. Независимо от особенностей пенсионной системы, опыт многих стран мира (Швеция, США, Великобритания, Франция, Сингапур, Польша, Венгрия, Словения, Хорватия, Словакия и др.) свидетельствует, что сравнительно больший успех зафиксирован в тех странах, где в решении вопроса пенсионного обеспечения участвуют три основных субъекта: государство, работодатель и работник”.

В связи с данной проблемой Конституционный Суд констатирует, что в контексте являющихся предметом рассмотрения Законов вышеотмеченные подходы Конституционного Суда РА не получили равноценных правовых решений. В то же время это само по себе не ведет к противоречию Закона РА “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях” Конституции РА с той мотивировкой, что, во-первых, не предполагается, что настоящая проблема должна была получить правовое закрепление именно этим Законом, а не каким-либо иным правовым актом, посвященным регламентированию данного правоотношения. Во-вторых, Постановлением ПКС-1142 Конституционный Суд не обусловил соответствие Закона РА “О накопительных пенсиях” Конституции РА императивным законодательным закреплением поднятой заявителем вышеупомянутой проблемы. Конституционный Суд этим Постановлением аргументировал отсутствие подобной системы в РА, а также, проанализировав международный опыт, отметил, что “...сравнительно больший успех зафиксирован в тех странах, где в решении вопроса пенсионного обеспечения участвуют три основных субъекта: государство, работодатель и работник”. Конституционный Суд этим Постановлением выразил позицию относительно возможного варианта более эффективного действия накопительной пенсионной системы, а полное разрешение вопроса находится в рамках компетенции Национального Собрания РА. Конституционный Суд, переутверждая данную правовую позицию, находит, что одним из эффективных путей системного разрешения вопроса является обеспечение именно такого гармоничного триединства.

22. Заявитель находит, что не было исполнено Постановление ПКС-1142 в связи с возрастной дискриминацией, так как действующее регламентирование по-прежнему содержит дифференцированный подход, обусловленный определенным возрастным цензом.

Конституционный Суд констатирует, что в резолютивной части Постановления ПКС-1142 отдельные нормы признаны противоречащими Конституции РА и недействительными не на основании возрастной дискриминации. В мотивировочной части Постановления ПКС-1142 Конституционный Суд также не констатировал наличие возрастной дискриминации. Следовательно, не может быть речи о неисполнении Постановления ПКС-1142 на этом основании.

Что касается аргументов заявителя относительно возрастной дискриминации вообще, то следует отметить, что дискриминация имеется в том случае, когда в рамках одинакового правового статуса в отношении того или иного лица или лиц проявляется дифференцированный подход, в частности они лишаются тех или иных прав либо эти права ограничиваются, или они получают привилегии. В являющемся предметом спора случае такая ситуация не может быть констатирована, так как речь идет не об обусловленной возрастом дискриминации в рамках одинакового правового статуса, а о предусмотренных законом правах и обязанностях лиц на основании разного правового статуса, то есть об объективных условиях, имеющих правовое обоснование.

23. Согласно части 10 статьи 9 Закона РА ЗР-244-Н уплачивающее социальный взнос лицо имеет право направить суммы социального пакета на уплату социальных взносов. В этом случае уплачивающее социальный взнос лицо в установленном Правительством Республики Армения порядке в качестве компенсации уплаченных социальных взносов имеет право на единовременное получение остатка, имеющегося на счете социального пакета по состоянию на 1 января текущего года, но не более размера социальных взносов, исчисленных и перечисленных из подлежащей получению за предыдущий год заработной платы и с доходов, полученных от предпринимательской деятельности.

На основании вышеизложенного Конституционный Суд констати-

рует, что направление суммы социального пакета на уплату социальных взносов – предусмотренное Законом право и призвано не ограничивать, а содействовать эффективной реализации прав лица. Что касается того утверждения заявителя, согласно которому этим правом может воспользоваться ограниченное число лиц, необходимо констатировать, что таким правовым регулированием законодательный орган предусмотрел право на социальный пакет для определенной группы лиц, в предусмотренных Законом определенных условиях, и предусматривающая это право правовая норма в такой формулировке не была оспорена в Конституционном Суде РА, не была признана противоречащей Конституции и недействительной.

В связи с этим заявитель находит также, что “...если для социального взноса могут быть использованы отличающиеся от трудовых доходов доходы, то почему ограничивается лишь социальным пакетом и не включает иные доходы, например, дивиденды и проценты, получаемые от заемных средств, или доходы, получаемые от аренды, и т.д.”.

Вышеотмеченная постановка вопроса непосредственно не касается конституционности оспариваемого по данному делу регламентирования, а может быть рассмотрена в рамках другого обращения на основании Конституции РА и Закона РА “О Конституционном Суде”.

24. В связи с являющимися предметом спора процедурными вопросами Конституционный Суд РА в первую очередь констатирует, что требование о проведении общественных обсуждений относительно проектов нормативно-правовых актов предусмотрено Законом РА “О правовых актах”. В частности, согласно части 4 статьи 27.1 указанного Закона “разрабатывающий проект орган, наряду с представлением проекта нормативного правового акта тем, кто оценивает влияние, организует общественные обсуждения проекта, цель которых информирование физических и юридических лиц о проекте нормативного правового акта, а также сбор мнений и на основании этого осуществление работ по необходимой доработке проекта нормативного правового акта. Общественные обсуждения проекта Закона “О государственном бюджете Республики Армения” начинаются в трехдневный срок после представления

проекта Закона “О государственном бюджете Республики Армения” в Национальное Собрание Республики Армения.

Общественные обсуждения проводятся на веб-сайте разрабатывающего проект органа посредством публикации проекта нормативного правового акта, других материалов, предусмотренных постановлением Правительства Республики Армения, а по инициативе разрабатывающего проект органа могут проводиться посредством встреч с публичными или заинтересованными лицами, открытых слушаний, обсуждений, общественных опросов, а также возможными средствами дальней связи.

Срок проведения общественных обсуждений составляет не менее 15 дней.

Порядок организации и проведения общественных слушаний устанавливает Правительство Республики Армения”.

Из статьи вытекает, что определенные особенности в порядке проведения общественных слушаний предусмотрены только для проведения общественных слушаний проекта Закона “О государственном бюджете Республики Армения”.

Закон РА “О правовых актах”, а также Постановление Правительства РА “Об утверждении порядка организации и проведения общественных обсуждений” от 25.03.2010 г. N296-Н не предусматривают какого-либо особого регулирования проведения общественных обсуждений относительно обсуждаемых в рамках внеочередной сессии Национального Собрания проектов законов.

Из анализа статей 71, 72, 75 и 76 Конституции РА вытекает, что учредитель Конституции в связи с порядком осуществления законодательной деятельности урегулировал только важнейшие вопросы. В частности, вышеотмеченные статьи Конституции устанавливают количество голосов, необходимое для голосования по принятию закона, необходимое минимальное число /кворум/ участвующих в голосовании депутатов, требование внеочередного обсуждения Национальным Собранием возвращенного Президентом РА закона, субъектов права законодательной инициативы, вопросы в связи с утверждением государственного бюджета по представлению Правительства РА и т.д.

Таким образом, учредитель Конституции не рассматривает ор-

ганизацию и проведение общественных обсуждений относительно проектов законов в качестве конституционного процедурного требования принятия законов. Следовательно, поднятый вопрос по своей сути относится к сфере не конституционно-правового, а законодательного регулирования.

Одновременно Конституционный Суд считает необходимым констатировать также, что любое нарушение парламентских процедур принятия законов или, с точки зрения требования организации общественных обсуждений, внепарламентских процедур недопустимо в рамках законодательного процесса, несовместимо с правилами законодательной деятельности, однако не все из этих нарушений имеют принципиальное значение с точки зрения конституционности. К последним причисляются нарушения только тех правил, которые непосредственно основаны на требованиях Конституции, имеют решающее значение для принятия окончательного решения о принятии закона и/или настолько существенны, что без соблюдения этих правил невозможно достоверным образом определить истинную волю законодателя, следовательно, также представляемую законодателем волю народа РА.

Подобная правовая позиция имеется также в международной практике конституционного правосудия (например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2013 года N 4-П).

Одновременно, исходя из требований пункта 2 части 7 статьи 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, являющийся предметом рассмотрения вопрос необходимо рассматривать также в контексте соблюдения предусмотренного Конституцией порядка принятия и введения в действие оспариваемого правового акта.

Согласно статье 70 Конституции РА “внеочередную сессию или внеочередное заседание Национального Собрания созывает Председатель Национального Собрания по инициативе Президента Республики, не менее одной трети от общего числа депутатов или Правительства. Внеочередная сессия или внеочередное заседание проводится по повестке и в сроки, установленные инициатором”.

Согласно части 1 статьи 39 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, озаглавленной “Порядок созыва внеочередной сессии”,

“внеочередную сессию Национального Собрания созывает Председатель Национального Собрания по инициативе Президента Республики, не менее чем одной трети от общего числа депутатов или Правительства. Внеочередная сессия проводится **по повестке дня и в сроки, установленные инициатором**”. А часть 6 той же статьи устанавливает процедуру проведения внеочередной сессии, за исключением случаев, когда постановлением Национального Собрания установлено иное. В являющемся предметом спора случае по инициативе Правительства РА Национальным Собранием РА принято Постановление “О специальной процедуре проведения созванной 18 июня 2014 г. внеочередной сессии Национального Собрания”, которым, в числе прочих вопросов, установлено следующее: в первый день внеочередной сессии Национального Собрания созвать три заседания продолжительностью полтора часа. Продолжительность первого перерыва – полтора часа. Со второго дня каждый день созывать четыре заседания продолжительностью полтора часа. Продолжительность каждого перерыва – пол часа.

Согласно части 2 статьи 40 Закона РА “Регламент Национального Собрания”, озаглавленной “Порядок рассмотрения вопросов на внеочередной сессии”, “если в повестку дня внеочередной сессии включены вопросы о рассмотрении одного и того же вопроса в нескольких чтениях, то до начала их рассмотрения в Национальном Собрании рассматривается внесенный инициатором (инициаторами) проект постановления Национального Собрания о специальной процедуре рассмотрения этих вопросов, которым для представления предложений по принятому в первом чтении проекту закона или пакету проектов предусматривается **не менее чем 3 часа**”. 18.06.2014 г. Национальным Собранием принято Постановление “О специальной процедуре (проведении обсуждения во втором чтении в течение 24 часов после принятия в первом чтении) обсуждения проектов ряда законов”, в которое, в числе прочих вопросов, был включен также проект Закона “О внесении изменения в Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях”.

Конституционный Суд одновременно констатирует, что с точки зрения гарантирования эффективности законодательной деятельности

предметом четкой регламентации должны быть процедуры принятия законов и постановлений Национального Собрания в ходе и очередной, и внеочередной сессии (заседания). В частности, из изучения статей 21, 27-29, 39-41, а также 51 и 52 Закона РА “Регламент Национального Собрания” следует, что в случае внеочередных сессий (заседаний) роль комиссий Национального Собрания не конкретизирована. Но обращение к конституционности положений Закона РА “Регламент Национального Собрания” выходит за рамки являющегося предметом рассмотрения дела.

Проанализировав имеющиеся правовые регулирования и фактические обстоятельства, Конституционный Суд РА констатирует, что внеочередная сессия Национального Собрания была созвана по инициативе Правительства, и Правительство РА, учитывая то обстоятельство, что Конституция РА и Закон РА “Регламент Национального Собрания” дают возможность инициатору установить повестку и сроки проведения внеочередной сессии, выступило с соответствующей инициативой. Из проведенного стороной-ответчиком анализа следует, что организация первого и второго чтений в 24-часовом режиме проблематична, но, как было отмечено выше, для представления предложений по принятому в первом чтении проекту закона или пакету проектов предусматривается **не менее 3 часов**. То есть организация первого и второго чтения в 24-часовом режиме правомерным образом совмещается в установленные рамки правовых регулирований.

Согласно заявителю, предполагаемая неконституционность указанного Закона, в числе прочего, обусловлена также тем обстоятельством, что Министерство юстиции РА касательно являющихся предметом рассмотрения по настоящему делу законов не представило соответствующее заключение правовой экспертизы. Однако изучение имеющихся в деле документов свидетельствует, что соответствующее заключение имеется. В частности, министр юстиции РА, в ответ на запрос Конституционного Суда, письмом от 16.03.2015 г. номер 01/4231-15 сообщает, что “письмом от 19 июня 2014 года номер 02/4231-14 Министерством юстиции Республики Армения в Аппарат Правительства Республики Армения представлено государственное экспертное заключение “О

внесении изменения в Закон Республики Армения “О накопительных пенсиях”. Тем же письмом сообщается, что упомянутым письмом равноценные заключения представлены также относительно всех остальных проектов законов, являющихся предметом спора по настоящему делу. К ответному письму министра юстиции РА прилагались копии соответствующих государственных экспертных заключений, а также заключение относительно оценки влияния регулирования в антикоррупционной сфере.

25. Вышеизложенные позиции касаются вопросов конституционности оспариваемых заявителем норм. Одновременно Конституционный Суд РА констатирует, что, в отличие от предыдущих правовых регулирований, вместе с обеспечением определенной положительной динамики, констатированные в настоящем Постановлении неполноценные регулирования, имеющиеся в новых правовых регулированиях, являются также результатом еще неполной реализации констатированных Постановлением ПКС-1142 правовых позиций. **Последующие законодательные регулирования системному разрешению вопроса должны придать комплексный характер**, последовательно учитывая также правовые позиции, выраженные в Постановлении Конституционного Суда РА ПКС-1142 и настоящем Постановлении.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 68 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Являющиеся предметом спора по настоящему делу пункты 28, 36 и 37 части 1 статьи 2, часть 1, часть 7 статьи 5, часть 10 статьи 9, части 1, 2, 5 и 13 статьи 13, положение “статьей 43 Закона” части 3 и части 5 статьи 37, третье предложение части 3 статьи 39, положение “состав и максимальный размер которых устанавливаются Центральным банком” второго абзаца части 1 статьи 40, термин “разумная доходность” второго абзаца части 1 статьи 43, термин “разумная прибыльность” части 3 ста-

тьи 43, часть 2 статьи 44, второе предложение части 7 статьи 46, часть 5 статьи 62, второе предложение части 6 статьи 62, второе предложение части 7 статьи 63, пункт 6 части 3 статьи 67, часть 1 статьи 81, пункты 1 и 2 части 2 статьи 81, часть 5 статьи 81, часть 7 статьи 81, часть 13 статьи 81 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” соответствуют Конституции Республики Армения, учитывая выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции.

2. Часть 1 статьи 68 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” признать противоречащей требованиям пункта 1 статьи 83.5 Конституции Республики Армения и недействительной.

3. Часть 1 статьи 44, а также части 1 и 2 статьи 45 Закона Республики Армения “О накопительных пенсиях” в части, которой гарантия возврата в уточненном годовой инфляцией размере не распространяется также на предоставляемые из государственного бюджета Республики Армения средства, предусмотренные в статье 9 данного Закона, признать противоречащими требованиям статей 1, 3 и 48 /пункт 12/ Конституции Республики Армения и недействительными.

4. Закон Республики Армения “О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Армения “Об инвестиционных фондах” (Закон ЗР-68-Н), Закон Республики Армения “О внесении дополнений в Гражданский кодекс Республики Армения” (Закон ЗР-69-Н), статьи 6 и 10 Закона Республики Армения “О подоходном налоге” (Закон ЗР-246-Н), Закон Республики Армения “О внесении дополнения в Закон Республики Армения “О минимальной месячной заработной плате” (Закон ЗР-74-Н), Закон Республики Армения “О внесении изменений в Закон Республики Армения “О принудительном исполнении судебных актов” (Закон ЗР-76-Н), Закон Республики Армения “О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Армения “О персонифицированном учете подоходного налога и обязательного накопительного взноса” (Закон ЗР-70-Н), Закон Республики Армения “О внесении изменений в Закон Республики Армения “О подоходном налоге” (Закон ЗР-71-Н), Закон Республики Армения “О внесении изменений в Закон Республики Армения “О банкротстве” (Закон ЗР-72-Н), Закон Республики Армения “О

внесении дополнения в Закон Республики Армения “О бюджетной системе Республики Армения” (Закон ЗР-73-Н), Закон Республики Армения “О внесении изменения в Закон Республики Армения “О государственных пенсиях” (Закон ЗР-77-Н), часть 1 статьи 1 Закона Республики Армения “О дополнительных гарантиях защиты прав и законных интересов участников накопительной составляющей пенсионной системы” соответствуют Конституции Республики Армения, учитывая выраженные в настоящем Постановлении правовые позиции.

5. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**7 июля 2015 года
ПКС-1224**



ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ**

**ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА
СООТВЕТСТВИЯ СТАТЬИ 196 КОДЕКСА
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РА
КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ
АДМИНИСТРАТИВНОГО СУДА РА**

г. Ереван

6 октября 2015 г.

Конституционный Суд Республики Армения в составе Г. Арутюняна (председательствующий), К. Балаяна, А. Гюлумян (докладчик), Ф. Тохяна, А. Туняна, А. Хачатряна, Г. Назаряна, А. Петросян, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – Административного суда РА,

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу официального представителя Национального Собрания РА – главного специалиста Отдела юридической консультации Юридического управления Аппарата Национального Собрания РА А. Сардарян,

согласно пункту 1 статьи 100, пункту 7 части 1 статьи 101 Конституции РА, статьям 25, 38 и 71 Закона РА “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании дело “Об определении вопроса соответствия статьи 196 Кодекса административного судопроизводства

РА Конституции Республики Армения на основании обращения Административного суда РА”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде РА 1 июня 2015 г. обращение Административного суда РА.

Изучив письменное сообщение докладчика по настоящему делу, письменные объяснения стороны-заявителя и стороны-ответчика, а также исследовав Кодекс административного судопроизводства РА и имеющиеся в деле другие документы, Конституционный Суд Республики Армения **УСТАНОВИЛ:**

1. Кодекс административного судопроизводства РА принят Национальным Собранием РА 5 декабря 2013 года, подписан Президентом РА 28 декабря 2013 года и вступил в силу с 7 января 2014 года.

С момента принятия в Кодекс четырежды вносились изменения и дополнения (Законами НС от 21.06.2014 ЗР-99-Н, от 21.06.2014 ЗР-89-Н, от 17.12.2014 ЗР-250-Н, от 18.05.2015 ЗР-66-Н), однако статья 196 осталась без изменений.

Статья 196 Кодекса административного судопроизводства РА, озаглавленная “Состав Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов”, устанавливает:

“1. Дела, предусмотренные настоящей главой, а также апелляционные жалобы против промежуточных судебных актов Административного суда по этим делам рассматриваются и разрешаются Административным судом коллегиально - в составе 5 судей”.

2. Процессуальная предыстория дела сводится к следующему. 12.11.2014 г. Г. Марутян, А. Тер-Оганнесян, М. Степанян, М. Агаджанян, Н. Саакян и Г. Асоян представили в Административный суд РА исковое заявление с просьбой признать недействительными подпункт 5 пункта 1 Постановления Правительства РА от 29.05.2009 г. номер 604-Н в части участка номер 78, находящегося по адресу: г. Ереван, проспект М. Маштоца, дом 48, а также государственную регистрацию права собственности общины Ереван в отношении участка номер 78, торги, объявленные мэрией Еревана 14.06.2014 г. для продажи указанного участка,

и заключенный 18.07.2012 г. в результате этих торгов договор между общиной Ереван и гражданином Н. Арутюняном. Истцы обратились также с ходатайством о восстановлении установленного законом для оспаривания правомерности нормативного правового акта и упущенного процессуального срока.

Решением Административного суда РА от 19.11.2014 г. ходатайство о восстановлении права совершения действий, обусловленных упущенным процессуальным сроком, было отклонено и в принятии искового заявления отказано.

03.12.2014 г. истцы подали в Административный апелляционный суд РА апелляционную жалобу против вышеупомянутых решений.

19.12.2014 г. на основании статьи 196 Кодекса административного судопроизводства РА в принятии жалобы было отказано, и указанное решение в установленный срок не было оспорено.

30.01.2015 г. истцы представили апелляционную жалобу в Административный суд РА.

Решением от 09.02.2015 г. Административный суд РА принял апелляционную жалобу к производству.

В результате рассмотрения вышеуказанной жалобы 22 мая 2015 года Административный суд РА вынес решение приостановить производство по вышеуказанному судебному делу и обратиться в Конституционный Суд РА.

3. Заявитель считает, что решить дело можно только применением статьи 196 Кодекса административного судопроизводства РА, а выражение “а также апелляционные жалобы, поданные против промежуточных судебных актов Административного суда по этим делам” данной нормы проблематично с точки зрения соответствия положениям статей 18, 19 и части 1 статьи 92 Конституции РА.

Согласно суду-заявителю, делегирование Административному суду полномочий по рассмотрению жалоб против промежуточных судебных актов Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов не только не мотивировано, но и создает проблемы с точки зрения **инстанционности**, гарантируемой статьей 92 Конституции РА.

Ссылаясь на правовую позицию, выраженную Конституционным Судом РА в пункте 5 Постановления ПКС-719, заявитель находит, что

в результате действующего правового регулирования не обеспечивается дополнительная гарантия эффективности и объективности, так как в условиях наличия Административного апелляционного суда промежуточный судебный акт Административного суда пересматривает суд, принявший этот акт, причем тем же числом судей.

По утверждению заявителя, оспариваемое правовое положение создает путаницу в вопросе реализации права оспаривания промежуточных судебных актов Административного суда, так как главой 22 Кодекса административного судопроизводства РА апелляционное производство четко регламентировано, а являющаяся предметом спора норма дает диаметрально противоположное этому регулирование, создавая тем самым неопределенность.

Заявитель отмечает, что Кодексом административного судопроизводства РА не урегулированы полномочия суда, рассматривающего апелляционные жалобы, представленные против промежуточных судебных актов Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов, а также порядок рассмотрения и характер принимаемых в результате этого актов.

По мнению заявителя, возникает ситуация, при которой Административный суд на основании оспариваемой нормы должен принимать к рассмотрению апелляционные жалобы, однако не имеет полномочий для осуществления последующих действий, что представляет собой угрозу полноценной реализации гарантированного **статьями 18 и 19 Конституции РА** права лица на судебную защиту, делая ее нереальной.

4. Согласно ответчику, в условиях действующей в Республике Армения трехступенчатой судебной системы каждая из судебных инстанций имеет свои функции: рассматривая и разрешая дела по существу, **суд первой инстанции** осуществляет защиту нарушенных прав и законных интересов лиц; **апелляционный суд** осуществляет защиту прав лиц посредством функции исправления судебных ошибок; а **кассационный суд** призван обеспечивать единообразное применение закона.

По мнению ответчика, законодатель, создавая функциональную связь между разными судебными инстанциями, преследует цель обеспечить законность и обоснованность судебных актов, а также полноценную защиту нарушенных прав лиц. В условиях наличия трехступенчатой судебной системы пересмотр Административным судом вынесенных им же судебных актов не вписывается в общую логику трехступенчатой си-

стемы судебной защиты, и обжалование промежуточных судебных актов по делам об оспаривании правомерности нормативно-правовых актов должно осуществляться посредством обжалования в Административном апелляционном суде РА.

Ответчик также отмечает, что в целях решения вышеуказанной проблемы в Национальном Собрании РА подготавливается проект Закона о внесении изменения в Кодекс административного судопроизводства РА, который вскоре будет пущен в оборот.

5. Конституционный Суд считает необходимым оценить конституционность оспариваемой по настоящему делу правовой нормы:

- с точки зрения соблюдения закрепленной Конституцией РА иерархии судебных инстанций;
- с точки зрения гарантирования полноценной реализации конституционных прав лица на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

В соответствии с частью 1 статьи 92 Конституции Республики Армения в Республике Армения действует трехступенчатая судебная система: суды общей юрисдикции первой инстанции и Административный суд, апелляционные суды и Кассационный Суд. Согласно статье 94 Конституции РА полномочия, порядок формирования и деятельности судов устанавливаются Конституцией и законами.

Иерархия судебных инстанций в первую очередь призвана обеспечить контроль законности и обоснованности судебных актов вышестоящими судами, своевременное исправление судебных ошибок, что гарантирует еще большую защиту прав и законных интересов физических и юридических лиц.

Согласно части 1 статьи 35 Судебного кодекса РА Административный суд рассматривает по существу предусмотренные Кодексом административного судопроизводства административные дела, а согласно части 2 той же статьи акты Административного суда могут быть обжалованы только в апелляционном порядке.

Статья 39 того же Кодекса, озаглавленная “Правомочие Апелляционного суда”, устанавливает положение, согласно которому Апелляционный суд пересматривает промежуточные судебные акты в предусмотренных законом исключительных случаях.

Европейский суд по правам человека нашел, что промежуточные судебные акты как таковые не могут рассматриваться как определяющие

в аспекте гражданских прав и обязанностей и, как правило, не защищаются статьей 6 Конвенции, если, конечно, этого не требует исключительность промежуточного решения (определения) (*Markass Car Hire Ltd v. Gyrpus*, (dec.), no. 51591/99, 23 October 2001).

Рассматривая определение об отказе в принятии искового заявления как подобный исключительный случай, законодатель включил его в данный в статье 131 главы 22 Кодекса административного судопроизводства Республики Армения, озаглавленной “Производство в Апелляционном суде”, перечень промежуточных судебных актов, подлежащих обжалованию в апелляционном порядке.

Согласно статье 3 Судебного кодекса РА Административный суд и Административный апелляционный суд являются специализированными судами, тем не менее в соответствии со статьей 153 главы 23 Кодекса административного судопроизводства РА, озаглавленной “Производство в Кассационном Суде”, промежуточные судебные акты Административного суда Республики Армения могут быть обжалованы в кассационном порядке в Кассационный Суд.

Законодатель, по сути, соблюдая принцип инстанционности, предусмотрел возможность обжалования промежуточных судебных актов в вышестоящих судах, что, однако, не распространяется на промежуточные судебные акты Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов.

В связи со специализированными судами Конституционный Суд в своем Постановлении ПКС-1190 выразил правовую позицию о том, что “внедрение института специализированного правосудия, в том числе административного правосудия, в числе прочего, в первую очередь преследует цель обеспечить эффективность и полноценность реализации права на судебную защиту в этой сфере с учетом особенностей, характерных этому виду правосудия. Однако никакая процессуальная особенность или процедура не может помешать или предотвратить возможность полноценной и эффективной реализации права на обжалование судебного акта, являющегося элементом конституционного права на судебную защиту, лишив смысла гарантированное статьей 18 Конституции РА право или стать запретом его реализации”.

В дополнение к вышесказанному, Конституционный Суд подтверждает свою правовую позицию, выраженную в Постановлении ПКС-719, согласно которой “вся логика института обжалования вообще и внутри системы правосудия в частности сводится к тому, чтобы

оспаривание незаконного поведения одного звена было адресовано исключительно вышестоящей инстанции. На этой логике построен весь механизм обжалования в системе правосудия РА”.

6. Обращаясь к обязанности государства обеспечивать гарантию доступности суда, Конституционный Суд в своем Постановлении **ПКС-765** сослался на следующий подход Европейского суда по правам человека: “Согласно четко сформировавшемуся прецедентному праву Европейского суда по правам человека, Конвенция о защите прав человека и основных свобод **не обязывает Договаривающиеся государства создавать апелляционные или кассационные суды**, тем не менее, если они созданы, должно быть обеспечено, чтобы заинтересованные лица в этих судах также пользовались предусмотренными статьей 6 Конвенции основополагающими гарантиями на справедливое судебное разбирательство, в том числе также доступность суда в связи с гражданскими правами и обязанностями”.

Европейский суд по правам человека, обращаясь к действенной и эффективной реализации права на судебную защиту, находит, что сама по себе статья 6 Европейской конвенции по правам человека не предусматривает право на обжалование решения нижестоящей судебной инстанции в вышестоящей инстанции, однако когда такое право предусмотрено внутригосударственным законодательством, то статья 6 применима в отношении вышестоящей инстанции, имеющей судебное правомочие (*Delcourt v. Belgium*, §25, Application no. 2689/65, 17.01.1970).

Практика применения оспариваемого правового положения свидетельствует о том, что Административный апелляционный суд отказывает в принятии апелляционной жалобы с той мотивировкой, что он не компетентен ее рассматривать. В создавшейся ситуации административный суд вынужден осуществлять функцию апелляции, которая изначально не входит в его функции, нарушая инстанционность судебной системы.

Конституционный Суд считает необходимым отметить, что прецедентным решением Кассационного Суда РА от 27 июля 2015 года по административному делу **Ч1/6478/05/14** с такими же фактическими обстоятельствами сформировалась такая практика применения нормы, предусмотренной оспариваемым положением, которая исключает обжалование промежуточных судебных актов по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов в Административном суде

РА. В частности, Кассационный Суд, учитывая также правовые позиции Конституционного Суда, считает, что промежуточные судебные акты Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов подлежат обжалованию в порядке апелляции в Административном апелляционном суде.

В решении Кассационного Суда по вышеуказанному делу говорится, что “... **участники судопроизводства должны иметь возможность оспаривать** законность и обоснованность решения в вышестоящей судебной инстанции – в **Административном апелляционном суде РА**, так как одним из важных элементов гарантированного Конституцией РА права на судебную защиту является право обжалования, и отсутствие правовой возможности обжалования промежуточного судебного акта Административного суда по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов неправомерно лишает лицо права обжалования в вышестоящей судебной инстанции судебного акта, который является одним из элементов конституционного права на судебную защиту”.

7. Конституционный Суд обозначивает задачу оценки беспристрастности суда при рассмотрении тем же судом апелляционных жалоб, поданных против промежуточных судебных актов Административного суда об оспаривании правомерности нормативных правовых актов. Рассмотрение дела независимым и беспристрастным судом является одной из основных гарантий справедливого судебного разбирательства, закрепленной в статье 19 Конституции.

Прецедентное право Европейского суда по правам человека выделяет **субъективный стандарт беспристрастности** – личное отношение судьи к данному делу и **объективный стандарт** – наличие достаточных гарантий, исключающих разумные сомнения по этому вопросу (*Gautrin and others v. France*, дело ЕСПЧ от 20 мая 1998 года).

Исходя из вышеизложенного, Конституционный Суд считает спорным закрепленное статьей 196 Кодекса административного судопроизводства РА правовое положение с точки зрения оценки пристрастности суда – может ли быть беспристрастным суд в вопросе пересмотра вынесенного им же самим судебного акта.

В результате сравнительного анализа выдвинутых в рамках конституционно-правового спора по делу, являющемуся предметом рассмотрения, правовых регулирований прежнего Кодекса административного судопроизводства РА (28.11.2007 г.) и действующего Кодекса админи-

стративного судопроизводства РА, а также Судебного кодекса РА Конституционный Суд констатирует, что:

а) согласно Закону РА “О внесении изменений и дополнений в Судебный кодекс Республики Армения” от 29 октября 2010 года с 1 декабря 2010 года в Республике Армения действует Административный апелляционный суд РА и административное правосудие осуществляется в рамках трехступенчатой системы, вместо действующей ранее двухступенчатой;

б) оспариваемое по настоящему делу правовое положение, предусматривающее пересмотр промежуточных судебных актов Административного суда тем же самым судом, фактически действует также после создания Административного апелляционного суда РА.

Что касается вопроса эффективной реализации прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, то необходимо отметить, что Конституционный Суд РА очень часто рассматривает статьи 18 и 19 Конституции РА как единое правовое явление и неоднократно обращался к ним в ряде своих постановлений (ПКС-719, ПКС-780, ПКС-936, ПКС-1037, ПКС-1190 и др.).

Статьи 18 и 19 Конституции РА гарантируют права каждого на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

Статья 7 Судебного кодекса также закрепляет положение, согласно которому никто не может быть лишен права на публичное рассмотрение своего дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом в условиях равенства и с соблюдением всех требований справедливости.

Подобный подход соответствует международным правовым требованиям в сфере прав и свобод человека и гражданина, нашедшим отражение, в частности, во Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8 и 10), в Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14), в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (статьи 6, 13) и др.

Обращаясь к вопросу проблематичности реализации прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство в рамках настоящего конституционно-правового спора, Конституционный Суд констатирует, что при нарушении этих прав их восстановление **посредством утверждения определенного механизма и процедур является обязанностью государства**. Государство также обязано обеспечить эффективное предотвращение и устранение нарушений созданным механизмом.

Ситуация, когда действующее законодательство и правоприменительная практика делают невозможным судебный контроль по вопросу соответствия закону отдельных правовых актов на основании обращений физических и юридических лиц, несовместима с принципами и подходами, признанными правовым государством.

Конституционный Суд РА в своем Постановлении ПКС-936 обозначил возможность обеспечения пересмотра судебных актов, отметив, что "... на конституционном уровне предусмотрен такой особый институт гарантирования судебной защиты нарушенных прав и свобод (ее эффективности), как право лица на пересмотр судебного акта вышестоящим судом (судебное обжалование). Последнее также является первичной обязанностью государства - реализацией определенной процедуры, в том числе реализацией целей правосудия путем исправления возможных судебных ошибок в вопросе осуществления прав лица на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство".

8. Обращаясь к тем аргументам заявителя, что в Кодексе административного судопроизводства РА не подвергается правовому регулированию порядок рассмотрения апелляционных жалоб, поданных против промежуточных судебных актов по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов, и характер принятых в результате этого актов, метод рассмотрения и полномочия Административного суда в результате рассмотрения, Конституционный Суд находит, что вышеупомянутые аргументы заявителя, по сути, сводятся к вопросам наличия **законодательного пробела** и искажения обусловленного этим процесса гарантирования прав, закрепленных статьями 18 и 19 Конституции РА. Это в свою очередь создает препятствие в вопросе реализации права доступности суда и с точки зрения реальной возможности обжалования судебного акта.

Нормативной возможности принятия к производству Административным судом апелляционных жалоб, представленных против промежуточных судебных актов по делам об оспаривании правомерности нормативных правовых актов на основании оспариваемого положения, **недостаточно для обеспечения реализации конституционного права лиц на судебную защиту** в рамках института обжалования промежуточных судебных актов по вышеупомянутым делам.

Возбуждение дела, его подготовка, рассмотрение, последовательность стадий разрешения дела и т.д. в каждой из установленных в Республике

Армения инстанций судебной системы должны быть четко урегулированы соответствующими процессуальными кодексами и законами.

Более того, по делу Галстян против Армении (Galstyan v. Armenia, Application no. 26986/03) Европейский суд по правам человека нашел, что предусмотренная внутригосударственным законодательством процедура обжалования должна быть четко сформулирована, иметь последовательную практику применения и предоставлять лицу четкое и доступное право обжалования.

Подытоживая вышеизложенное, Конституционный Суд находит, что статья 196 Кодекса административного судопроизводства РА спорна как с точки зрения соответствия закрепленной законодательством судебной инстанционности, так и в аспекте четкости закона и, следовательно, в достаточной степени не обеспечивает возможность полноценной реализации конституционных прав на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 100, пунктом 7 части 1 статьи 101, статьей 102 Конституции Республики Армения, статьями 63, 64 и 71 Закона Республики Армения “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд Республики Армения **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Положение статьи 196 Кодекса административного судопроизводства РА “... а также апелляционные жалобы против промежуточных судебных актов Административного суда по этим делам” признать противоречащим статьям 18, 19 и части 1 статьи 92 Конституции Республики Армения и недействительным.

2. Согласно части второй статьи 102 Конституции Республики Армения настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента оглашения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

Г. АРУТЮНЯН

**6 октября 2015 г.
ПКС-1231**

ВЕСТНИК КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИИ
(ПРИЛОЖЕНИЕ)

Адрес редакции:
Ереван, Баграмяна 10
Телефон (011)58-51-89
E-mail: armlaw@concourt.am.
<http://www.concourt.am>.

Подписано к печати 11.10.2016
Формат 70x100 1/16
Тираж 300 экз